

FORGOTTEN REALMS®

БРЮС Р. КОРДЕЛЛ

ГОСПОДСТВО АБОЛЕТОВ КНИГА I

ЧУМА ЗАКЛИНАНИЙ

Будущее было в огне.

Магическая чума жестоко обошлась с Рейдоном Кейном: на его коже выжжена татуировка в виде сапфира, он обладает сверхъестественными способностями и не помнит одиннадцати лет своей жизни...

Миру наступил конец. Как он мог забыть это?

Его дочь мертва, его дом разрушен. Его жизнь была бы пуста, если бы ни одна вещь...

Месть.

О ПЕРЕВОДЕ

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “**ForgottenRealms**”. Перевод выполнен на некоммерческой основе и не предназначен для продажи.

Переводчик: **Redrick**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Спонсоры перевода: **Валерий, Гарибальди Синклер, g0ddest, Алексей Кузьмин, VyachyNOS, Андрианов Сергей**

Если во время чтения Вы обнаружили какие-то ограхи, замечания, стилистические неточности, то прошу отписать о них на shadowdale.ru.

Регистрируйтесь на нашем сайте abeir-toril.ru и форуме shadowdale.ru — новые книги вас будут ждать только там.

Спасибо!

БРЮС Р. КОРДЕЛЛ «ЧУМА ЗАКЛИНАНИЙ»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*28 марта, год Синего Пламени (1385 ЛД)
Звёздный Покров, побережье Дракона*

Буря пришла с востока.

Передний край бури раскинулся широко, погрузив побережье Дракона в сумрак. Истекая холодным дождём, он затмевал солнце. За этим угрюмым вестником бурлило сердце бури, грохочущее от ярости стихий.

Дождь, град и ледяной ветер ворвались в портовый город, именуемый Звёздным Покровом.

В первые мгновения ливня городские жители пытались продолжать заниматься своими делами. Но дождь набрал силу, а холод вопреки времени года превратился в настоящий зимний мороз. Даже моряки, привыкшие к буйству стихии, бросились в укрытие. Люди кричали от неожиданности и неприятных ощущений, когда игольчато-острые капли стали находить щели в крышах, стенах и одежде.

Улицы стремительно пустели. Мужчина подскользнулся в свежей грязи и упал. Уличный торговец пытался тащить свою тележку с навесом против угрожавшего сорвать этот навес ветра. В воздухе метались листы бумаги и мусор. Рыбную вонь портового города заглушил запах грозы.

Невысокая женщина, придерживая над головой синюю шаль, споткнулась и едва не упала, когда её сапог заскользил на промокших камнях мостовой.

Рейдон Кейн бросился вперёд и помог ей выпрямиться. Она благодарно кивнула и поспешила прочь, продолжая искать убежище. Как и Рейдона, неожиданный, ледяной ливень застиг её без плаща.

Рейдон снова сосредоточился на узкой мощёной дороге у себя под ногами. Дождь и внезапный холод сделали камни не просто скользкими — в некоторых местах влага и низкая температура сговорились, сформировав ледяные ловушки для неосторожных.

Он нахмурился, одной рукой прикрывая глаза от жалящих капель. Он задумался, откуда могла прийти зимняя буря — так рано, во время праздника Зелёной Травы. Его путешествие по морю Павших Звёзд отличалось спокойными днями и прохладными ночами. Когда сегодня он сошёл на берег, с востока улыбалось приятное весеннее солнце.

В качестве оплаты путешествия Рейдон должен был помочь команде разгрузить железные слитки, сохраняемые при помощи магии сливки и шёлк из Ретильда на пирс. Он потел и трудился вместе с остальными под необъятным небом без единого облачка. А теперь — ледяной дождь, град и, возможно, снег?

Рейдон вытащил из-под рубахи серебряную цепь. На ней висел камень — его амулет. В камне было вырезано белое дерево без листвьев, окружённое душераздирающей чистой синевой. Этот символ был Знаком Лазури. Весь остальной амулет укрывали наползающие друг на друга надписи на неизвестном ему языке, такие мелкие, что легко было принять их за простые шерховатости.

Камень резко холодел, чтобы предупредить его об аберрациях и нарушении естественного порядка.

На ветру Рейдон едва чувствовал свои руки, и уж тем более не мог ощутить, стал ли камень холоднее воздуха. Да, он был холодным, но было ли это предупреждением? Или камень остыл из-за пронизывающего, как дыхание морозного великаны, ветра?

Монах прищурился, вглядываясь в символ сквозь вихрь ледяных кристалликов, выискивая любые признаки, что дерево или его края поблекли, высматривая любые изменения в крохотных надписях на остальной поверхности.

Знак Лазури оставался неизменным. Синева обрамления была такой же пугающей, небо — как всегда ярким, дерево в центре сверкало, как белая звезда. Это означало, что внезапная перемена погоды не была связана с аберрациями.

Конечно, отсутствие реакции Знака не исключало множества других зловещих возможностей. Вполне вероятно, что какой-нибудь волшебник или жрец мира природы проводил ритуалы испорченной погоды с некой зловещей целью.

Но амулет Рейдона был не способен реагировать на такие обычные вещи. Несмотря на все его глубины, рождённое в сердцах смертных зло было злом меньшего порядка, чем противоестественные чудовища, которых он искал. Какой бы ни была причина подобной погоды, Рейдон решил, что это не его дело.

Он облегчённо вздохнул.

Непредвиденной задержки, чтобы выследить и обезвредить какого-нибудь местного монстра, можно было не опасаться. Его расписание не пострадает. Его дочь, Эйлин, ждала его в Натлехе всего через пять дней, и он поклялся не разочаровать её снова. Она была слишком мала, чтобы понимать, каких долгих отлучек требовали его расширявшиеся поиски.

Рейдон сунул амулет обратно под рубаху.

Амулет был семейной реликвией, которую оставила ему мать, женщина-фей из Сильдеюра. За годы, прошедшие с тех пор, как он принял свое наследие, Рейдон исходил большую часть Фаэрнуна, разыскивая её. Он нашёл намеки, истории, старые следы — только не саму мать и даже не её могилу.

Вместо этого Рейдон узнал об ужасной угрозе. Об этой опасности знали слишком немногие, чтобы активно ей сопротивляться. Кроме него — при помощи амулета матери, Знака Лазури.

Свирепый порыв ветра вырвал его из задумчивости.

Цзай цзы, как же холодно! Шёлковая рубаха почти его не защищала. Началась настоящая ледяная буря. Даже если её породило всего лишь своенравие природы, холод становился опасным.

В конце боковой улочки он заметил отчаянно раскачивающийся знак в форме белого борова с изображённой на нём флягой. Может быть, внутри кто-нибудь захочет расстаться с плащом потолще его собственного шёлкового кафтана. По крайней мере, он сможет согреться и даже переждать ледяной ветер и град.

Монах вошёл в таверну. Заведение почти доверху было набито клиентами, которым пришла в голову та же мысль, что и Рейдону. В очаге ревел огонь, и подогретый мёд подавали в половину дешевле обычной цены.

Планировка таверны напомнила Рейдону пивную, которую он посетил в Амне несколько лет назад. Он вспомнил, как амулет на груди стал ледяным, когда он заговорил с владельцем пивной. Поблизости затаилось нечто мерзкое. Той ночью, владелец попытался забить его во сне железным ночным горшком.

Благодаря амулету, Рейдон ожидал неприятностей. Он ударил владельца в грудину, ломая её, и одновременно подсёк ноги нападавшего, сбив его на пол. Осмотрев владельца с помощью амулета, Рейдон узнал, что тот попал в рабство пожирателя разума, чудовища из подземных глубин, плетущего козни в канализации под городом.

Рейдон тряхнул головой, чтобы избавиться от воспоминаний. Здесь ничего подобного не происходило.

Он сел у конца одного из длинных общих столов.

Полдюжины уже сидящих там мужчин и женщин не обратили на него внимания. Подошёл разносчик, парнишка с непричёсанными волосами. Паренёк взглянул на Рейдона, потом сказал, как будто задавая вопрос: «У нас есть Драконий источник?»

За чертами, которыми наделила Рейдона кровь фей, юноша распознал его человеческое наследие шу.

Рейдон благодарно улыбнулся и кивнул. Он добавил:

- Пожалуйста, принеси мне чайник. Я с радостью отведаю вашего Драконьего источника.

- Хорошо! - разносчик поспешил прочь, протискиваясь через толпу.

И Звёздный Покров, и Западные Врата затопили шу, преодолевшие море Павших Звёзд по дороге из Теска и мест дальше к востоку по Золотому Пути. Оба города стремились стать главным пунктом назначения для переселенцев. Это соперничество было всего лишь очередным способом, которым каждый город пытался захватить первенство в морской торговле. Постоянный приток шу обеспечивал значительную прибыль от пошлин.

В свою очередь, всё это означало, что Рейдон мог предвкушать, как будет наслаждаться чашкой хорошего чая в таверне, которая десятью годами ранее была известна только своим мёдом и элем. Времена меняются. К счастью, местные догадались, что кратчайший путь к сердцу шу можно открыть, подавая хороший чай.

Достаточно скоро мальчишка вернулся с разогретым на огне глиняным чайничком и не сочетающейся с ним, немногого треснутой чашкой.

Рейдон подавил недовольную гримасу и даже смог стукнуть по столу тремя пальцами в знак признательности. Он налил себе чая и пригубил.

О да. Тёплое варево действительно было Драконым источником, пускай даже немного староватым. Растущая популярность зелёного чая была вполне заслуженной. Мальчишка протянул руку: «Серебряную монету?»

Рейдон кивнул и заплатил запрошенную цену. Чай был одной из немногих роскошней, которые он себе позволял.

Эйлин тоже любила чай, хотя ей было всего пять лет. В последний раз он видел её три месяца назад, над дымящимися чашками. Она хихикнула, когда он принял изображать пантомимой, будто обжёг губы, показывая, что нужно быть осторожной. Три месяца — слишком долгий срок для разлуки отца с дочерью. Для ребёнка такого возраста это была практически целая жизнь.

Эйлин был всего год, когда он спас её в Тельфламме. Когда Рейдон нашёл её, настоящая семья девочки была мертва — убита и сожрана стаей созданий, которые носили кожу своих жертв, чтобы тайно рыскать по переулкам города. Эйлин пощадили лишь потому, что она была слишком мала и не стоила усилий.

После того, как Рейдон вычистил это гнездо, он нашёл тихо лежавшую в колыбели девочку. Ребёнок посмотрел в его глаза своими мигающими глазками цвета моря. Монах поднял её, и она потянулась к его рубахе своими маленькими ручками.

- Не волнуйся, малышка. Ты в безопасности, - пообещал он.

Но Рейдон не знал, правду ли говорит, когда произнёс эти слова. У девочки не осталось семьи. Он спас её жизнь — теперь ребёнок стал его ответственностью. Малышка наконец смогла достать до рубахи и вцепилась в неё.

В конце концов, Рейдон удочерил её.

Но осесть в Тельфламме он не мог. Он вычистил гнездо похитителей кожи, но городская якудза объявила Рейдона Кейна врагом, которого следует убить на месте за прошлые конфликты с криминальным боссом. Поэтому он увёз Эйлин на запад, на другую сторону моря, превратившись в очередного иммигранта-шу, надеющегося построить новую жизнь для себя и своего ребёнка на юге побережья Дракона. Он поселился в Натлехе, где диаспора шу была очень велика. С накопленным за годы сражений с аберрациями (и присвоения их сокровищ) золотом он смог купить дом и нанять стражников и нянек. Эйлин всегда плакала, когда он уходил, чтобы продолжить свои поиски, но возвращаясь, Рейдон всегда привозил ей подарок.

Он достал из нагрудного кармана небольшой колокольчик. У колокольчика была ручка из красного дерева, а сам он был из мифрила. Язычок придерживала кожаная защёлка. Он купил колокольчик в сембийском городе Селгонте. Когда Рейдон испытывал его, колокольчик издал чистую, радостную ноту. Эйлин это понравится. Он улыбнулся, предвкушая её реакцию, и вернул колокольчик в карман.

Рейдон сделал ещё один глоток чая и заметил беловолосую женщину. Её локоны были собраны в опускавшуюся вдоль спины косу. Она сидела за столом практически напротив. Вокруг женщины собралось несколько посетителей. Женщина смотрела на лежащий перед ней на столе кусок желтоватого кристалла неправильной формы.

В кристалле закружились небольшие искорки, но женщина упрямо смотрела перед собой. Её тонкий рот медленно скривился в гримасе. Наконец, она оборвала зрительный контакт с камнем. Тот мгновенно угас. Рейдон узнал в кристалле

инструмент прорицателей — обычно используемый теми, кто придумывал радужное будущее в обмен на деньги.

Молодой разносчик, обслуживавший Рейдона, стоял у локтя женщины, на миг забыв о своих обязанностях. В шуме голосов Рейдон услышал, как парнишка спрашивает:

- Что вы видите, леди Мимура? Как скоро закончится шторм? Мы ждём соль; как вы думаете, к утру корабль с солью уже прибудет?

Женщина подняла взгляд и огляделась кругом, удивлённая вниманием, которое она привлекла. Она встала, прижав кристалл к груди. Свободной рукой она отсутствующе потрепала парнишку по голове.

- Госпожа? У вас всё хорошо? Погода завтра прояснится?

Продолжая хмуриться, женщина покачала головой. Её глаза выражали смущение и беспокойство. Она произнесла:

- Здесь что-то... Я не могу сказать. Где-то, за границей нашего понимания, готово завершится великое преступление.

- Преступление? Вы что, говорите про кражу? Про убийство? - потребовал другой посетитель.

Она покачала головой и ответила:

- Не знаю.

Она ушла, как будто оглушённая. Ненадолго открывшаяся дверь впустила в помещение холод. Рейдон считал, что женщина была просто местной фокусницей, но всё равно незаметно проверил свой амулет ещё раз, просто чтобы удостовериться.

Тот оставался неизменным.

Какое-то время спустя стало казаться, что шторм прекращается, но холодный дождь по-прежнему хлестал по улицам Звёздного Покрова. У другого посетителя Рейдон приобрёл шерстяную куртку до колен.

Куртка был чёрной, с жёлто-золотистой каймой на манжетах и вдоль нижней каймы — очень броская, на самом деле. От снега и холода она его защитит, но Рейдон решил, что под нестихающим ливнем он промокнет в мгновение ока. Что ещё более важно, он сомневался, что по такой погоде сегодня днём или вечером город покинет хоть один караван. Монах собирался преодолеть последние мили своего путешествия быстро, верхом на лошади или в фургоне, нанявшись в купеческий караван. Похоже, не сегодня.

Рейдон спросил про комнату, чтобы переждать бурю.

Спал он обычно крепко, но этой ночью едва дремал, тревожимый грохотом дождя по черепице и ставням.

Он открыл глаза, когда через щели в ставнях потёк свет. Очевидно, сон всё-таки одолел его, хотя сновидений Рейдон не помнил. Сонливость ослабила его желание встать пораньше. Но шум дождя, как и вой ветра, уже прекратились. Он поднялся с койки, закончил утренние омывания и спустился в общий зал. Наскоро перекусив холодной свининой, Рейдон покинул заведение, затягивая пояс своей новой куртки.

И он был рад, что купил её. Все поверхности вокруг укрыты белым инеем, и его дыхание вырывалось большими пушистыми облаками. Странное спокойствие висело в неподвижном воздухе, и наступающий рассвет окрасил небо синевато-

белыми красками. Необычный едкий запах, как от обожжённого металла, смешивался с привычными городскими ароматами.

Запах неприятно напомнил монаху про тот случай, когда демоническое чудовище переломило меч посередине своей невероятной силой. Резкий, неприятный запах, исходящий от разорванного металла, был таким же. Это был запах чего-то ломающегося.

Рейдон без задержки добрался до главных ворот города. Вокруг почти никого не было. Те, кто уже проснулся, стояли на улицах небольшими, неуклюжими группами. Они смотрели на восток, бормоча о странном оттенке рассвета.

Двухэтажный караван-сарай был расположен сразу же за городскими стенами. Купцы уже собирали лошадей, фургоны, кучеров, грузчиков и охрану. Торговля не станет ждать из-за странного цвета в небе или необычного запаха, и Рейдон был за это признателен. В своих поисках он научился быстро путешествовать по Фаэрну, пользуясь преимуществом разветвлённой торговой сети на континенте. Благодаря ей Рейдону не приходилось самому заботиться о проводниках или лошадях. Даже не зная его в лицо, многие хозяева караванов знали о его репутации, и были рады заручиться компанией Кейна на опасных маршрутах.

Полуэльф вошёл в караван-сарай и вскоре принял предложение сопровождать торговую компанию, направляющуюся в Натлех после того, как обогнёт северо-западный край озера Длинной Руки. В обмен на погрузку и разгрузку, а также работу охранника по необходимости, Рейдон доберется до цели куда быстрее, чем мог бы пешком. Заработка плата тоже входила в его договор, но солидная сумма, которую он скопил, вычищая логова аберраций, затмевала всё, чем могли соблазнить его купеческие лорды.

Они отправились в путь на четырёх крытых брезентом фургонах. Каждый фургон тянула упряжка из четырёх лошадей и сопровождали несколько всадников впереди и сзади. Рейдон вызвался ехать сзади, высматривая разбойников. Во время своей последней поездки монах узнал, что недавно несколько враждующих гоблинских банд разбили лагеря на краю Галтмерского леса. В небольшом количестве эти существа были трусливы, но толпой представляли серьёзную угрозу.

Начальница каравана дала Рейдону в арьергард норовистую кобылу. Она сказала монаху, что лошадь зовут Кожевницей. Рейдон сидел верхом, ожидая, пока караван отъедет подальше. Кожевница была прекрасной лошадью и забеспокоилась, когда её товарищи начали удаляться, но Рейдон успокоил её тихими словами и поглаживанием.

Монах гладил гриву Кожевницы, когда его отвлёк странный шум.

Гулкие удары сотен крыльев в неподвижном воздухе заставили его посмотреть вверх. Огромная стая ворон летела с востока, их чёрные силуэты быстро скользили в утреннем небе. Стая не задерживалась и не сворачивала. Она быстро настигла караван и пролетела на запад, как стрела. Рейдон прищурился, взглянувши вдаль в поисках преследователя — грифон, или, может, небольшой дракон? Нет. Только встающее солнце. Солнце, синее, как глаз грозового великаны и лишённое тепла, как надвигающийся ледник.

Синее? Что...

Какофония пронзительных воплей и возгласов раздалась из рощи густых деревьев к югу. Вперёд бросилась толпа невысоких фигур в драных доспехах. Некоторые держали копья, другие — топоры. Разбойники-гоблины! По меньшей мере двадцать, прикинул Рейдон. Тот, что возглавлял натиск, был крупнее и более волосат, чем прочие.

Охранники каравана посыпались из фургонов, затягивая пряжки поясов с оружием и натягивая на луки тетиву.

Рейдон дёрнул поводья, поворачивая Кожевницу задом к фургонам. Он пришпорил её в галоп. Кожевница ответила, сокращая расстояние между ним и существом, возглавлявшим атаку. Вожак достигал почти семи футов роста. Из сочленений доспехов торчала грубая шерсть. Похожие на кинжалы клыки наполняли зиявшую пасть. В одной руке он держал широкий боевой топор, в другой, за волосы — отрубленную человеческую голову. Он завертел головой, как цепом. Это был не гоблин.

Рейдон воспользовался инерцией скачки и выпрыгнул из стремян. Он бросился на косматого вожака бандитов, вытянув вперёд руки, как будто ныряя в море. Его враг взмахнул топором, промахнувшись на несколько ладоней. Вытянутая левая рука монаха коснулась почвы рядом со ступней вожака. Рейдон схватил ближайшую лодыжку своей правой рукой, подтягивая её к груди, и ушёл в кувырок.

Ещё до того, как он успел завершить движение, раздался жуткий, мясистый треск. Полуэльф отпустил лодыжку и завершил кувырок, позволяя манёвру поглотить его скорость всего через три вращения. Вскочив с руками наготове, он увидел косматого вожака на спине, одна нога вывернута в сторону под неестественным углом. Вожак продолжал кричать, но это был уже не вызов.

Оставшиеся гоблины, состоящие целиком из меньших зелёных тварей, резко остановились. Они посмотрели на своего предводителя, потом на Рейдона. Монах смерил их взглядом, зная, что может запугать гоблинское отребье уверенным видом. Зелёная кожа гоблинов как будто натянулась, замерцала и посветлела перед его взглядом — до тех пор, пока не стала синей. Не только кожа, но их снаряжение, земля, на которой они стояли, и всё остальное.

У него что, галлюцинации?

Неуверенность гоблинов превратилась в смятение. Они взволнованно тыкали пальцами и кричали на своём примитивном языке. Рейдон наклонил голову. Он не понимал их речь, как и того, почему гоблины указывают не на него.

Рейдон сместился так, чтобы встать лицом к рассвету.

Странное холодное солнце пропало. Вместо этого горизонт пыпал.

Синим огнём.

Из-за края горизонта поднимался столб лазурного пламени с густым венцом, как будто намереваясь пронзить сам небесный свод. Корона бушующего пламени казалась расплавленным сапфиром и оставляла за собой огненную гибель.

Рейдон вместе с остальными вытаращил глаза, утратив сосредоточенность при виде апокалиптического зрелища.

Может быть, это нападение демонов? Или чудовища, за которыми он охотился — пожиратели разума,abolеты, созерцатели, похитители кожи, и другие жуткие и

бесформенные орды — наконец объединили усилия, чтобы найти и убить его? Он потянулся к амулету. Руки дрожали от необычной спешки.

Нет. Амулет был таким же, как и вчера. Камень оставался тёплым, а изображение — цветным. Это спокойствие указывало, что aberrации не несут ответственности за чудовищный пейзаж на горизонте. Перед лицом самой невероятной демонстрации разрушения, что когда-либо видел Рейдон, это не слишком утешало.

Рейдон позволил амулету упасть обратно на грудь, и когда он посмотрел на юг, с губ монаха сорвался стон. Второй огненный столб полз по неровным краям Орсронских гор, представляясь мелким из-за большого расстояния. Происходящее затрагивало не только побережье Дракона.

Кожевница ступила вбок, фыркая. Некоторые из гоблинов бросились к кромке Галтмера, но большая часть застыла на месте, скованная страхом — так же, как и охрана каравана. В безмолвном непонимании они все таращились на хаос на востоке.

Мерцающая стена потревоженного воздуха промчалась из-за горизонта через равнину в их сторону. Вместе с этой стеной бежал синий огонь. Насколько Рейдону хватало глаз, стена простиралась на юг и на север, и поднималась вверх на многие мили за пределами его осознания.

Дикие создания пытались обогнать надвигающуюся волну пламени; скачущие кролики, несущиеся олени и одинокий волк, ускоривший бег в отчаянной попытке спастись. Никто не мог обогнать смерть. Надвигающаяся стена навалилась на них, спалив каждого дотла.

В нарастающей панике бандиты и караванщики завопили в унисон. Толкаясь, царапаясь, крича, они повернули на запад, бросившись бежать. Некоторые падали от ужаса, лишь для того, чтобы быть затоптанными товарищами.

Рейдон почувствовал, как его тоже охватывает паника, но он сдержался, мысленно отыскав свой утраченный фокус. Если конец был неизбежен, он не хотел погибнуть, потеряв самоконтроль. Он пришпорил Кожевницу на запад. «Беги», шепнул он на ухо испуганной кобыле. «Беги, как никогда!»

Лошадь побежала. Она неслась вперёд, содрогаясь от усилий. Она легко обогнала гоблинов и пеших людей. Затем она промчалась мимо других всадников из каравана.

Секундой спустя надвигающийся фронт поглотил их.

Визжащий порыв воздуха выбил Рейдона из седла. Он увидел, как спотыкается и падает лошадь, но его уже пронесло мимо, закрутив в мерцающих синих потоках. Он извернулся на ветру, пытаясь повторить прыжок во время галопа, который проделал несколькими мгновениями раньше.

Голая земля начала испускать пар. Дымка помешала Рейдону рассчитать свой кувырок. Он рухнул, потеряв контроль. Что-то твёрдое ударило его в левый локоть. Удар отозвался вибрацией во всём теле, и левая рука повисла, как у безвольной куклы. Навыки монаха временно защитили его от боли, хотя на краю сознания он уже чувствовал сигналы, которых больше не мог игнорировать. После переката он замер сломанной, испытывающей боль грудой. Он остановился под укрытием крупного булыжника. Тот защитил его от сильного, как торнадо, ветра.

Монах заморгал, вглядываясь в эти потоки, отчаянно пытаясь понять, что происходит вокруг. Рейдону казалось, что он попал в нутро самого хаоса. Вой ветра был таким громким, что он частично оглох. Из одного уха капала кровь.

Сразу за канавой вдоль дороги лежала женщина. В следующий миг Рейдон узнал её; начальница каравана. Канава у дороги, как и его булыжник, давала частичную защиту от ревущего ветра. Женщина пыталась подняться с места, куда швырнула её фронт вихря. Кровь текла по одной стороне её лица. Она увидела за булыжником Рейдона и потянулась к нему.

Затем она загорелась и закричала. Синее пламя охватило её мгновенно. Ярче всего жуткий огонь пылал в её глазницах и распахнутом рте. Рейдон закричал от сочувствия и ужаса, но не услышал себя. Нимб кобальтового пламени вырвался из спины женщины, как будто она распостёрла огненные крылья, но прежде чем Рейдон смог понять, что видит, женщина превратилась в пепел.

Затем его охватила боль после не элегантного падения. Глаза заволокло слезами, но он узнал смутные очертания фургонов, проносящихся мимо, подскакивая на каждом боку, ударяясь о землю с двадцатифутовыми интервалами, кувыркаясь и разбиваясь на всё меньшие кусочки всякий раз, когда касались земли. Он увидел и деревья, лошадей, людей, сорвавшийся груз, гоблинов — все были захвачены жестокой хваткой ветра. Булыжник, за которым он укрылся, продолжал отражать потоки воздуха, но монах почувствовал, как пугающая сила цепляется за его одежду и голую кожу, как будто стремясь снова его обнять.

Гоблин ударился о противоположную сторону булыжника. Его рот был раскрыт в беззвучном крике, ведь он горел, как начальница каравана. Но пламя не пожирало гоблина; вместо этого оно как будто схватило его заклинанием превращения, которое вышло из-под контроля.

Когда у гоблина оторвалась голова, Рейдон ахнул. Но когда оторванная голова начала подтягивать себя к монаху с помощью внезапно удлинившихся, пылающих синим волос, и без того пошатнувшееся ментальное равновесие Рейдона разбилось окончательно. Он взвыл во всё горло. Рейдон пнул гротескную голову. Та укусила его, пуская слюни. Волосы, подобно щупальцам, попытались оплести его ногу. Но Рейдон хорошо нацелил удар, и жуткая, ожившая часть тела попала в поток и исчезла.

Булыжник снова задрожал. Рейдон съёжился. Камень что, начал светиться? Нет, он стал прозрачным, и сквозь него проникал свет. Камень медленно превращался из тёмного, грязно-коричневого в нечто похожее на стекло. Рейдон отчаянно вцепился в булыжник. Тот оставался твёрдым, хотя его прозрачность позволяла Рейдону прекрасно видеть ту сторону, откуда шла ударная волна.

Земля содрогалась и плыла, брызгала и хлестала, как вода, а не как твёрдая почва. Росли кристаллические спицы, их кончики медленно кружились, пока они проталкивались всё выше и выше сквозь безумное кружево, затянувшее горизонт. Пока разум Рейдона пытался охватить неправильную, испорченную геометрию этой структуры, кружево начало растворяться.

Затем его булыжник вывернуло из земли. Полуэльф бросился к канаве, но поток синего пламени попал ему прямиком в грудь, как стрела, выпущенная из божественного лука.

Время потекло тонкой струйкой. Инерция Рейдона погасла, и он повис, поддерживаемый лишь огненной болью. Что-то схватило его за шею. Амулет выпал и взлетел в небо, когда звенья цепочки загорелись синим и расплавились.

Он боролся телом и разумом, потянувшись к сверкающему камню. Он не мог его потерять! Это был не просто символ Знака Лазури; это была единственная материальная вещь, оставшаяся от его матери. Кончики пальцев едва коснулись ускользающей кромки камня. Обычная лазурная синева, окружавшая белое дерево, изменилась, как будто заражённая синим огнём.

- Нет! - закричал он в безвремене. Он видел, что амулет, как и цепочка, начинает гореть. Секундой спустя, амулет растворился, падая вверх.

Осталось только изображение символа, окружённое бурлением нематериальных букв. Рейдон всё равно продолжал тянуться, сражаясь с этой темпоральной паузой. Если бы только суметь коснуться задержавшегося сияния уходящей энергии, может быть...

Как будто в ответ на его желание, след вспыхнул. Его уходящая вверх траектория замедлилась, потом изменила направление. Потерявший вещественность символ рухнул обратно вниз, ударив Рейдона в грудь. Огонь прожёг его новую куртку и в мгновение ока испепелил её. Лазурная синева символа теперь полностью совпадала с кобальтовой синевой окружавшего вихря — изменение небольшое, но обладавшее огромным значением. Вот только времени задуматься у Рейдона уже не оставалось. Нематериальный символ оставил ожог на его теле, на его разуме и на самой его душе.

Всё стало синим, затем превратилось в пустоту.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Десять лет после Волшебной Чумы
Год Тихой Смерти (1395 ЛД)
Глубины моря Павших Звёзд*

Морская повозка устремилась к стене и затем так же резко развернулась. Огромная раковина наутилуса задрожала и едва не врезалась в камень. Сплетенная из водорослей упряжь натянулись, когда зверь, тянувший повозку сквозь чернильные воды, попытался из неё высвободиться.

Ногах, стоявшую на палубе морских саней у открытой части наутилуса, немного тряхнуло. Для глаз обитателя поверхности она могла показаться раздутой, но не более, чем другие члены её расы амфибий.

Укрытые тонкой чешуей перепончатые руки Ногах резко натянули уходившие в сумрак поводья. Некоторые из узлов прикреплялись к похожим на бакенбарды усикам тянувшей повозку рыбы; сома размером с небольшого кита.

При помощи таких поводьев Ногах могла направить огромную рыбину вверх, вниз, влево, вправо или в любом сочетании направлений. Сейчас же она натянула все поводья сразу, достаточно резко, чтобы причинить сому боль.

Огромные плавники прекратили свои раздражённые движения. Рыба дрейфовала в центре вертикальной шахты, ожидая либо еды, либо нового рывка поводьев. В абсолютном мраке заполненной водой шахты даже острым, приспособленным к воде зрением Ногах едва различала очертания огромного сома. Они уже погрузились куда глубже, чем мог спускаться её народ.

Огромный сом стремительно становился проблемой для её экспедиции. Рыба была не рада такому глубокому погружению, значительно ниже уровня дня моря Павших Звёзд, прямиком в затонувшую шахту, глубина которой оставалась неизмерима.

Но рыба будет служить. Должна. Для Ногах поражение было недопустимо. Если она потерпит неудачу, её статус старшего кнута Королевы Глубин и Морской Матери будет подвергнут сомнению, и немногочисленные кво-тоа, ещё подчинявшиеся ей, откажутся от её искажённого учения и вернутся к традиционным догмам большинства. Другие кнуты провозгласят Ногах еретичкой, и ей придётся отправится в изгнание. Скорее всего, за ней будут охотиться ради забавы, и, возможно, мести. У Ногах были враги. Даже сейчас, в Оллете, откуда она явилась, они трудятся над её падением.

По-прежнему сжимая поводья одной рукой, она вытянула свой посох-клешню из петли на поясе и резко постучала по раковине наутилуса у себя за спиной. Петляющие внутренности огромной раковины были достаточно велики, чтобы удерживать карманы воздуха, и способны служить жильём ещё для шести кво-тоа, хотя сейчас там жили лишь она и ещё один младший кнут. Те, кто по-прежнему достаточно уважали Ногах, чтобы сопровождать её в путешествии, остались в Оллете. Она приказала им вести пропаганду экспедиции, иначе за время её отсутствия враги могли бы угробить репутацию дочери моря.

Из отверстия раковины показался Курампах, её младший кнут. Его выпученные, серебряно-чёрные глаза вопросительно заморгали. Она оплатила его обучение и приём в жрецы Морской Матери, и теперь он обязан был выплатить свой долг службой, пускай даже считал экспедицию бесполезной. В такой близости от Курампаха на чешуе Ногах заплясала дрожь электрического сродства, которое разделяли все кнуты.

- Курампах, что тревожит этого зверя? - спросила она. С каждым словом вверх устремлялись струйки крохотных пузырей. - Его накормили по обычному расписанию, но он продолжает показывать норов.

- Дочь моря, - ответил он, используя почтительное обращение, - если позволите, вы заставили сома погрузиться глубже, чем позволяют его силы. Он устал. Даже с защитными молитвами, окружающими нас, внутрь попадает какая-то часть растущего давления. Разве вы не чувствуете, Ногах? Я чувствую, и меня оно изматывает. Мне снятся тревожные сны.

Ногах позволила наполовину закрыться своим прозрачным внутренним векам. Образ Курампаха стал размытым. Это было её специальное выражение расчёtlivosti, предназначенное запугивать подчинённых. Из-за него младшие

кнуты не знали, отреагирует ли она спокойно или обречёт их на буквальную и болезненную смерть.

Поведение Курампаха граничило с неуважением. Ногах знала, о чём он говорит, и дочь моря могла решить, что младший кнут её поучает — а значит, проявляет надменность. Она чувствовала неудержимую хватку моря, даже невзирая на защиту, которая обеспечивала ей связь с Морской Матерью, защиту, которой слабая связь Курампаха обеспечить не могла. За пределами её волшебного барьера море настойчиво пыталось раздавить их в одном последнем спазме — сома, раковину наутилуса и чешую.

Но она не станет песней вгонять яд в его кровь или заставлять его сердце лопнуть, и Курампах это знал. У неё осталось слишком мало ресурсов, чтобы разбрасываться подчинённым, который просто напомнил ей неприятную правду.

В таких обстоятельствах любой другой старший кнут кво-тоа повернул бы назад или нашёл другой путь вниз.

Но её упорство было рождено божественным указом, по крайней мере, так она предпочитала считать.

Конечно, никакого прямого разговора между ней и Морской Матерью или одним из её экзархов не было... но как же её сны? Ногах знала, что Морская Мать чего-то хочет от неё, но божественное создание по каким-то причинам не может ясно выразить своё желание.

Пугающая мысль! Если что-то мешает прямой связи с Морской Матерью, это должна быть поистине эпическая угроза! По крайней мере, так Ногах интерпретировала знаки. Другие, те, кого не беспокоили сны, объявили, что Ногах не в своём уме.

Несмотря на риск стать изгнанницей, она упорствовала в своих заявлениях, описывая видения, в которых из почти бездонного колодца, из дыры в земле, где никто раньше не бывал, поднималась скверна.

И разве недавняя находка новорождённой шахты не оправдывала её? Как же ещё могла Ногах предсказать местоположение шахты в сумрачных, неизведанных глубинах?

Несмотря на её успешные предсказания — а может быть, и благодаря ним — Ногах оставалась одинока в своём убеждении, что Морская Мать обнажила эту полость по какой-то причине. Она была уверена, что недавно открывшаяся шахта должна быть запечатана, и никакие аргументы не могли её поколебать. Другие кнуты Морской Матери говорили ей, что шахта — всего лишь очередное изменение ландшафта, случившееся в результате Волшебной Чумы, которая произошла десятью годами ранее. По всем оценкам, эта конкретная шахта в морском дне была одной из наименее примечательных перемен, причиной которых стал крах Пряжи. По сравнению с уничтожением целых королевств, переменой континентов, Изменёнными Чумой чудовищами, парящими кусками земли и воды, возобновившимся контактом с Абейром и настоящей угрозой осушения моря Павших Звёзд в Подземье... да, эта единственная шахта казалась сущей мелочью. Куда сильнее кво-тоа беспокоило то, что даже небесные и инфернальные королевства по-прежнему продолжает лихорадить. Волшебная Чума пережёвывала землю, камень, магию и планарные границы с той же лёгкостью, как и хрупкую

плоть. Пустые, затопленные полости, по всем признакам ведущие в никуда, считались напрасной тратой времени.

И поэтому старшие кнуты объявили, что план Ногах потребует ресурсов, которые лучше пустить на другие задачи. Угроз их народу всегда хватало. Отказ Пряжи в сочетании с продолжающейся перестановкой небесных сфер подвергал риску даже Морскую Мать!

Ногах зарычала. Как будто целью её миссии не было предотвращение именно этой угрозы! Разве не сама Морская Мать своим странным молчанием, словно подстёгивая Ногах раскрыть загадку, отправила её в это путешествие? Другие кнуты были слепы. Ногах, всегда оставаясь решительной, пошла на исследовательскую экспедицию вопреки сложившемуся против неё консенсусу, прежде чем этот консенсус мог превратиться в официальный запрет. Она использовала остатки своего влияния, чтобы заполучить эту замечательную морскую повозку, тяглового зверя, и оставить свой пост в Оллете.

И так она оказалась здесь, в нескольких милях под уровнем дна, в шахте, которую видела во снах. Станный привкус воды вокруг как будто обещал зловещие последствия тем, что не захотят взять этому предупреждению. Непривычный аромат словно шёл плавник об руку с помехами, которые затрудняли разговор с Морской Матерью. Ногах посчитала это ещё одним доказательством того, что Морская Мать желает её присутствия здесь с целью расследовать то, что лежит на дне шахты.

Полупрозрачные третий веки Ногах раскрылись.

- Нет, мы будем продолжать, - провозгласила она. - Времени мало. Эта... скверна? С каждым днём, пока мы не можем установить их источник, эти... помехи усиливаются!

Курампах просто кивнул. Наверное, младший кнут не испытывал чувства срочности, как Ногах. Она подумала, что Курампах придерживается мнения большинства кво-тоа, правящих Оллетом. Впрочем, было неважно, что он считает. Мнения младших кнутов, скрытые в их сердцах, ничего не значили. Их обязанностью было подчинение. Курампах выполнит её приказ.

Ногах дёрнула поводья, и огромный сом снова устремился вниз, встряхнув повозку. Огромная раковина опускалась сквозь шустрой поток серебристых пузырей, рожденных биением широкого хвоста рыбы.

Ногах очнулась, когда в воздухе прозвучало её имя. Осколки сна угасли — того же сна, что снился её постоянно. Морская Мать манила её к себе через широкую бездну морского ила и бурлящей воды, предупреждая её, предупреждая...

Она лежала в своей нише во внутренней камере спиральной раковины.

Голос Курампаха раздался снова.

- Ногах, дочь моря, очнитесь!

Заморгав, чтобы прогнать остатки сна, но не расправляя пока конечностей, она сказала:

- Я проснулась. Я...

Она по-прежнему слышала стоны воды из своего сна. Раковина наутилуса скрипела и дрожала, как будто её пытались раздавить. Неужели они врезались в стену шахты? Ногах мысленно проверила статус своих жреческих ритуалов, которые провела над повозкой.

Поддерживающие ритуалы укрепления и защиты, скрепившие раковину наутилуса, оставались нетронуты. Пузырь воздуха, пойманный в закрученных коридорах раковины, оставался устойчивым и свежим. Магия, которая поддерживала равновесие между водой и воздухом, продолжала действовать. Ногах мысленно продолжила свою проверку ритуальных молитв, защищающих морскую повозку, и с облегчением обнаружила, что чары, удерживающие сома, тоже остаются активными. Защитные молитвы, ограждавшие их от сокрушительного давления, казались целыми, но...

- Сохрани нас Мать! - ключевые чары наполовину расплелись! Стонущие звуки были вестниками разрушения раковины.

Ногах вскочила. Перепончатые ладони уже чертили руны, необходимые для возобновления защиты. Она работала быстро, оживляя необходимые линии божественной силы. Мгновением спустя ключевое звено молитв было восстановлено. Но как оно могло расплестись так резко?

Ногах посмотрела на Курампаха.

- Объяснись, - приказала она.

- Дочь моря, - начал он. - Я обнаружил в шахте боковую полость. Когда я замедлил повозку, чтобы изучить это место, раковина стала дрожать и гнуться. Поэтому я разбудил вас.

- Что находится внутри полости?

- Разрушенные и обвалившиеся жилища, дочь. Руины зданий, не выстоявших перед сокрушительным весом воды на такой глубине.

- Город дроу, застигнутый отдачей после смерти Мистры? - Ногах почти улыбнулась при мысли о городе их старых мучителей, который погиб, не сумев защититься.

Серебристо-чёрные глаза Курампаха быстро заморгали.

- Нет. Это иллитиды.

Ногах схватила свой посох и промчалась мимо Курампаха.

Пещера была усеяна полуоткрытыми, извивающимися проходами, на стенах которых были вырезаны загадочные тексты иллитидов. Разлом коры, который создал шахту десять лет назад, широко раскрыл эту глубокую цисту с жилищем иллитидов. Когда землетрясение сбило их с ног, иллитиды, наверное, даже не успели подняться обратно, прежде чем в брешь хлынула морская вода в таких количествах,

что даже морщинистое существо в центре города не могло с ней справиться. Бассейн старшего мозга был расколот надвое. Всё, что осталось от этого зарождавшегосяproto-божества — фрагменты окаменевшей нервной ткани. Тут и там в воде среди руин виднелись засохшие оболочки иллитидов-личинок. Хватало останков иллитидских нарядов, инструментов и не поддающегося опознанию мусора, но от взрослых иллитидов не осталось и следа.

- Интересно, уцелел ли хоть кто-нибудь? - задумался Курампах, выглядывая из повозки, которую Ногах завела внутрь пещеры.

- Голод Волшебной Чумы не пощадил тех, кто черпает силы из разума, - ответила она. - Однако похоже, что поселение уничтожили непрямые последствия катастрофы. Если бы в этой затонувшей полости оставались иллитиды, нас бы уже атаковали.

Курампах согласно наклонил голову.

Несмотря на собственные слова, у Ногах съёжилась чешуя от иррационального страха. Она была умелым кнутом, но не смогла бы выстоять перед свирепым ментальным ударом пожирателей разума. Она не хотела стать чьей-то пищей, или, тем более, ментальным рабом. Разумеется, это всё глупости; как такое может произойти? Ведь полость давно лишилась своих бывших обитателей.

Старший кнут заставила сома углубиться в разрушенное поселение. Возможно, то, что влекло её в глубины под Фаэруном, расположено именно здесь! Дальняя стена пещеры оставалась скрыта дымкой, и Ногах хотела точно оценить границы полости.

Повозка проплыла внутрь. Она прошла всего в нескольких футах от крошащихся краёв зданий неопределенного назначения без кровли, ставших теперь лишь безымянными могилами, в которых многочисленные чудовища встретили свою внезапную мокрую смерть.

В бурлящей воде стало вырисовываться новое строение. Его архитектурный стиль отличался от других руин. Оно сохранило большую часть стен и крыши. В здании было несколько этажей, в отличие от всех прочих строений в полости, и совсем не было окон. Что-то в этом новом здании напомнило Ногах о том, как почти расплелась ключевая молитва. Совпадение ли то, что самый важный в их экспедиции божественный ритуал оказался нестабильным именно тогда, когда они спустились в глубины мёртвого города иллитидов?

Возможно, отказ заклинания и близость полости с руинами были не простым совпадением.

Ногах натянула поводья.

- Курампах...

Сом закричал. От этого звука дрожала чешуя, и он был таким громким, что Ногах выронила поводья. Участок свободно плывущего мусора закрутился вокруг себя, превращаясь в тугую колонну вращающейся воды. Ногах потянулась к поводьям. Секунду спустя столб водоворота приобрел форму гуманоида. Фиолетовая слизь блестела на его плотной коже. Внимание Ногах привлекла жуткая голова. Там извивались четыре длинных щупальца, мускулистые отростки с окровавленными кончиками. Глазницы создания были тёмными впадинами, пустыми, не считая морской воды.

- Это нежить! - прохрипел Курампах, из его рта двумя восклицательными стайками потекли пузыри. Его посох-клешня задрожал в руке. - Мёртвый пожиратель разума!

Ногах забыла о поводьях. Она закричала:

- Курампах! Думай!

Если Курампах прекратит паниковать, они могут...

Злобное воздействие ударило в мозг Ногах, пытаясь внедрить чуждые желания в ядро её рассудка. Крик ездового сома утих. Курампах охнул и выпустил свой посох-клешню.

Безглазый пожиратель разума поплыл к ним, не совершая движений, но всё же ускоряясь. В своём посмертии он приобрёл проворство в воде, которым не обладал при жизни. Какой древний бог оживил эту оболочку? Она должна была полностью истлеть, как и остальные её сородичи.

Уже тот факт, что Ногах по-прежнему могла формулировать вопросы, означал, что она избежала воздействия ментального удара, который оставил Курампаха пускать слону. Но без своего товарища-кнута кво-тоа не могла создать ответный разряд, достаточно сильный, чтобы их спасти.

Она попыталась задуматься, несмотря на страх. Курампах был жив. Она всё равно должна суметь...

Она хлопнула по обмякшему плечу Курампаха своей пустой ладонью. Покалывание, которое предупреждало кнутов о присутствии друг друга, превратилось в полноценную связь. Электрическая искра сверкнула между ними — угорь хаотичного, дрожащего света.

Этот контакт буквально выбил Курампаха из его отупелого ступора. Младший кнут сморгнул пустоту из своих глаз.

Слава Морской Матери! После Волшебной Чумы многие кнуты потеряли способность совместно создавать меч бури. Но только не она с Курампахом. Зов разрушения выжег все последствия удара пожирателя разума из младшего кнута.

Мёртвый иллитид замедлил своё приближение. Его щупальца неожиданно сложились в какую-то новую фигуру.

Ногах отвела назад руку, и молния соединила двух кнутов. Потрескивающая дуга расширилась, затем принялась выгибаться в сторону приближающегося иллитида. Щупальца чудовища сейчас извивались так быстро, что вокруг забурлила вода. Бездны пустых глазниц засверкали красным светом.

Соединяющая кво-тоа молния расширилась, превратилась в ревущий снаряд, опаляющий воду, порождая облако мерцающих пузырей. На стенах пещеры заплясали безумный танец дрожащие тени.

Ногах отпустила заряд. Молния обрушила всю мощь объединённых сил её и Курампаха на некротическую плоть пожирателя разума. Его левая рука, половина туловища и левая нога превратились в пепел.

Иллитид ответил ещё одним ментальным ударом, но его прицел был сбит. Псионическая какофония задела лишь самый край сознания Ногах.

- Добей его, - приказала она. Но что они могли сделать? Создание новой молнии требовало определённого перерыва. Им придётся воспользоваться дистанционными боевыми молитвами...

Курампах напрягся, чтобы оттолкнуться от палубы морской повозки. Ногах схватилась за его упряжь свободной рукой, удерживая младшего кнута на месте.

- Дурак! - прошипела она. - Не покидай повозку, иначе тяжёлая стопа моря раздавит тебя!

Иллитид провизжал что-то — предупреждение, подумала Ногах, — затем растворился колонной водоворота. Колонна расширилась и рассеялась, не оставив ничего, кроме поднятого ила и мусора.

- Это был не просто случайно оживший мертвец, - выдохнул Курампах. - Он был мёртв, но всё равно мог использовать ментальные способности, которыми обладал при жизни. Думаю, он мог быть частично вампиrom. Но всё-таки мы его победили!

- Мы прогнали его — но не смогли уничтожить, - поправила его Ногах. - Из-за твоей неумелости, - она указала своим посохом на младшего кнута. - Будь я менее милосердна, я бы убила тебя на месте и предложила твою бесполезную шкуру Морской Матери в качестве жертвоприношения.

От испуга младший кнут застыл без движения. Он знал, что Ногах не разбрасывается угрозами.

Ногах обдумывала, не вонзить ли кончик клешни ему в глотку, несмотря на все свои разговоры о милосердии. Нет — но её руку удержало не милосердие. Это была практичность. Курампах почти убил себя и позволил мёртвому иллитиду ускользнуть, однако дочь моря по-прежнему нуждалась в нём. Если бы Курампаха не было рядом, иллитид прямо сейчас пировал бы содержимым её черепа.

- Ладно, - буркнула она. - Мы ранили эту тварь, почти разорвали на части. В ближайшее время она нас не побеспокоит — пока не восстановит свои силы и форму. Давай посмотрим, что она охраняла всё это время на такой глубине.

Здание опиралось на заднюю стену пещеры. Хотя некоторые из его внешних комнат обрушились, центральная структура из зелёного камня осталась нетронута. Нефритовый купол поднимался над более грубым камнем вокруг. Повсюду были разбросаны инструменты: лопаты, кирки, вёдра и другое более загадочное оборудование, очевидно использовавшееся для раскопок. Большая часть полностью проржавела. Кроме того, Ногах наконец узнала странные холмики вокруг выхода зеленоватой породы. Это были отвалы, отходы шахтёрских работ.

Она не нашла никакого шахтёрского тоннеля. Должно быть, устье шахты было расположено под куполом.

- Иллитиды считали, что раскапывают нечто особенное, - произнесла она. - Достаточно необычное, чтобы потребовалось защитить вход в шахту этим зданием. Впрочем, когда внутрь хлынула вода, толку от него было немного.

- Купол напоминает мне о храме, - отозвался Курампах. Он указал рукой. - В нём есть даже церемониальный вход.

Сбоку гладкого зелёного камня торчала похожая на опухоль шестиугольная пристройка.

Ногах остановила повозку рядом с пристройкой и увидела, что Курампах прав. В пристройке виднелась дверь из тусклого чёрного металла, тоже шестиугольная. Судя по всему, она была по-прежнему запечатана и не пропустила воду. Ногах высунулась из повозки и коснулась чёрного железа. Знакомое чувство пробежало по руке и поселилось в её сердце.

За этой дверью ожидало странное влияние из её снов! Морская Мать направила её в нужное место.

- Мы должны войти, - приказала она.

- Как, дочь моря? Если мы покинем раковину... - Курампах закончил реплику, скав вместе руки.

- Думаешь, я так плохо подготовилась? - Курампах посмотрел на неё полуприкрытыми глазами, выжидая. - Принеси мне мой сундук. Пошевеливайся!

Вскоре младший кнут вернулся из недр раковины с изящным сундучком из отполированных створок раковины-жемчужницы, и поставил его у ног своей госпожи. Прошептав кодовую фразу, которая отключала волшебную ловушку, Ногах откинула крышку.

Среди прочих необходимых вещей лежали несколько пузырьков. Она выбрала парочку и закрыла сундук, прежде чем Курампах сумел рассмотреть и осознать природу всех её сокровищ.

- Это, - объяснила Ногах, - волшебные отвары из Сембии. Я получила их от капитана Фостера. Помнишь Фостера? Его рождение было непредвиденным в плане осложнений, но оказалось полезным. Так или иначе, эта жидкость позволяет гуманоидам дышать под водой.

Курампах всего лишь моргнул, но Ногах заметила смятение, от которого напряглась его чешуя.

- Ты не знаешь, какая нам от этого польза; в конце концов, мы высшая раса и уже способны одинаково дышать и водой, и воздухом. Однако другой эффект этого зелья делает реципиента неуязвимым для сокрушительного давления больших водных глубин. Оно действует на нас, как на любого другого.

Она протянула младшему кнуту один из пузырьков. Он осторожно снял запечатанную воском пробку и выпил содержимое, стараясь не смешать его с морской водой вокруг. Ногах поступила так же со своим эликсиром. Вкус напоминал соль и водоросли.

Курампах посмотрел на свои руки и чешуйчатые запястья. Он сказал:

- Я ничего не чувствую.

- Посмотрим, - ответила она.

Ногах чуть натянула поводья, достаточно, чтобы ракушка наутилуса продвинулась на расстояние длиной в несколько тел прочь от зелёного камня и чёрной шестиугольной двери.

- Теперь, Курампах — открой эту железную дверь. Давай узнаем, что именно с таким старанием пытались откопать эти иллитиды.

Молодой кнут оттолкнулся от палубы и поплыл к двери в зелёном камне. К его чести, он просто замешкался и промолчал, когда понял, что плывёт один, а Ногах осталась позади, наблюдая.

Она решила, что защитные эффекты вокруг их повозки заканчиваются примерно на полпути между наутилусом и дверью.

Когда Курампах преодолел весь путь без каких-либо затруднений, Ногах присоединилась к нему.

Распечатывание шлюза оказалось долгим процессом. Другого способа справиться с этим не нашлось, и в конце концов два кнута вынуждены были

обрушивать совместные удары молний на тусклый металл. Снова. И снова. Они отдыхали после каждого разряда, чтобы восстановить свою способность к новому электрическому взрыву. Каждый последующий удар показывал какой-то результат, и свидетельствовало, что настойчивость в конце концов пробьёт металл. Оставался только один вопрос — сколько молний для этого потребуется?

Ногах беспокоилась. Эффект эликсира был временным. Что ещё хуже, мёртвый пожиратель разума скорее всего восстанавливал силы, пока они расходовали свои на упрямую дверь.

Наконец молния прожгла сквозную дыру.

Хлынувшая внутрь вода подхватила её с Курампахом, швырнув их в неровное, красное от жара отверстие. Её бок обожгло. Паутина бешеных пузырей ослепила её. Ревущая вода тащила её вперёд и вниз по неровному тоннелю. Она бешено кувыркалась вверх тормашками. Она забила конечностями, пытаясь ухватиться хоть за что-нибудь. Где-то в рёве потока раздался приглушённый крик. Курам...

Торчащий камень ударил её в висок, и Ногах тоже закричала. Её тащило вперёд, и крик потерялся в кипящем потоке. У Ногах закружилась голова, когда она попыталась понять, где находится.

Она смогла сделать это лишь тогда, когда хлынувшая вода наконец заполнила пространство за дверью. Хотя остатки турбулентности по-прежнему кружили в узком тоннеле, Ногах сумела остановиться.

Побитая и обожжённая, дочь моря поблагодарила Морскую Мать за своё выживание. Она висела в холодом мраке. Мимо неё проплыл обмякший силуэт, медленно вращаясь вокруг своей оси. Это был Курампах. Его руки были сломаны, на голове виднелась жуткая рана, из которой в воду сочилась тёмная жидкость, описывая спирали вокруг его дрейфующего тела.

Она зашипела. Эта потеря оказалась для неё настоящим ударом. Бедный Курампах; его вера была слишком слаба.

Потом она увидела то, что иллитиды так старались откопать. Всего лишь края. Чего-то ужасного. Одна лишь попытка осознать, что это, была похожа на грабли, скребущие по обнажённому мозгу. Это наверняка было нечто противоестественное и чудовищное. Она отвернулась, чтобы уплыть, взмахнув ногами для первого могучего гребка...

Ногах моргнула, и в это мгновение её восприятие сместилось. Любопытным образом перестроилось.

Вместо того, чтобы поплыть прочь, как требовал здравый рассудок, она приблизилась сквозь клубящуюся кровь и ил, почти не осознавая, что делает. Она по-прежнему не могла осознать всё величие увиденного. Она пыталась охватить хоть каким-то участком сознания предмет, частично вырезанный из камня... из камня, возраст которого затмевал собой возраст гор наверху. Это означало, что загадка, огромная вещь, которая отказывалась ясно обнажить себя перед её пониманием, превосходила своей древностью целые континенты.

Ногах заморгала. Её ударила дрожь. Неужели Морская Мать послала её восстановить этот артефакт, закончить то, что начали пожиратели разума? Рядом с большим объектом, закованым в каменную матрицу, лежал булыжник размером с

голову. Похоже, иллитиды отломили от исполинского предмета, по-прежнему застывшего в стене, небольшой образец, а затем место раскопок затопило снаружи.

Ногах быстро взмолилась Матери Моря, прося у богини совета. Её просьбы растворились в тишине.

Её рука прочертила в воде круг, повторяя очертания сферического артефакта. Если она не может ухватить целое, возможно, небольшой кусок даст какую-нибудь подсказку.

Дочь моря подобрала его. Что это? Каменная безделушка? Крохотный кусочек... чего? Окаменевших останков давно вымершего морского чудовища? Странная уверенность в своей правоте охватила её, даже несмотря на то, что эта мысль была всего лишь итогом неудачи её воображения. Если она схватила кусок чего-то куда более крупного, что в свою очередь было тоже кусочком чего-то... чудовищного.

Действие эликсира почти закончилось. Не позволяя себе взвесить все за и против, Ногах крепче схватила отбитый камень, неровный в том месте, где иллитиды его отделили от общей массы.

Её первое впечатление оказалось истинным — он был почти круглым, но в руках казался лёгким. Хотя предмет был величиной с её голову, она без труда могла его нести.

Когда она ударила ногами, направляясь назад к наутилусу, мимо дрейфующего тела её младшего кнута, у Ногах начали зудеть пальцы, потом руки. В голову приходили странные мысли, подобно червям, роющимся в сознании дочери моря. Странные и даже тревожные.

Но такие захватывающие...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*Одннадцать лет после Волшебной Чумы
Год Тайны (1396 ЛД)
Новый Саршелл, Импильтур*

Худой мужчина с рябым лицом быстрыми и точными движениями писал мелом на плоской поверхности серой доски. С каждой новой чертой меловой запах в набитом помещении становился всё сильнее.

Леди Ануше Мархана скрежет мела казался невыносимым. Она отвела взгляд от урока, который записывал её учитель, чтобы посмотреть в окно. Как же ей хотелось оказаться снаружи. Она ненавидела уроки. Ей больше хотелось быть внизу, в доках, наблюдая за прибывающими кораблями, наблюдая, как мужчины разгружают добычу из других стран и земель.

Ещё хуже, что сегодня она планировала посетить званый вечер в особняке Маривокс. Ануша купила новое платье, новые туфли, заставила слуг сделать ей

новую причёску, отправила ответ, подтверждающий её присутствие — и всё это лишь затем, чтобы сводный брат разбил все её надежды. Берун сказал, что Маривокс принадлежат к низшему сословию, и ей не подобает с ними общаться. Чепуха! На самом деле...

- Леди Мархана, - пронзительный голос наставника вернул внимание Ануши обратно к доске.

- Да? - спросила она, как будто следила за уроком всё это время.

Мужчина окинул её уничижительным взглядом и спросил:

- Лорд Мархана платит мне за ваше обучение. Вы готовы впустую тратить его с трудом заработанное золото?

Сначала Ануша просто хотела пожать плечами. Её сводный брат, лорд Берун Мархана, заботился только о внешних приличиях. Его беспокоила только видимость, а сущность — исключительно тогда, когда прибавляла что-то образу придворной аристократии. Берун хотел завоевать себе прочную позицию среди новой знати измученного Импильтура. В попытке получить место в зарождающемся Великом Совете, сформированным после гибели королевской семьи, Берун требовал, чтобы его семья казалась получившей подобающее образование.

Несмотря на свои мысли, Ануша сдержала инстинктивный жест пренебрежения. В этом месяце ей исполнилось двадцать, и даже без недавних уроков поведения в высшем обществе она знала, что пожатие плечами могло показаться ребячеством. Вместо этого она просто посмотрела в глаза наставнику, пытаясь казаться заинтересованной.

Тот вздохнул, покачал головой и вернулся к тому, что писал на доске.

- Что здесь написано?

- Я стар, дряхл и наделал в своей жизни такую кучу проклятых страшных ошибок, что в ней могли бы утонуть несколько империй.

- Неплохая дикция, - заметил учитель. - Кто и когда это сказал?

- Эльминстер из Долины Теней, разумеется, - ответила Ануша. Она понятия не имела, так ли это, но фраза была похожа на старого мудреца. Это была всего лишь очередная цитата среди сотен других его цитат. Кому какое дело, в котором году Эльминстер это сказал?

После Волшебной Чумы старый мудрец пропал из поля зрения. Он пострадал, как и все остальные — ходили слухи, что стариk даже лишился своих сил. Она слышала от докера, который слышал это от кормирского купца, который слышал от мулхорандского беженца, что Эльминстера видела блуждавшим по равнинам Пурпурной Пыли, лысого и усеянного волшебными шрамами, такими странными, что...

- Хорошо, - сказал учитель. Он использовал эту цитату как вступление для перехода к очередному историческому факту о Фаэрунке, истории о том, как объединение Тетира Имфрасом Великим стало возможным благодаря чёрной стреле. Триста лет назад!

Уроки истории давались ей с трудом. История была такой сухой и... бессмысленной! Всё, что случилось до синего огня, не имело ничего общего с нынешним положением дел. Когда Пряжа разрушилась, Ануше было всего десять

или одиннадцать. Волшебная Чума пришла в Саршелл в первые несколько дней и ушла без особых происшествий.

Она помнила одно особенно мрачное описание этого события из доклада, ходившего в кругах морских купцов. Когда Берун покинул свой кабинет, она проскользнула внутрь и переписала этот доклад себе. Она помнила его практически наизусть: «Магия сошла с ума, и мир содрогнулся. Магия, земля и даже плоть пылают под покровом лазурного пламени, что танцует в небесах днём и ночью. Сложнее всего приходится магам, утратившим свою магию, свой рассудок, а иногда — и свою душу. Синий огонь меняет всё, к чему прикасается. Целые деревни исчезли с лица земли целиком, кроме нескольких бывших обитателей, обратившихся в чудовищ. Это какая-то волшебная чума, которую боятся подхватить даже боги!»

После того, как Ануша это прочла, ей целый месяц снились дурные сны. Кошмары, в которых синий огонь сжирал её плоть, оставляя на месте тела лишь бесплотный призрак. Кошмары, которые снова недавно стали её тревожить.

В Импильтуре с небес не обрушились бедствия. Но иногда спящие беженцы рассказывали о зверствах на востоке и юге, а береговая линия продолжала понижаться. Хуже всего, заклинатели позабывали свои заклинания. Наконец местные власти окончательно убедились, что произошло нечто очень плохое.

Для города, зависящего от многочисленных доков и пристаней, способствующих его морской торговле, обмеление моря Павших Звёзд и так казалось достаточным бедствием. Но Ануша была слишком юна, чтобы воспринимать медленное снижение уровня воды как нечто такое, что может погубить город. А ещё она не видела, как сходит с ума магия. Состояние её семьи, заработанное на морской торговле, защитило её от зрелица волшебников, сжигавших себя на улице заживо, пытаясь приспособиться к новому волшебному укладу. Зато девушке приходилось слышать многочисленные жуткие истории об этом.

В тот период её сводный брат и узнал о своём наследстве. Перевозки Мархана целиком принадлежали ему. В тот же день Ануша узнала, что её отец и мать погибли вместе на своём торговом флагмане вместе со всеми матросами в Сембии. Что-то связанное с шадовар.

Но ей не хотелось об этом вспоминать. Для Ануши Волшебная Чума была лишь ещё одним прошедшим событием, ничем не хуже её личной истории печальных воспоминаний. Год Синего Пламени лучше было отправить в скучные исторические тома, перечислявшие, кто, когда и что сказал.

- ...и поэтому Фаэрун расколот, - продолжал учитель, не обратив внимания, что Ануша снова отвлеклась. - Сообщение и торговля остаются редкими, и положение дел может ухудшиться ещё сильнее, прежде чем всё придёт в норму. Целые народы исчезли, чтобы никогда не вернуться...

Вздох Ануши был слишком громким, и учитель его услышал. Он положил мел на кромку доски, обернулся и сверкнул натянутой улыбкой. Он сказал:

- Очевидно, леди переутомилась. Час поздний. Я вернусь завтра и мы продолжим там, где закончили. Пожалуйста, прочтите манускрипт династии Хелтарн. Завтра я проверю ваши знания о королевской семье Импильтура.

- Я могу ответить и так, не читая манускрипт, - сказала Ануша. - Династия Хелтарн погибла, и её преёмником стал Великий Совет. Так говорит Берун.

Натянутая улыбка учителя погасла. Неожиданно он показался уставшим. Он сказал:

- Возможно. Может быть, и так, и король никогда не вернётся.

Не проронив больше ни слова, худой, рябощий мужчина вышел из комнаты Ануши, оставив дверь открытой нараспашку.

Ануша нахмурилась. Она сказала что-то безвкусное? Может быть, у учителя были личные связи с мёртвым королём и его семьёй? Или он просто был лоялистом, которому некому было подчиняться? Берун говорил, что таких вокруг полно — они мешают новым планам Великого Совета.

Девушка отбросила тревожные мысли и встала из-за стола. Её охватила вялость. Учитель предложил ей поспать, а она так устала. Девушку преследовали дурные сны о бесконечном холодном синем пламени, наполняя душу ужасом. Не зная, как ещё справиться с тревожными образами, она старалась меньше спать.

Она вошла в спальню. Её холсты едва не вытеснили комод, прикроватную тумбочку и большую постель. Синие и розовые простыни казались такими мягкими, такими манящими. Она проковыляла вперёд, зная, что сон наконец победит её страх. Она надеялась, что сегодня ночью обойдётся без сновидений. Так или иначе, продолжать бодрствовать она не могла.

Ануша открыла глаза. Ей опять снится сон? Она ничего не помнила с тех пор, как упала на кровать. Кровать была рядом. На кровати лежала девушка, по-прежнему объятая тёмными оковами сна.

Этой спящей девушкой была она. Её длинные юбки, скомканная блузка и длинные сапоги лежали грудой на полу.

Секундой спустя недоумение сменилось пониманием. Она спит! Она поймана в крохотной истории, созданной её мозгом, но при этом необычайно чётко осознаёт происходящее. Она спит и знает об этом!

Девушка напряглась, но ужас, который она смутно помнила по предыдущим ночам, отсутствовал. Всё было спокойным и тихим. Она слышала, что если научиться замечать себя пойманным в сети сна, то можно приобрести власть над сновидением. Вместо того, чтобы быть узником мгновения, как это обычно случалось во снах, ты мог быть словно посетителем театра. Наблюдать за пьесой, которая пишется на ходу.

Эта мысль ей понравилась. «Буду плыть по течению, пока это продолжается», — сказала себе Ануша. «Что сможет воплотить мой разум?»

Она улыбнулась, когда поняла, что думает о разуме отдельно от себя — наставник сказал бы ей, что это иллюзия. Но тот факт, что она смотрит на своё спящее, медленно дышащее тело, свидетельствовал об обратном. Нет, подождите — это ведь сон, напомнила она себе.

Ануша покинула свою комнату, свои покои, и верхний этаж особняка. Парадная была пуста, не считая нескольких слуг, протирающих реликвии, которые Берун

расставил по залу, как будто настоящий аристократ. Над камином висел тонкий длинный меч, клинок которого был украшен гербом Мархана. По словам очевидцев, отец Ануши в юности был умелым мечником.

Слуги в зале её не видели. Они не реагировали на её присутствие. Да и с чего бы? Это был её сон — её мир! Подчиняясь мимолётному импульсу, девушка проплыла прямо сквозь парадную дверь, как будто это был просто дым. Мгновение тьмы и дезориентации — и она прошла насквозь.

Смеясь, она сбежала вниз по широким парадным ступеням. Ануша прошла через толстые железные ворота, отделявшие особняк от улицы, и почувствовала лишь слабое сопротивление.

- Как чудесно! - воскликнула она. Прохожий вздрогнул и резко осмотрелся вокруг. Ануша поближе присмотрелась к мужчине в безвкусном дорожном костюме, но его взгляд скользнул мимо девушки. Она прикрыла рот ладошкой, заглушая смех. Звуки, похожие на придушенный ветерок, всё равно вырывались на волю. Глаза мужчины широко распахнулись, и он поспешил прочь, преследуемый смехом, который больше не могла сдержать Ануша.

Она отправилась вниз по улице вприпрыжку. Прежде чем она проснётся, нужно успеть изучить все интересные возможности этого сна!

Сначала она посетит доки. Ануша любила высокие корабли и красивых моряков с рассказами о далёких краях. Только представьте себе эти увенчанные парусами высокие силуэты в ночи! Она, невидима, бежала по улице прямо к кварталу доков. Несмотря на участие семьи Мархана в морских перевозках, особняк они держали подальше от пристани. Так что ей пришлось преодолеть немалое расстояние — больше мили. Девушка не возражала — это был её сон, и она решила просто не чувствовать усталости.

Приблизившись к первой верфи, она испытала странное напряжение и невольно охнула. Чувство было похоже на неожиданный рывок невидимой верёвки. Она замедлила шаг, но продолжала двигаться вперёд. Рывок повторился...

Ануша открыла глаза в своей постели. Шафрановые занавески, трепетавшие вокруг столбиков её кровати, мерцали в сиянии единственной свечи на комоде.

- Оох! - простонала она, осознав, что проснулась и её восхитительный сон пропал.

Если не будет много думать, то может быть, она сумеет вспомнить его. Иногда можно вернуться в хороший сон, если не забивать голову мыслями. И она по-прежнему так устала от долгих ночей почти без отдыха...

Она повернулась на бок, снова закрыла глаза и попыталась вспомнить свой сон.

Она гуляла, осознавая себя во сне, расхаживая, где захочет, никто не ставил ей препон и ограничений, другие обитатели сна даже не видели её...

Ануша снова оказалась у своего, очевидно заснувшего, тела. Она торжествующе хлопнула в ладоши. Она вернулась в сон!

На этот раз она будет избегать доков. Попробует другое место.

Как насчёт... званого вечера Маривоксов! Если она не смогла посетить его в реальности, то сможет увидеть хотя бы во сне.

Она вышла из особняка Мархана, незримая, как и раньше, и побежала по улице.

Прошёл, должно быть, целый час блужданий, прежде чем девушка вынуждена была признать, что на самом деле не знает, где найти дом Маривоксов. Она ожидала, что просто туда попадёт, как это обычно случалось во снах.

Но ожидания не оправдались. Её окружали всё более и более подозрительные витрины, разделённые всё большими и большими отрезками абсолютно пустых и обветшальных зданий — жертв переселения, последовавшего за переноской верфи.

Ануша нахмурилась. Она потерялась? Разве она — не автор собственных сновидческих фантазий? Может быть, пора наконец просыпаться. Ей не нравилось направление, в котором двигался сон.

Потом она увидела Яфета.

Ануша невольно охнула. Яфет шёл по тёмным улицам, закутавшись в чёрный плащ, как вороньи крылья, шагая решительно, как будто по крайней мере знал, куда направляется.

Яфет был одним из агентов Беруна. Ануша видела его в особняке и иногда даже перекидывалась с ним словечком-другим. Его волосы, как и глаза, были черными — цвета колодца, в котором отражается ночное небо. Последний раз, когда он её поприветствовал, несколькими днями ранее, её щеки покраснели, руки стали слишком горячими, и она не смогла произнести ничего разборчивого.

Она последовала за фигурой в плаще, задумавшись, куда же он идёт. Квартал был не из лучших. Неужели у него водятся здесь знакомые? Ей не хотелось думать, что ему не в новинку такая вонючая и дряхлая жизнь.

Яфет прошёл ещё один квартал, остановившись под вывеской с рогом единорога.

В единственном стеклянном окне виднелась диковинная витрина. Ануша придинулась ближе и увидела сморщенную голову, груды свечей, обёрнутых в цветную бумагу, игральные карты с изображением драконов, курильные принадлежности, затейливо разукрашенные кубки и кружки, и другие диковинки, которых она не знала.

Яфет вошёл. Она последовала за ним, пройдя сквозь закрывающуюся дверь, как будто через туман. Внутри она увидела пожилого дварфа, курившего трубку с затейливой резьбой.

Дварф увидел Яфета и завёл обычную волынку мелких торговцев.

- Есть трофеи? Я дам хорошую цену. Нет? Значит, ты ищешь подарок? Или что-нибудь для себя. Вещицу на память! Осмотрись вокруг: ни у кого нет такого ассортимента. Не пугайся беспорядка! Кто знает, какие сокровища ты найдешь в тёмных уголках? Те, кто готов потратить немного времени, находят истинные бриллианты.

Яфет поднял руку, чтобы заставить дварфа замолчать, и спросил:

- У тебя есть пыльца путешественников?

Изумлённый вздох дварфа заглушил собственный возглас Ануши. Дварф бросил взгляд на дверь. Оглядел пустую лавку, владелец медленно кивнул.

- Может быть, найдётся щепотка-другая, — сказал он. - Влетит тебе в копеечку. В последнее время поставки были редкими.

- Да, да, не сомневаюсь. Даю тридцать золотых прямо сейчас. Что скажешь?

Дварф прищурился.

- Откуда мне знать, что тебе можно верить? - спросил он.

- Я сама искренность. Ну давай — у меня в кармане золото. У тебя в закромах пыль. Ударим по рукам.

Когда странный обмен завершился, Яфет сунул небольшую тусклую жестянку в складки плаща. Когда он покинул магазин, Ануша направилась следом.

Но девушка была в полном смятении. Пыльца путешественников! Неужели Яфет идёт багровым путём?

Она не заметила никаких явных признаков — дрожащих рук, нечёткой речи, и самого верного знака — глаз цвета крови. Ануша слышала, что этот порошок появился всего несколько лет назад, но его уже запретили в большинстве цивилизованных мест. Все, кто употреблял его, рано или поздно умирали — причём скорее рано. Багровый путь неизбежно приводил к последнему кровавому закату.

Однако Яфет был адептом — одним из новой породы, научившейся призывать магию в отсутствие Пряжи. Она слышала, как Берун называет Яфета колдуном. Может быть, он способен маскировать воздействие наркотика или отдалить неизбежную расплату.

Её детская влюблённость в Яфета остыла. Если он идёт багровым путём, значит, он не человек чести.

Так или иначе, Яфет привёл её обратно в особняк Мархана. Как удобно; ещё одно напоминание, что она спит. А это означало, что Яфет на самом деле не путешественник — она просто выдумала всё это! Мысли девушки были более связными, более чёткими, чем в любом сне, и она постоянно забывала, что видит сейчас чистый вымысел.

Яфет миновал главные врата при помощи собственного ключа. Он пересёк двор, направляясь к южному крылу дома, где Берун вёл свои торговые дела. В главном кабинете призывно светилась лампа.

Яфет вошёл, а Ануша следовала за ним, как тень.

За столом, заваленным грудами пергамента, чернильницами и небольшими инструментами, полезными при планировании морских маршрутов, сидел в своём белом кожаном кресле Берун, сводный брат девушки.

Берун удивился, когда у края его стола неожиданно возник человек в плаще.

- Яфет! Ты быстро! Я отправил курьера на закате.

Колдун наклонил голову.

- Ты же знаешь, у меня есть глаза повсюду. Если бы ты просто поместил мой знак у себя на двери, как я просил, я бы пришёл даже раньше.

Берун покачал головой, как будто с отвращением, но сказал:

- Главное, что ты здесь. У меня назревает кое-что особенное. Что-то очень важное для Мархана. В качестве посредника мне нужен самый способный и доверенный агент.

- Твои похвалы вскружили мне голову, - ответил Яфет тоном, который указывал на прямо противоположное. Ануша была знакома с вербальными приёмами Беруна — сначала лесть, потом приказания. Берун мог очаровать даже нос тролля, когда прилагал к этому усилия. Но он использовал своё обаяние только с теми людьми, на которых не мог воздействовать другим способом.

Колдун сказал:

- Расскажи, что тебе нужно.

- Через два дня ты отплываешь вместе с капитаном Фостером на «Зелёной сирене». Он...

- Нет, - оборвал Беруна собеседник. - Он пират. И у него грязная родословная. Я не хочу иметь с ним ничего общего.

- Твоя родословная тоже не особенно чиста, колдун. Кроме того, ты всё это время и так вёл дела с Фостером.

- Неверно.

- Не заблуждайся, - ухмыльнулся Берун. - Откуда, по-твоему, берётся всё кормирское золото, которым я тебе плачу? От Фостера.

- Твои дела с пиратами — не моя забота.

Лорд Мархана фыркнул.

- Я плачу больше всех, ты сам об этом сказал. Золотые монеты, чистые и без примесей. А тебе нужно как можно больше золота, не так ли? Иначе багровый путь швырнёт тебя прямиком к своему концу.

Яфет резко взглянул на торгового магната, но не стал его поправлять.

- Так что, поплыл с Тостером? Ты нужен мне на борту, чтобы ежедневно сообщать о его деятельности. Он, похоже, нашёл какую-то золотую жилу. Может быть, это тот самый перелом, который так нужен Марахана. Фостер говорит, что его договор с созданием моря принесёт фантастические дивиденды. Может быть, не только золото: влияние. Власть. Ты нужен мне на месте в качестве доверенного лица.

- ...Я обдумаю твоё предложение.

Любой намёк на радущие покинул глаза Беруна. Он рявкнул:

- Только не задерживайся с размышлениями, иначе я сломаю камень твоего договора! Тогда, как бы далеко ты ни ушёл по багровой дороге, тебя настигнет гнев твоего Владыки Летучих Мышей.

Разговор между сводным братом и Яфетом заставил Анушу разволноваться. От напряжения за глазами расцвела головная боль. Когда Берун с жестоким лицом произнёс свою странную, непостижимую угрозу, Ануша невольно отступила на шаг — прямиком в искусно набитое чучело скопы, установленное на тонкой жерди.

Чучело с грохотом упало. Яфет и Берун встрепенулись. Глаза колдуна сфокусировались на точке позади неё, но всё равно расширились.

- Фантазм! - воскликнул он.

Яфет видел её! Лорд Мархана выглянул из-за плеча колдуна, но его взгляд тоже устремился за неё, на стену. Берун закричал:

- Убийца! Посланник враждебного дома — разведи его, Яфет!

Ануша оглянулась, чтобы посмотреть, что же увидели Берун и Яфет. Неужели у неё за спиной убийца?

Они смотрели в зеркало в серебряной раме, которое Берун приобрёл у калимшанского купца. В стеклянной поверхности зеркала отражалась безликая тень. Девушка сразу же поняла, что это отражение её сновидческой формы! Она подняла руку — и отражение повторило её жест. Она увидела, что пальцы, рука, всё её тело было похоже на тень, очерченную эфирным белым и синим огнём.

Яфет поднял руки ладонями к Ануше. Его плащ взметнулся сам по себе, обнажая абсолютный мрак пустоты в своих складках. И из этого мрака вперёд устремился рой чёрных мошек.

Ануша отдернулась, мысленно приказывая себе: «Проснись! Проснись! Про...»

Её глаза открылись. В свете прикроватной свечи было видно, что она лежит, изогнувшись на простынях. В своей спальне. Её взгляд окинул спокойную, тихую поверхность стен, потолка, мебели в её покоях. Она подняла руку — и увидела, что та выглядит как обычно. Сон завершился.

- Что за кошмар! - воскликнула девушка, сядясь на кровати. Интересно, сколько она проспала? Снаружи по-прежнему было темно.

Поднявшись, она накинула ночную сорочку. Она плотно завязала пояс вокруг талии, прежде чем выйти из спальни в тёмный коридор. Вода. Ей нужна была вода. Головная боль из сна преследовала её и наяву.

Она прошла на верхний этаж, потом вниз по вьющейся лестнице в парадный зал. Собираясь пересечь тёмный коридор, который вёл на кухню, Ануша заметила мерцание за окном. Она подошла к стеклу и увидела, что в южном крыле особняка светятся окна.

В мерцании ярких ламп виднелись два мужчины.

Ануша немедленно узнала их. Её сводный брат, Берун, и колдун Яфет спорили в кабинете Беруна.

У неё в животе как будто затрепетали крохотные крылья. Чувство сопровождалось сильным подозрением. Неужели?

Холодок пополз по спине, сопровождаемый дрожью, как от головокружения.

Её сон оказался правдой.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Год Тайны (1396 ЛД)

Возле руин Звёздного Покрова

Длина и ширина мира определялась вечной тьмой.

Шли отрезки безвременья. Века и эпохи или дни и декады — не было сознания, способного измерить периоды пустоты. Иные миры рождались, созревали, старели и умирали в этом промежутке. Или тьма длилась всего столько времени, сколько нужно, чтобы моргнуть? А может быть, где-то посередине...

Границы пустоты задрожали, расплылись и исчезли. За ней открылся белый, туманный свет. Тьма складывалась внутрь себя, превратившись сначала в купол, потом в сферу, а потом — в кляксу, которая взлетела и исчезла в никуда.

Появилось затянутое тучами серое небо, освещённое периодическими вспышками далёких молний.

Взгляд медленно впитывал разные детали, как будто собирая кусочки головоломки. Концепции неба, времени и туч лениво возникали в расколотом, подсознательном мышлении мужчины.

Где он находится? И...

Почему не может вспомнить своего имени?

Мужчина повернул голову. Или попытался. Помешала некая сила. Его взгляд сместился менее, чем на дюйм. Двигая только глазами, он увидел, что окружён холодной, неподатливой субстанцией. Он был пойман, как насекомое, в каком-то зеленоватом материале.

Проснулся огонь гнева. Он попытался сделать глубокий вдох. Не получилось — очевидно, он был полностью изолирован даже от воздуха. Какой-то клочок сознания задумался, почему же он до сих пор не задохнулся. Большая часть его внимания сфокусировалась на текущем кризисе. Он должен вырваться на свободу, иначе умрёт. То, что сохранило ему жизнь до текущего момента, прекращало действовать. От нехватки воздуха на периферии зрения уже плясали чёрные точки.

Всплыл подсознательный приказ: Кричи! С последней порцией воздуха прокричи единственный слог концентрированного стремления и надейся, что этого хватит.

Мужчина сосредоточился на своей диафрагме, затем выпустил остатки воздуха из лёгких со взрывным, нутряным «Кихап!»

Материал, окружавший его голову, раскололся, как сухой кирпич под ударом булавы. Холодный воздух неожиданно коснулся лица. Он по-прежнему был пойман, но по крайней мере мог дышать.

Он сделал долгий, глубокий вдох, раздувая грудь так сильно, что окружавший его материал затрещал.

Он рванул со свирепой силой, которую помнили его конечности, даже если не помнил он сам. Боль пронзила левое плечо, и мужчина удивлённо вскрикнул.

Его левая рука болела так сильно, что чернота угрожала снова лишить его сознания. Сломана? Невозможно определить, пока он остаётся заточён.

Мужчина намеренно изолировал левую руку, толкаясь ногами и правой рукой. Этого сложно было добиться, и сильная боль снова ужалила тело.

Какие у него могут быть варианты? Он передохнул мгновение, задумавшись. Проблема провалов в памяти снова вышла на передний план. Это сводило с ума. Он должен высвободиться!

Он снова рванул всем телом, втянув воздух от боли. И снова. Каждый раз, когда он напрягался и толкал руками и ногами, он получал толику свободного пространства. Каждое усилие сопровождалось звуком, похожим на трескающийся лёд. С хладнокровной решительностью мужчина боролся с оковами странной субстанции.

Когда его правая рука вырвалась на свободу, безумная надежда избавиться от остатков ломкого, похожего на медовые соты материала стала настоящей возможностью.

Наконец, мужчина освободился полностью. Порошок из зеленоватого материала по-прежнему цеплялся за тело.

Он осмотрел себя целиком, баюкая правой рукой левую. Он был заточён в торчавшем из земли куске неизвестного вещества, похожем на кокон. Это был не минерал — а если и был, то необычайно ломкий. Кусок, из которого он освободил себя, был полым, по-прежнему частично повторял форму его тела.

Оглядевшись кругом, мужчина увидел, что стоит на травянистой равнине. Тут и там на поверхность вырывались другие минеральные образования, в большинстве случаев достигая не больше нескольких футов. Некоторые шпили были выше и в утреннем свете поднимались на дюжины футов. Между странными наростами волнами тянулась до западного горизонта степная трава.

Южнее лежал лес, судя по всему — мёртвый от какой-то заразы. Скелеты оставшихся деревьев стояли в основном вертикально, хотя под мёртвой листвой пробивалась густая новая поросль. Океан молодых ростков пробивался сквозь старый и сухой подлесок. Мужчина удивился, что лесной пожар до сих пор не очистил мёртвые растения. Дождь и молнии казались особенно сильными в том направлении. Он подумал, что молния может поджечь лес прямо у него на глазах.

Он вернулся взглядом к странным выростам, которые находились поближе. Сначала мужчина решил, что они достаточно стары. Он видел дюжины мест, где зеленоватые шпили потрескались и обрушились. Другие нарости, вроде того, из которого он только что вылез, был истёрты и разломаны на куски.

Конечно, учитывая, какой хрупкой оказалась эта масса, возможно нарости были не так уж стары — в геологическом отношении.

Он медленно повернулся на месте, пытаясь найти что-нибудь или кого-нибудь знакомого. Его собственное имя крутилось на кончике языка... но он никак не мог его ухватить.

Он посмотрел на восток, в сторону горизонта. Что-то в текстуре ландшафта, цвет неба, запах в воздухе, казалось знакомым...

Спина и руки покрылись гусиной кожей, как будто от холода. Здесь произошло нечто ужасное. Чудовищное бедствие...

Мужчина неожиданно вспомнил.

Рейдон Кейн вспомнил.

Его дыхание стало отрывистым. Глаза в черепе попытались закружиться вокруг своей оси. От тошноты он едва не согнулся пополам.

Рейдон хлопнул себя по лбу. Боль в левом локте казалась сейчас пустяком.

Мир погиб. Как он мог забыть?

Огонь. Колонна синего пламени, протянувшаяся из-за горизонта.

Он снова увидел плотную корону из плавленного сапфира, клубясь, возносящуюся вверх. Закрытые глаза только сделали воспоминание отчетливее.

И взрыв! Этот чудовищный, стирающий землю штурм, прокатившийся от пылающего столба.

Он вспомнил ужасы: свою лошадь, спотыкающуюся и пропадающую в лазурных потоках. Женщину, у которой выросли огненные крылья, испепелив её. Жуткие, извивающие волосы, тянувшие голову гоблина по земле... Его амулет! Он сгорел!

Ветер трепал его волосы, принося запахи травы и весенних цветов.

- Именем десяти заповедей, неужели я сошёл с ума? - взревел Рейдон хриплым голосом.

Он закрыл глаза. Он выровнял дыхание. Монах храма Сянь не должен так себя вести. Рейдон отыскал своё ментальное равновесие. Он был мастером медитации. Образы столба синего пламени не могут его преследовать, если он сам того не хочет.

Он представил свои ноги, свои руки, свою голову и ту нематериальную часть, которая определяла себя как действующий разум. Он представил свои мысли в виде линий энергии. Обычно они выглядели как спокойные дуги, но сейчас были спутанными и беспорядочными. Его смятение было дрожащим узлом, гнездом змей, не позволяющим достичь ясности. Он представил, как незримая сила разглаживает эти линии, распутывает узел, освобождает шипящих змей. Его превосходящая воля медленно преодолела адреналиновое смятение тела.

Напряжение покинуло его плечи, и зарождавшаяся мигрень угасла.

Таково было учение храма Сянь. Рейдон, как и все остальные ученики этого монастыря в Тельфламме, был повелителем своего тела. Техники визуализации позволяли монаху управлять естественными процессами внутри себя, значительно превосходя сознательный контроль.

Он посмотрел глубже и увидел другие линии — линии, представляющие целостность его тела, были напряжены и даже сломаны в области левого локтя. Он применил свою сосредоточенную ясность к сломанным линиям. Рассечённые полосы энергии сплелись, соединились и расслабились.

Боль в плече угасла.

Он видел, что все пульсирующие жизнью линии складываются в фигуру в трёх измерениях: длина, ширина и высота.

Нахмурив брови, монах начал отслеживать линии своей личности в четвёртом измерении — времени. Возможно, он обнаружит подсказку относительно того, что с ним случилось.

Его вниманием целиком завладела одна странность в модели собственного тела. В верхней половине туловища медленно мерцала пульсация такого цвета, который он даже описать не мог. Нечто синее, похожее на угли дремлющего огня.

Рейдон открыл глаза и посмотрел на свою грудь. Его рубаха, шёлковый жакет и куртка превратились в лохмотья, сгорели, оставляя открытой широкую татуировку, выжженую на коже. Переплетающиеся надписи на утраченном языке, крохотные и тесные, исходили от символа, похожие на стилизованные языки пламени вокруг изображения дерева.

Это был Символ Лазури с уничтоженного амулета Рейдона — отпечатавшийся у него на теле!

Как такое возможно? Он провёл рукой по татуировке. Поверхность символа явственно прощупывалась на коже. Тот был реален.

Рейдона захватило воспоминание о синем огне, пожирающем амулет. Монах вспомнил, как в те последние моменты сам символ остался в воздухе, как будто освободившись, тогда как материал, на котором он был запечатлён, истлел. Рейдон потянулся к рассыпающемуся амулету, стремясь удержать его... и Символ отпечатался на нём. Как он ни старался, это было последнее, что он помнил.

Отпечаток Знака Лазури украсил его кожу. Неужели сжигающий реальность синий огонь перенёс символ с амулета на тело монаха? Почему... как? А потом,

заклеймив его таким образом, запечатал внутри колонны хрупкого минерала? Это казалось бессмыслицей.

- Слишком много неизвестных раздражают меня, - произнёс Рейдон вслух, потом закашлялся. Его горло превратилось в наждачную бумагу, отвыкло от речи. Он сглотнул, покачал головой. Сценарии, основанные лишь на догадках, приведут к его только к беспричинным допущениям. Чтобы осознать, что произошло, каким образом он выжил, и сколько времени прошло после бури синего пламени, ему придётся заняться расследованием.

Монах повернулся на восток к Звёздному Покрову и побежал трусцой. Он должен был вскоре достичь портового города — или того, что от него осталось после синего пламени, если только Рейдона не перенесло ещё и в пространстве. Выдающиеся боевые навыки и подготовку образцового послушника храма Сянь не могли затмить даже долгие мили странствий. Пустое утешение? Возможно.

Чем дальше он продвигался, тем гуще становились хрупкие выросты. Однажды в крупном скоплении зелёного минерала он увидел человекоподобный силуэт. Монах остановился, решив, что обнаружил ещё одного застывшего вне времени узника — такого же, как он сам.

Эта была женщина, но её тело наполовину сгорело. Выражение чистой агонии превратило её лицо в демоническую маску. Она целиком была погружена в торчащий зелёный нарост.

Если женщина в этом подобии янтаря до сих пор оставалась жива, но пребывала в странном стазисе, будет несказанной жестокостью освобождать её, чтобы заставить испытывать боль от ожогов.

Рейдон с напряжённым лицом отвернулся. Он продолжил свой бег на восток.

К другим силуэтам, застывшим в зелёном веществе, он больше не присматривался.

Монах достиг границы Звёздного Покрова, по крайней мере — останков городского фундамента. Самого города больше не существовало.

На смену Звёздному Покрову пришла фантазия безумца. Изумрудные наросты, похожие на тот, из которого он высвободился, стали здесь ещё гуще. Может быть, разрушенный город был центром их происхождения? Уже не такие хрупкие, как тот, чтодерживал его, эти были тверды, как драгоценные камни. Что ещё хуже, рядом с городом каждый из них гудел на одной-единственной ноте, похожей на звук флейты. Атональные мелодии, терзавшие уши Рейдона, издавали в общей сложности тысячи шпилей.

Между шпилями зияли пропасти, в которых виднелось мерцающее синее сияние — та же синева, которую он помнил по огненной буре. Рейдон отошёл на дюжину ярдов.

На открытом пространстве между шпилями и разломами медленно дрейфовали обсидиановые массы. Формой они напоминали неоднородные куски чёрного камня.

От них исходила почти осозаемая враждебность. С такого расстояния Рейдон не мог сказать, действительно ли они живы или просто какая-то сила приводит их в движение. Он даже знать не хотел. От взгляда на сумасшедший пейзаж болели глаза.

Он моргнул и отвернулся. Тут ему ответов не найти.

Но линия горизонта Звёздного Покрова не выходила из головы, вызывав воспоминания о дочери, Эйлин.

- Ох, - выдохнул он. Шок от пробуждения заставил его забыть, зачем он покинул Звёздный Покров... сколько лет назад? Невыразимый страх за Эйлин сдавил монаху грудь.

- Я должен отправиться в Натлех, - прошептал он.

Пронзительный визг заставил его снова обратить внимание на разрушенный город. Из ближайшей пропасти с синим огнём вылезла человекоподобная фигура. Следом за ней через край разлома перелезли ещё трое. Первая заметила Рейдона. Она прошмакала что-то, смутно похожее на «Я же говорил, чточу обед», и бросилась к нему.

Существо было голым. Кожа туго обтягивала кости. В пасти клацали острые зубы хищника, а пылающие подобно раскалённым углям глаза следили за Рейдоном. Светившийся в них голод был таким свирепым, таким чистым, что казался почти мистическим.

Гуль?

Шов на животе бегущего существа открылся, обнажая зияющую, зубастую полость. Из брюшной пасти показался щупальцевидный язык, замелькав, как фиолетовое пламя.

Это был не гуль — по крайней мере, не полностью. Это было нечто аберрантное.

Рейдон встал в левую защитную стойку, и неожиданный холод охватил его грудь. Быстро глянув вниз, он увидел, что символ на его груди мерцает небесным пламенем.

Изумление практически заставило забыть о нападающем.

Существо почти настигло его. Монах перетёк из защитной в атакующую стойку. Рейдон перехватил удар когтями своей левой рукой, отвёл лапу вперёд по диагонали и вниз, и правым кулаком обрушил сокрушительный удар на локоть существа. Похожее на гуля чудовище закричало обоими ртами. Его правая лапа свободно повисла ниже локтя — сустав был сломан.

Два сородича монстра быстро приближались. Их брюшные челюсти истекали слюной и бессвязно бормотали, как и у первого. Рейдон не отпускал сломанную руку противника. Он развернул своё тело, подсекая врага ногой, и швырнул его тушу на приближившихся тварей.

Одна из двух не успела уклониться от импровизированного снаряда Кейна. Они рухнули одной кучей с собратом и начали извиваться и молотить конечностями, царапая и кусая друг друга.

Последнее существо остановилось. Его глаза сверкали, изучая монаха. Щёки и подбородок были измазаны в крови — в чужой крови. Его нижняя, брюшная пасть чавкала и корчилась, и оттуда раздавались жующие звуки. Рейдон заметил внутри что-то белое и красное.

- В отличие от собратьев, голод мной не владеет, - пропело существо жутким, писклявым тенором. - Я только что поел.

Оно могло говорить! Может ли оно объяснить, что здесь произошло? Нужда в знаниях поборола его обычное правило избегать любых разговоров с чудовищами.

Рейдон стиснул кулаки и спросил:

- Что здесь произошло?

Тварь наклонила голову и моргнула. Очевидно, отсутствие страха у жертвы стало для неё неожиданностью.

- Мы выбрали тебя нашим обедом, - отозвалось оно.

- Нет, нет. Расскажи мне, что случилось со Звёздным Покровом? Сколько времени прошло после пришествия синего пламени? Я очнулся внутри...

- Ты рассудком тронулся? - захихикало чудовище. - Кричи и убегай, как еда. Не тревожь меня воспоминаниями о Волшебной Чуме!

- Волшебная Чума? Что это?

Существо зарычало, развернулось и указало рукой мимо борющихся и кусающихся туш своих «братьев» на горизонт Звёздного Покрова.

- Волшебная Чума — это синий огонь, который пришёл, когда рухнула Пряжа. Здесь по-прежнему остались его карманы. Это пламя, что пожирает всё. Как гуль! - он издал что-то вроде смеха.

- Пожирающий синий огонь? - переспросил Рейдон. Он вспомнил, как его спутники и камни одинаково сгорали в огненном штурме, предшествовавшем его долгому забвению.

- Некоторые вещи синий огонь пожирает, не оставляя ничего. Другие вещи он ест, а потом выплёвывает обратно, только уже другими... Изменёнными Чумой.

Рейдон оглядел искажённый ландшафт и искажённого монстра. Указывая на брюшную пасть, он спросил:

- С тобой так и случилось?

Тварь захихикала снова.

- Может быть... а может быть и нет, - ответила она. Она зафыркала от веселья, как будто вспомнив какой-то анекдот, но не стала им делиться. Потом гуль указал на голую грудь Рейдона. - Но ты! Ты меченый, да? У тебя наготове какой-то трюк?

- О чём ты?

Перед внутренним взглядом Рейдона снова появилось видение огненной бури, заклеймившей его Символом Лазури. Холод в груди усилился. Это было не больно — скорее напоминало чувство, когда солнце заходит за тучи... или на холод амулета, когда тот засекал врагов, ради уничтожения которых был создан.

Существо рассмеялось, потом сказало:

- Меченый или нет, ты сделан из мяса. Не следует отпускать закуску из крови и мяса, не попробовав кусочек.

Существо прыгнуло. Монах рефлекторно выбросил ногу в ударе, который должен был удержать оппонента на дистанции достаточно долго, чтобы Рейдон мог провести настоящую атаку.

У него была всего лишь секунда, чтобы осознать свою ошибку, когда нога погрузилась прямиком в зияющую брюшную пасть.

Пасть начала жевать. Ногу пронзила невообразимая боль. Он чуть не закричал.

Рейдон отчаянно рванулся, пытаясь высвободить конечность. Язык-щупальце брюшной пасти обернулся вокруг его лодыжки, удерживая его на месте. Белые зубы в полости давили и скрежетали, потекла красная жидкость. Неужели всё это — его кровь?

Голова гуля рванулась вперёд. Его настоящий рот был не менее ужасен, что тот, что жевал ногу монаха. Он попытался укусить Рейдона за горло.

Апперкот монаха разбил чудовищу зубы и отбросил голову назад. Рейдон не позволит так легко себя одолеть.

Тварь свирепо рванула его за ногу своим цепким щупальцем, заглатывая её глубже в свою брюшную глотку. Его ступня, голень, колено и нижнее бедро... как так? Вся нижняя часть его ноги была внутри чудовища, и щупальце начало оплеть его бедро. Тонкими дымящимися струйками снова полилась красная жидкость. Каким образом его стопа и голень могли поместиться внутри тощего монстра? Неужели гуль перекусил ему ногу? Сосредоточенность Рейдона дрогнула под натиском тошноты.

Боль хлынула по его нервам, задрожали руки, зазвенела голова. Может ли боль быть такой сильной, если он уже лишился ноги? Он отчаянно надеялся, что внутри гуль был крупнее, чем казался снаружи.

Холод в груди Рейдона усилился. Не зная точно, зачем, он прижал левую ладонь к запечатлённому там символу. С треском образовалась связь. Лазурная энергия потекла в него. Это была энергия, которую прежде амулет даровал ему в присутствии aberrаций.

Небесно-голубой блеск засиял на его теле. Похоже, Символ Лазури на груди был не просто татуировкой.

В нём хранилась старая сила его амулета. И прикосновение пробудило эту силу.

Символ излучал очистительный свет, который Рейдон однажды смог извлечь из уничтоженного амулета. Знак Лазури воплощал чистоту природы. Он служил анафемой для aberrаций.

Гуль широко распахнул глаза и убрал свой ужасный брюшной язык. Полость с такой силой выплюнула ногу Рейдона, что монах рухнул на землю.

Его ступня оставалась на месте.

- Хвала Сянь, - прошептал Рейдон. Вторая пасть чудовища внутри была крупнее, чем снаружи. Но у него на ноге отсутствовали полосы кожи, как будто их разъела кислота, обнажив красные и сочащиеся мускулы.

Таких серьёзных ранений Рейдон прежде не получал. Но его разум отбросил эту мысль, чтобы задуматься о призванной только что без всякой помощи силе.

Монах сам стал живым амулетом. Энергия, которая потекла «внутрь» него, исходила из него самого. Рейдон ухватился за свой мысленный фокус, снова представляя разум и тело в виде полос сверкающей энергии. Мерцание синивы, которое он наблюдал ранее, лазурью пылало в его сердце. По краям оно светилось более диким, тёмным оттенком Волшебной Чумы. Неужели пережитая им огненная буря... неужели она наделила монаха силой его амулета? Если так, почему лазурный цвет загрязнён...

Чудовище-гуль ударились в него, прижав к земле. Рейдон слишком поздно отбросил несвоевременные размышления. Обе пасти и когти твари вонзились в его

плоть. Чудовище выдохнуло: «Мне не нравится твой вкус. Может быть, мёртвым ты будешь вкуснее.»

Большой палец в глаз и колено в бок чудовища не очень-то помогли монаху сбросить с себя гуля. Сокрушительный удар локтем прямиком в горло оборвал постоянное, сводящее с ума хихиканье твари. Простого смертного такой удар прикончил бы на месте.

Но это существо было нежитью, и по его нервам не передавалось чувство боли. Рейдон бился в хватке противника, начиная задыхаться. Знание монаха о том, как атаковать жизненно важные области — болевые точки, суставы и внутренние органы, — против живых мертвецов было почти бесполезным.

Он подался вправо, пытаясь выбраться из-под сокрушительного веса, потом дёрнулся влево, надеясь обмануть создание. Щупальце-язык гуля удержало мечущегося монаха на месте.

Рейдон оказался в западне. Отвратительные брюшные челюсти твари давали ей нечестивое преимущество, и боль в левой руке всё больше и больше просачивалась в сознание монаха, угрожая его способности перехватить инициативу. Он потянулся к знаку на груди, но гуль сумел схватить его за запястье. Монстр быстро схватил и вторую руку монаха. В ладони больно вонзились когти твари.

- Нет, не трогай! - пропищало создание. - Лежи смирно, дай снять кожу с лица!

Концентрация Рейдона дрогнула. «Сосредоточься! Сохраняй самообладание, иначе проиграешь», — приказал он себе. Но какие у него шансы, если он не сможет коснуться символа?

«Если сила моего амулета внутри меня самого, зачем к нему прикасаться? Я ведь и так всегда связан с ним, раз Символ Лазури — часть меня?»

Он сосредоточился на холодной точке над сердцем. Знак мёртвого ордена. Символ Лазури. Он представил, что касается его щупальцем мысли. Знак был метафорой, эмблемой, что служила дверью, дверью, которую Рейдон мысленно распахнул, открывая лежащие за ней чудеса...

Знак на его груди запульсировал. Лучи лазури устремились к небесам. Свет коснулся аберрации, и раздался вой. На сей раз чудовище смогло испытать боль.

Тварь убрала брюшной язык, скорчилась и откатилась с Рейдона в сторону. Свет Знака угас.

Пошатываясь, истекающий кровью монах поднялся на ноги. Цзай цзы, как же сильно он пострадал! Если не позаботиться о своей ноге, то сначала Рейдон потеряет её, а потом — и жизнь.

Гуль остался лежать, корчась и брызгая слюной, не обращая внимание на происходящее вокруг. Чувства чудовища были перегружены, может быть — выжжены целиком. За десять лет охоты на аберраций Рейдон не раз видел такую реакцию. Именно так действовала на самых слабых чудовищ манифестация Символа. Более могущественные аберрации страдали меньше. К счастью, эти были не из их числа...

Быстрое движение снова заставило Рейдона встряхнуться. Два товарища пострадавшего гуля прекратили бороться. Они задумчиво и встревоженно рассматривали Рейдона и мерцающий символ на его груди.

Несмотря на свой трепет, они стали наступать.

Гули увидели Знак и, похоже, осознали его потенциал, но также они почуяли кровь. Рейдон полагал, что запах крови преодолел их инстинкт самосохранения. Голод этих чудовищ был сильнее и чище, чем страх.

Они бросились на монаха.

Тот закричал:

- Оболочки нечистого голода, узрите Символ Лазури!

Его грудь заново вспыхнула небесно-голубым. Лучи как лезвия ударили с его тела, пронзая нападающих.

Один из гулей увернулся от света, но другой сломя голову бросился на лучи. Глаза чудовища закрылись от боли, когда его окутал очистительный свет. Оно споткнулось и со стоном упало.

Второй гуль, не обращая внимания на судьбу «брата», настиг Рейдона. Коготь скользнул под блокирующую запястье монаха, рассекая выжженный на груди знак.

Сияние Символа мгновенно угасло.

Рейдон отступил, сохраняя сосредоточенность. Он обрушил на врага град свирепых ударов по коленям, пока тот бил его когтями и хлестал щупальцем. Создание не чувствовало физической боли, но его тело можно было покалечить, применив достаточную силу. К несчастью, Рейдон не мог бить пострадавшей ногой.

Блокируя, уворачиваясь и ускользая от атак гуля, он смешался влево. Его противник слишком настойчиво пытался вонзить свои зубы в Рейдона, чтобы обращать внимание на ландшафт. Когда гуль оказался на нужной позиции, Рейдон провёл обманный выпад и толкнул. Чудовище споткнулось о другого гуля, почти откусившего монаху ногу — тот только сейчас начал подниматься с земли.

Рейдон воспользовался передышкой, чтобы осмотреть свою грудь. Кровавая полоса рассекала застывший там символ. Он закрыл глаза и снова призвал свою исцеляющую визуализацию. Времени заниматься ногой не было — но сейчас это было меньшей проблемой. Он сконцентрировался на туловище. Он увидел частично рассечённые линии символа внутри большой модели своего собственного тела.

Точно так же, как исцелял другие небольшие ранения, он представил, как разорванные линии срастаются, замыкают прореху и восстанавливают свою связь. В грудь вернулась прохлада. Не такая сильная, как прежде, но хватит и этого.

Рейдон открыл глаза. Его противники были уже на ногах и приближались.

Он снова обрушил на них лазурное сияние.

Оба существа закричали, когда их коснулся свет. Эти последние лучи оказались для них чересчур. С воплями и стонами они отступили к воротам Звёздного Покрова.

Резервы монаха истощились. Он повернулся спиной к холодному северному ветру, пахнущему дождём. Он посмотрел на юг, в сторону Галтмерского леса. В небо поднимался чёрный дым, и он уловил запах горящих сосен. И без того пострадавший лес снова горел.

Без единого слова Рейдон заковылял на запад. Интересно, от чего он погибнет: от раны на ноге, от гулей Звёздного Покрова, которые бросятся в погоню, от пожара или от ледяного дождя?

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Год Тайны (1396 ЛД)
Оллет, море Павших Звёзд*

Ногах немигающим взглядом изучала Сердце Сна. Она сжимала камень обеими перепончатыми ладонями. Год назад она вырвала его из бездн земли. С тех пор кво-тоа каждый день обязательно проводила время вместе со Сердцем.

Почти сферический кусок незнакомого минерала стал для неё всепоглощающей страстью. Хотя на первый взгляд камень не впечатлял, его существование было более чем физическим. Он существовал и на уровне разума. Там Сердце Сна представляло собой искрящийся источник цвета, снов и возможностей. Это был маяк силы, суливший знания и власть любому кво-тоа, достаточно безрассудному, чтобы прислушаться к его зову.

Ногах прислушалась. О да.

Поначалу воздействие длилось только во время сна. Кошмарные, но в то же время — захватывающие образы плясали в такт неземным звукам. Но потом камень научился проникать в её бодрствующий разум. В последнее время видения величия и славы всё чаще и чаще посещали её в полном сознании. Иногда видения были пугающими, иногда жуткими в своей красоте, но всегда оставляли её потрясённой. Ногах раздражало, что когда образы угасали, она не могла вспомнить их значение полностью.

На уровне подсознания она запоминала больше. Иногда, даже не задумываясь, она непроизвольно упоминала древние события, о которых не могла ничего знать. Лишь после того, как слова срывались с уст, Ногах удивлённо замирала, пытаясь отыскать источник собственной реплики. Смутные образы бурлящего ничто и атональных вибраций — вот и всё, что находило её сознание.

Подобные пробелы казались малой ценой за секреты магии, которые она медленно выуживала из Сердца. Эти способности дали жизнь её собственным амбициям. Она представляла Фаэрун сотворённым заново, под властью кво-тоа!

Конечно, многие из её более робких собратьев пока что не разделяли эти цели. Они слишком привыкли к старым традициям и полагались на старых союзников. Ногах усмехнулась. Постепенно она убеждала в своей правоте всё больше и больше кво-тоа. Они начали признавать, что кво-тоа заслуживают лучшего места в мире. В мире, где Ногах будет всемогущей. Но сначала она должна склонить на свою сторону весь Оллет.

В прошлом город Оллет был водным царством, которым правили умелые заклинатели моркоты. Они называли свою магократию Арканумом Оллета. Эти жестокие существа управляли городом, построенным на рабском труде. Рабами моркотов были захваченные особи из нескольких других подводных рас, включая нецивилизованных локата и даже свирепых сахуагинов. В своём высокомерии моркоты без предупреждения напали на делегацию кво-тоа, которая

путешествовала по дну моря Павших Звёзд под защитой гарантированного самой Морской Матерью перемирия. Половина посольства кво-тоа была убита и сожрана, а выживших доставили в Оллет для вечной службы хозяевам-моркотам.

Арканум допустил ошибку, когда не смог истребить выживших кнутов в своём новом контингенте рабов кво-тоа. Преданные Морской Матери кнуты стали плохими рабами, ведь для обретения силы им требовалось всего лишь прочесть молитву. За десять лет Арканум перенёс так много неудач, восстаний и катастроф, тайно подстроенных кнутами в самом Оллете и теми, кто скрывался за городом, что оказался на краю краха.

Поэтому многие считали, что даже без Волшебной Чумы, в ходе которой каждый третий из магов-моркотов растворился в синих вспышках, а оставшиеся утратили власть над своими рабовладельческими заклинаниями, Оллет всё равно перешёл бы в руки кво-тоа. Так или иначе, в конце концов кво-тоа восстали и захватили город.

Выживших моркотов в Оллете перебили, хотя некоторые смогли сбежать. Другим существам позволили остаться — такими же рабами, подчиняющимися новым господам. Кво-тоа из Оллета позвали свой осталльной народ, и таким образом кво-тоа впервые пришли в море Павших Звёзд в больших количествах. От Арканума остались лишь горькие воспоминания и несколько особей моркотов, хранящихся в спиртовом растворе, чтобы напоминать будущим поколениям кво-тоа о прошлых испытаниях.

Ногах было любопытно, как бы отреагировал старый Арканум моркотов, если бы они обнаружили Сердце Снов?

Она полагала, что Арканум последовал бы тому же курсу действий, что и она сама, причём скорее всего — более успешно. Им не пришлось бы подавлять сопротивление своих же товарищей, которые больше всего боялись нарушить традиции. В отличие от кво-тоа, Арканум не был скован догмами богини-прапородительницы.

Она отмахнулась от бесплодных сравнений и мёртвых воспоминаний. Учение Морской Матери вскоре пошатнётся, и Ногах положит начало новой эпохе величия.

Ногах поднялась из бассейна для отдыха. Она продолжала держать Сердце Снов обеими руками. Несмотря на всю её привычку к артефакту, тот по-прежнему был неудобного размера.

Оставляя струйки воды на плитках пола, Ногах покинула свои покои и вошла в крайнее помещение своих залов.

Там, под великим куполом, речь Ногах услышит её растущая паства — как часто случалось в последние месяцы. Сегодня, подумала Ногах, я покажу им нечто столь поразительное, что их души навсегда станут моими.

В помещении уже начали собираться слушатели, некоторые шептались в предвкушении, другие казались робкими и неуверенными. Многих она узнала, но, как чаще всего и бывало, увидела и новые лица — тех, кто услышал слухи о её проповедях. Здесь присутствовали даже несколько угрюмых локата. Проповеди Ногах становились всё известнее. Вскоре ей придётся найти для этих собраний местечко побольше. Она уже трижды переезжала, чтобы как-то вместить растущие толпы. Этот наполовину залитый водой роскошный зал под перламутровым куполом находился на самом краю Оллета.

Несмотря на отлучение от церкви, популярность Ногах росла. Проблемы, последовавшие за годом Синего Пламени, не прекращались, и теократия по-прежнему не могла уверенно править городом. С другой стороны, положение дел было намного лучше, чем десять лет тому назад, когда случайные вспышки Волшебной Чумы могли внезапно воспламенить и сжечь или превратить в чудовище любого кво-тоа. Для Ногах это время подходило идеально.

Когда она начала проповедовать новые догмы, церковь лишила Ногах статуса кнута Морской Матери. Она потеряла способность читать молитвы именем Морской Матери. Они решили, что Ногах беспомощна. Они попытались лишить её здоровья и жизни. Но Сердце Сна превзошло их силы. Доктрина Ногах в тот день оказалась сильнее. Она убила двух кнутов силой артефакта и заставила оставшегося жреца сбежать из её зала.

Влияние Морской Матери угасало, а сила Ногах возросла благодаря более древнему источнику! От одной лишь мысли об этом её плавники согрелись. Её растущая сила исходила из Сердца Сна, или, по крайней мере, передавалась в камень из некоего странного и зловещего источника.

Тела трёх других кнутов кво-тоа, которые вернулись позже, чтобы убить её за ересь, стали достаточным доказательством — заявление Ногах о приближающейся трансцендентности было не пустым баухальством.

Эти истории и другие подобные рассказы о непокорстве Ногах возбуждали интерес к её проповедям. Она сама не смогла бы спланировать всё лучше.

Бывший кнут вышла на неярко освещённый помост под сырым куполом, и в неё ударили сотни голосов кво-тоа, ведущих взволнованную беседу. Лишь несколько кво-тоа заметили её.

- Дети мои, - сказала собравшейся толпе Ногах. Те мгновенно затихли.

- Дети мои, вы пришли, чтобы услышать правду. Правду! После целой вечности лжи вы заслуживаете знать.

По краям толпы побежали шепотки. Освещение стало угасать, но вокруг Ногах свет усилился, подобно приближающейся заре.

Ногах продолжала.

- Я, как и вы, верила в ложь. Я верила в неё так сильно, что пошла на службу Морской Матери. Как многие из вас, я готова была принести ей в жертву всё, чего бы это ни стоило. Таков был наш путь! Как я могла поступить иначе?

Нетерпеливые возгласы прозвучали в толпе, отражаясь от чистой воды, которая заполняла помещение, достигая лодыжек. Было почти полностью темно, даже для зрения кво-тоа. Но Ногах сияла, как сошедшая на землю звезда. Их внимание было приковано к ней; она чувствовала все их взгляды подобно прикосновению.

Иерархия Оллета объявила проповеди запретными, но любопытные по-прежнему находили её. В конце концов, какая ещё кво-тоа с такой дерзостью игнорировала приказы объединившихся кнутов Морской Матери, не будучи при этом немедленно изгнана?

Но она управляла их вниманием не только с помощью спектакля; продолжая говорить, она зачерпнула деликатную магию снов из артефакта, который сжимала как талисман, и направила её в восприимчивый разум каждого присутствующего создания.

- Как и вы, я принимала свою участь. Даже будучи кнутом Морской Матери, я была ниже её внимания. Для неё я была слизняком — полезным, но недостойным уважения. Я подарила ей свое неугасимое внимание и службу. Взамен, она дала мне... что?

В ответ помрачневшая аудитория разразилась шорохом гневных голосов.

Ногах оборвала их:

- Ничего! Ничего, только новые приказы, требования новых жертв. Я подчинялась, ведь что я могла? Что можете вы?

Ногах подняла Сердце Снов над головой. Окружавший её свет из артефакта засиял вдвое ярче. Из камня вырвались полосы сияния, переплетаясь и извиваясь, протянувшись над головами толпы.

- У меня есть для вас ответ.

Из артефакта раздался звук, низкий и рокочущий, похожий на стук мёртвого сердца, пробуждающегося к жизни после электрического разряда.

- У вас есть выбор, - говорила Ногах. - Вы можете остаться в оковах Морской Матери и её закостенелых прислужников, а можете бросить её. Здесь и сейчас перед вами открылся новый путь. Я предлагаю вам новую цель. Если вы встанете на мою сторону, ваши жертвы и ваша служба не останутся без награды.

Она закричала, перекрывая протестующий ропот.

- Вместо этого, вы возвыситесь! Идите за мной и откройте новое будущее. Я чувствую, как прямо сейчас изменяется течение. Я возвышаюсь! Я — слуга древней силы, что прямо сейчас снова начинает уделять внимание миру, про который уже давно позабыла.

Театральным жестом Ногах отпустила Сердце Снов. Камень не упал. Он повис в воздухе так же прочно, как булыжник, лежащий на твёрдой земле. Затем он начал подниматься, а исходящий от него свет превратился в вытянутые, колышущиеся полосы. Артефакт достиг центра помещения и остановился. Хлещущие щупальца света стали ещё более длинными и запутанными, а рокот его громоподобной, повторяющейся ноты застучал ещё громче. Сердца присутствующих начали синхронизироваться с подавляющим, океаническим ритмом.

Ногах закричала:

- Узрите!

Рокочущий звук не задушил, а только усилил её голос.

- За нашим миром лежит королевство силы и чистоты! Место, где мысль становится действием, а смерть — всего лишь очередная идея, изменчивая, как ложь. Чтобы сохранить своё превосходство, боги давно закрыли смертным доступ туда, в землю за пределами всех мест. Но не всё знание было утрачено. Тут и там к миру прикасаются участки этого внешнего царства. В месте, где возникают подобные связи, сама реальность получает благословение! Там, где связь остаётся, возможны великие чудеса!

Самопровозглашённая прислужница Сердца Снов сделала жест и сосредоточилась. Вьющиеся полосы света скрутились в массивный узел. Узел с бугром посередине, где Сердце Снов было заключено в хватку собственных лучей.

Узел кружился и пульсировал в воздухе, как сытая змея, медленно переваривающая недавнюю жертву.

Выступ в центре узла пульсировал в такт рокочущему ритму, с каждым ударом увеличиваясь в размерах. Разноцветные нити неожиданно содрогнулись и расплелись, открывая полость, выросшую внутри. Сердце Сна пропало. Вместо этого там была бесцветное пространство бледного сияния, похожего на скрытый за облаком лунный свет, — сияния столь древнего, что оно должно было давным-давно угаснуть, но до сих пор сохранилось.

- Смотрите внимательно — свет, падающий на ваши глаза, старше всего света мира, старше, чем родовые костры самих богов. Разве он не прекрасен? Разве он не велик? Разве вы не чувствуете, как ваш разум освобождается, любя его...

Оглушительный грохот, прозвучавший ещё громче в пульсирующей музике Сердца Снов, нарушил ритуальное благоговение Ногах. Звук раздался сверху, в задней части купола.

Испуганную, моргающую аудиторию залил водянистый послеполуденный свет. Лунное сияние угасло. Возникло Сердце Снов — как простой булыжник. Оно мёртвым грузом упало на собравшуюся толпу. Стих булькающий крик — камень раздавил череп кво-тоа прямо под собой.

Из возникшего разлома раздался скрипучий голос:

- Именем Морской Матери, прекрати свою ересь!

Полуослепнув от неожиданной вспышки, Ногах всё равно сумела различить силуэты по меньшей мере двух старших кнутов, облачённых в священные боевые доспехи. Рядом с ними возвышались массивные фигуры четырёх мониторов кво-тоа, воинов, с рождения обученных сражаться лишь с помощью собственного тела.

Толпа единогласно завопила от ужаса быть пойманным в обществе еретички. Ногах попыталась приказать им броситься на нападающих. Но крики паники легко заглушили её указания. Слишком мало они вглядывались в подготовленные Ногах чары, чтобы попасть под её влияние. Ритуал, к которому она так долго готовилась, провалился.

Её слушатели пытались сбежать, и в чаше купола образовалась страшная давка. Кво-тоа начали погибать — в распространившейся панике их давили свои же товарищи.

Придётся начать всё заново, но Ногах отбросила мысли о приготовлениях. Внимание требовалось ей для спасения своей чешуйчатой шкуры от атакующих лоялистов Морской Матери. Ногах прыгнула в толпу, когда направленные кнутами удары молний опалили землю в том месте, где она только что стояла. Её задело краем молнии. Она взвизгнула, но не остановилась. Естественная сопротивляемость спасла её от основной силы молний. Однако Ногах понимала, что ещё одного попадания не выдержит.

Давка в толпе была похожа на морской штурм. Нападающие кнуты закрыли выходы! Пойманые кво-тоа метались из стороны в сторону в ограниченном пространстве. Ногах пробивалась через толкающиеся тела с помощью своей

увеличенной Сердцем Снов силы. Она не раз наступала на тех, кто уже корчился на полу. Даже лишившись связи с артефактом, она могла черпать из него силу. Обожённая молнией Ногах исцелялась на глазах.

Она смаковала мысль, что её способности снова удвоются, когда она возобновит контакт с Сердцем...

Чей-то палец попал ей в левый глаз. Локоть ткнул в бок. Большой и цепкий квота схватил Ногах за грудь и попытался подняться с пола. Он обладал истерической силой; она едва смогла устоять на ногах. Ей нужно было выбираться... Нет. Она присоединилась к толпе с конкретной целью. Несмотря на опасности давки, она должна была забрать артефакт. Ещё несколько мгновений, и она получит его.

Из трещины в куполе спрыгнули четыре монитора, приземлившись среди вопящих простолюдинов. Руки, ноги, колени и локти мониторов были не менее смертоносным оружием, чем копья и мечи. Они принялись убийством прокладывать себе путь через толпу к Ногах, пока та продолжала двигаться к ним — или, точнее, к тому, что лежало между ней и мониторами. Артефакт отбрасывал тень на её разум, и она точно знала расстояние до него.

Что? Сердце Снов двигалось! Один из паникующей паства схватил его. Кво-тоа использовал камень, чтобы проложить себе путь налево, к некой прозрачной безопасности, которую этот тупица вообразил себе в той стороне...

Вор продвигался удивительно быстро. На самом деле, ничего удивительного, поняла Ногах. Камень подпитывал вора, пускай даже тот ничего не знал об истинной природе Сердца. Вскоре он доберётся до стены. И что тогда? Возможно, он интуитивно сможет зачерпнуть достаточно силы, чтобы создать выход.

Мониторы продолжали приближаться к ней, прорежая толпу с жестокой эффективностью. Если их не заботили горожане Оллета, значит кнуты, по-прежнему остававшиеся наверху, скорее всего прямо сейчас готовят новые молнии, чтобы пустить в неё и в любых созданий поблизости. Страх убить невиновного им не помешает. И этот идиот кво-тоа как будто специально продолжал удаляться от Ногах!

Ногах мысленно потянулась к камню, напрягая слабую связь, ещё оставшуюся между ними. Сквозь эту связь она попыталась призвать огонь.

Сердце Снов вспыхнуло чёрным пламенем. Вор испустил пронзительный вопль за секунду до того, как его тело превратилось в угли. Камень снова упал на пол, уже начиная остывать.

Толпа подалась в стороны от кремированных останков, образуя заслон. Ногах торжествующе бросилась туда и подхватила артефакт. Её связь с Сердцем возобновилась. Слегка закружилась голова. Воссоединение случилось как раз вовремя.

С клешни жезла главного кнута ударил луч изумрудно-зелёной энергии. Там, куда попадал луч, участки пола, одежда и вопящие кво-тоа растворялись облачками серой пыли. Луч коснулся пола где-то в десяти футах от Ногах и пополз к ней.

Она вытянула энергию из артефакта, укрепляя своё тело против пожирающего зелёного излучения. Когда изумрудный свет коснулся её, Ногах невольно вздрогнула. Потом улыбнулась. Сердце Снов обеспечило её более чем достаточной силой, чтобы противостоять молитвам разрушения, дарованным Морской Матерью.

Она ведь говорила в своих проповедях, что возвысилась. Зелёный луч заиграл на её теле как простой свет.

Ногах решила, что пришла пора показать всем кво-тоа Оллета, что с ней шутки плохи. Пора захватывать власть. Пора открыть нетронутый до сих пор резервуар энергии Сердца, зачерпнув больше силы, чем она когда-либо пыталась.

Артефакт по-прежнему скрывал большую часть своих возможностей от Ногах, несмотря на её мелкие успехи в управлении его периферийными энергиями. Каждый день она узнавала что-то новое. К примеру, она узнала, что артефакт может управлять разумом некоторых существ. Меньше десяти дней назад она заставила Сердце Сновпустить ментальные щупальца по всему морю Павших Звёзд. Щупальца, разыскивающие существ глубин, которых с помощью камня можно было убедить подчиниться воле Ногах.

Многие из этих ищущих линий с тех пор натянулись, подобно рыболовной леске. Ногах знала, что ей на крючок попалась крупная добыча.

Пора испытать удачу, подумала она. Не зная точно, что призывает, Ногах мысленно потянула за одно из ментальных щупалец Сердца. И когда она это сделала, в сознании прозвучало имя.

Гефсимет.

Имя было знакомым...

Ох.

В момент узнавания Ногах едва не оборвала призывающее щупальце. Гефсимет был огромным кракеном, чудовищем морских глубин. По правде говоря, оллетские кво-тоа надеялись, что Гефсимет погиб во время Волшебной Чумы. Великий кракен однажды был союзником Арканума моркотов и не питал тёплых чувств к кнутам из-за их роли, которую те сыграли в гибели бывших обитателей города.

Неужели Сердце Снов способно подчинить даже Гефсимета?

Слишком поздно было что-то менять. Огромный кракен был уже близко, как будто ожидал зова. Или как будто кракен почувствовал щупальца Сердца много дней тому назад и сразу же направился к источнику странного привкуса в воде...

- Ногах! - закричал один из кнутов. - Я вижу тебя! Ты борешься, как рыба в сетях, но бежать больше некуда! Отдай себя справедливому правосудию Морской Матери! Каждая секунда твоего сопротивления становится целой эпохой, которую твоя душа будет страдать в гроте Морской Матери!

Ногах отрицательно, почти грустно покачала головой. Она сказала:

- Сегодня оборвётся ваша борьба, а не моя. Если вы немедленно сбежите или отречётесь от Морской Матери здесь и сейчас, как поступила я, возможно я оставлю вам жизнь.

От изумления кнут выпучил оба своих и без того выпуклых глаза. Один из мониторов, приблизившись почти на расстояние удара, невольно вскрикнул от возмущения.

Потом на плечи кнута упала тень. Тень поднялась у них за спинами.

Раздался звук, похожий на лопнувший мочевой пузырь, и один из кнутов исчез.

Там, где через расколотый купол виднелись небо и свет, теперь была гора колышущейся сероватой плоти. Затем пришёл запах тысячи гниющих рыб, и закричал второй кнут.

Явился Гефсимет.

В поле зрения возникло щупальце высотой с башню. Оставшийся кнут поднял свой посох-клешню и начал кричать молитву чудовищной силы. Слишком поздно. На него обрушилось щупальце. Телесные жидкости брызнули на кво-тоа внизу. Вопли усилились.

Ногах сосредоточилась на Сердце Снов и своей связи с Гефсиметом. Она почувствовала могущественный разум кракена. Мозг, похожий на мозг кальмара, не был пропитан ненавистью из-за принуждения, как она ожидала. Нет, кракен испытывал только любопытство. И омерзительную разновидность легкомысленной жадности.

Монитор ударили её кулаком, похожим скорее на железную булаву, чем на простую плоть. Ещё два удара настигли Ногах и она упала, крича, закрывая не собственное тело, но камень Сердца. Кровь залила один глаз, размыв её зрение.

Ногах направила в артефакт мысленный образ одного из двух мониторов в помещении, а оттуда — дальше по щупальцу, которое соединяло камень с Гефсиметом.

Сквозь трещину в куполе просунулись ещё три щупальца, расширяя прореху.

Ногах закричала, слова были неразборчивыми от боли:

- Твоя плоть ответит за удары по мне, холуй!

Монитору хватило времени оглянуться, прежде чем одно из щупалец кракена подхватило его и унесло прочь. Затем раздался слабый крик и хруст.

Оставшийся монитор принял защитную стойку. Когда второе щупальце хлестнуло вперёд, он увернулся и нанёс удар ногой. Невероятная сила удара послала волну вверх по щупальцу. Могучий чудовищный голос изумлённо взревел.

Третье щупальце с шипами ринулось вперёд, обхватив монитора за шею. Щупальце стянулось и дёрнуло, и голова кво-тоа отделилась от тела.

Тогда в разрушенном зале воцарилась тишина, не считая хныканья надорванных глоток выжившей паствы. Теперь они были слишком напуганы, чтобы кричать.

Щупальце протащило себя по сломанному полу и мёртвым телам. Оно потянулось к Ногах, как раскаивающаяся змея. Щупальце коснулось её ноги, затем отстранилось. Кончик щупальца покачивался вперёд-назад, как будто в ожидании.

Ногах делала короткие, болезненные вдохи, наблюдая за жестикуляцией бескостной конечности Гефсимета. От боли после ударов монитора перед глазами всё плыло. Ей пришло в голову, что так страдать необязательно. Усилием мысли она зачерпнула целостность из Сердца Снов. Благополучие потекло из её ладоней по чешуйчатым запястьям и прогнало боль. Её способность иметь дело с камнем росла.

Ногах встала, используя Сердце Снов в качестве опоры, прежде чем наконец поднять его. Она стала баюкать камень на руках, как только что вылупившегося детёныша.

Алый свет залил помещение. Ногах взглянула на расширявшуюся трещину в потолке. Оттуда смотрело единственное большое красное око. Её сердце забилось, дыхание перехватило.

Брось эти глупости, упрекнула себя Ногах. Она была хохайкой, и этот огромный левиафан глубин подчинялся её воле через Сердце. Иначе зачем он пришёл?

Ногах заговорила:

- Благодарю тебя за службу, о великий обитатель глубин.

Глаз смотрел на неё, не мигая. Сквозь лёгкую мысленную связь, обеспеченную Сердцем, она чувствовала любопытство.

Любопытство, сменяющееся жаждой.

Ногах решила отослать кракена прочь. Она доказала, что при необходимости способна призвать чудовище. Под немигающим взглядом ей становилось всё более неуютно.

Она отправила через артефакт мысленный приказ.

Связь вздрогнула и исчезла. Ногах невольно отступила на шаг.

Глаз наконец моргнул. Басовитый грохот раздался в помещении; голос Гефсимета.

- Ты неправильно оценила мою роль!

Каждое слово было таким громким, что казалось отдельным ударом. Нога забормотала:

- Я... ты... ты здесь, потому что я призвала тебя на помощь...

- Нет.

Отрицание было похоже на обрушившиеся вниз врата, отрезавшие путь к бегству.

- Я здесь ради того, что ты забрала для меня из глубин.

- Камень мой! - завопила Ногах с внезапным пониманием, цепляясь за Сердце и убирай за спину. - Я призвала тебя, я могу тебя прогнать. Оставь меня!

Кончик щупальца перед Ногах метнулся вперёд и ударил её с силой десятков мониторов.

Ногах потеряла сознание. Мгновением позже оно возвратилось. Ногах летела вверх тормашками. Сердца при ней не было.

- Нет...

Траекторию Ногах преградила стена. Если бы не остатки силы артефакта внутри неё, кво-тоа погибла бы в ту же секунду.

Так или иначе, она скользнула на пол и осела бесчувственной грудой. Она могла лишь моргнуть, когда щупальце кракена обвило Сердце Снов. Щупальце с артефактом исчезло в трещине на потолке.

- То, что было древним ещё до рождения мира, теперь принадлежит мне.

Ногах попыталась встать и упала.

- Теперь сама божественность стала доступна мне.

Ногах всхлипнула.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Год Тайны (1396 ЛД)

К западу от руин Звёздного Покрова

Дождь моросил ещё какое-то время, затем прекратился. Его не хватило, чтобы затушить пылавший на юге лесной пожар, прожигающий полосу через молодые сосны Галтмерского леса. В некоторых местах огонь горел так ярко, что на низких тучах плясали оранжевые отблески. К этим же тучам вздымались вьющиеся столбы дыма и копоти, сливаясь в единое пепельное болото.

Сырой, грязный воздух заставил Рейдона Кейна закашляться. Монах задумался, как далеко успел уйти. Недалеко, учитывая его состояние. Тогда сколько времени прошло с тех пор, как он принял ковыль на запад от безумных врат Звёздного Покрова? Там его почти прикончили Изменённые Чумой гули. Один пытался сожрать ногу. Рейдона больше заботило заявление чудовища о том, что монах был «меченым».

Усталость казалась настоящим грузом у него на спине. Монаха лихорадило, и пострадавшая нога наконец онемела. Ошеломляющая усталость тела пыталась убедить его разум, что лучший возможный сейчас выбор — немедленно прилечь и вздренуть.

Рейдон с трудом принял взвираться на крупный утёс. Он решил, что оброняться здесь будет легче, чем на равнине. Он видел разнюхивающих вокруг шакалов, и беспокоился, что другие хищники могут преследовать его от самого Звёздного Покрова. Хищники-нежить со слишком большим количеством ртов.

Утёс был скользким от дождя. Рейдон постоянно терял опору. Каждый раз, когда он находил хороший ухват, камень рассыпался, отправляя его скользить обратно к земле.

Однажды небольшой выступ сломался под его весом, обнажив полость с красными пауками — каждый размером с ладонь Рейдона. Дикий огонь зловеще блестел на их багровых панцирях. Арахниды заклацали большими хелицерами на Рейдона, а затем уползли прочь одной линией, похожей на щупальце из крови.

Он был почти у самой вершины. Потом из-за судороги в обожённой ноге снова съехал вниз. Он проскользил половину расстояния, которое только что с таким трудом преодолел.

- Именем семи мечей Сянья...

Рейдон не мог сосредоточиться. Он не мог призвать ментальную дисциплину, необходимую для излечения своих ран. С ноги отслаивалась кожа, из раны постоянно сочилась кровь. Всё покрылось коркой грязи. Скорее всего, внутрь попала инфекция.

Рейдон попытался перестать беспокоиться о своём ранении. Он не мог волноваться об этом сейчас. Ему требовалось безопасное место для отдыха и сон.

Обожгла новая боль. Нервы в нижней части его ноги пока что продолжали действовать. Боль разбила последние останки его сосредоточенности. Рейдон проехал весь оставшийся путь вниз, к подножию утёса, сдирая кожу с пальцев и запястий.

Он лежал лицом в грязи, кашляя в жестокую землю, которая, похоже, решила, что этот день станет для него последним.

«Неужели это так плохо?» — задумался он.

- Попробуй ещё раз, Рейдон, - сказал голос из ниоткуда. - Тебе всё равно нечего больше терять.

Монах поднял голову, чтобы слабо осмотреться. Он был один.

Конечно. По мере того, как здравый рассудок будет покидать его разум, монаха начнут преследовать химеры.

Но призрачный голос был прав.

Если он не найдёт необходимых сил... что ж, его заберёт смерть. Так почему бы не попытаться ещё разок? Последняя попытка, сказал он себе. После этого он сможет отдохнуть и будет надеяться, что этого хватит для избавления от усталости, балластом повисшей на руках и веках.

Он перенёс ещё один приступ кашля, угрожавшего вырвать лёгкие из груди.

Чему учили старейшины храма Сянь?

«Польза чаши заключается в её пустоте», — прошептал он.

Сейчас ему могла помочь только собственная сила воли. Возможно всё — или ничего.

Он приготовился к последней попытке.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Год Тайны (1396 ЛД)

Покидая Новый Саршел, Импильтур

Под носом корабля проносились волны. Вода двигалась независимо от корабля, создавая иллюзию, что судно плывёт быстрее, чем на самом деле. Судно вышло из Нового Саршела четыре дня и четыре ночи тому назад. Небо было безоблачным, и миллионы звёзд усеивали небо — россыпь сокровищ, намекающая на время и расстояние, намного превосходящие пределы человеческого понимания.

Под бушпритом пиратского корабля висела затейливая носовая фигура. Она выглядела как наполовину нарисованная, наполовину вырезанная женщина со сверкающей зелёной чешуёй вместо одежды. Она ухмылялась в ночь, и её глаза неестественно сияли. Благодаря этой носовой фигуре корабль назывался «Зелёной сиреной».

«Зелёная сирена» не ходила по своим истинным пиратским флагом; она по-прежнему шла под флагом Перевозок Мархана.

Высокий мужчина, кутаясь в то, что казалось тьмой, стоял на носу корабля, выше и чуть позади носовой фигуры. Края его плаща хлопали на ветру, вторя движениям куда более крупного паруса.

Из недр плаща мужчина достал небольшую тусклую жестянку. В жестянке была смерть. Долгая, медленная смерть, которую часто представляли, как дорогу в один конец. Багровый путь, красный, как глаза тех, кто использовал содержимое жестянки.

Глаза мужчины не были красными, но он почти наверняка был путешественником. Отсутствием симптомов он был обязан своему пакту с Владыкой Летучих Мышей.

В то время это казалось хорошей сделкой, подумал Яфет.

Он осторожно снял крышку. Внутри лежала его порция пыли путешественников: крохотные розоватые кристаллики, каждый — чуть больше крупицы морской соли.

Закрывая содержимое от ветра своей рукой, он вытащил кристалл.

Яфет запрокинул голову и с натренированной грацией уронил кристалл в левый глаз.

- Защити меня, Владыка Летучих Мышей, - прошептал он.

Яфет узнал об именуемой так сущности, когда был послушником-библиотекарем, работавшим с полками многоэтажной библиотеки Кэндлкипа. Во время смятения и беспорядков, последовавших за Волшебной Чумой, и позже, во время загадочного исчезновения Хранителя Томов, магические защиты, охранявшие чувствительные и опасные книги и свитки от неосторожных, на некоторое время прекратили действовать.

Период после убийства Мистры стал также периодом, когда Яфет осторожно ступил на багровый путь.

Тогда ещё никто не понимал, что пристрастившегося к пыльце путешественников неизбежно ждёт смерть, быстрая или долгая.

Зернышко в его глазу растворялось. Хлопающий парус и звёзды за ним стали дрожать и расплываться. Яфет моргнул. Предвкушение было частью опыта.

Эссенция высвобожденной пыли достигла его кровотока и мозга, проникая в душу. Навязанные правилами и предрассудками ограничения покинули его сознание, оставляя только красный простор потрясающей ясности.

Яфет чувствовал себя преобразившимся, живым и сильным. Ничто не могло с этим сравниться. Это было воплощённое совершенство, может быть, кристаллизованная кровь самой божественности. Во время пути по багровой дороге все печали забывались, а все радости сияли, как огненные звёзды.

Когда десятью годами ранее Яфет начал принимать пыльцу путешественников во время своего послушничества, его первоначальные экспедиции по багровому пути отличались таким же блаженством.

Поначалу.

Именно под воздействием пыльцы Яфет осмелился залезть на запретные полки, в то время как остальные защищали крепость-библиотеку от беженцев,

заполонивших Прибрежный путь. После года Синего Пламени Фаэруном правил хаос.

Впрочем, когда Яфет находился в объятьях нового наркотика, хаос его не беспокоил. Ясность, сопровождавшая прогулки по багровой дороге, сделала его слепым к тем вещам, которые обычно могли бы захватить внимание юноши целиком.

Яфет помнил, как будучи послушником, он перебирал чудеса: тяжёлую книгу, сделанную из листов меди с выдавленными волшебными знаками в обложке из плющенного серебра; книгу в обложке из желтоватого железа, неразборчивое название которой попеременно горело огнём и плевалось электричеством; книгу в переплёте из двух железных ангельских крыльев, из-под которых доносились прекрасные голоса.

Но нет, под воздействием пыли он прошёл мимо этих сиятельных чудес в дальний угол комнаты, сырой и погружённый во мрак. Там из-за крупной книги он вытащил небольшой, коричневатый том, который пульсировал зловещей силой. Обострённые пыльцой чувства послушника воспринимали зловещую значимость маленькой книжицы, которую вскоре тот должен был осознать и сам.

Поблекшей краской на простой обложке книги было написано «Договоры и пакты с древними феями».

Молодой Яфет быстро вернулся в свою келью и закрылся от товарищей. К тому времени наплыв беженцев был отражён, но необходимо было разыскать Хранителя Томов. Яфета не волновало, увидит ли он Хранителя снова. Он хотел остаться наедине с пыльцой путешественника и книжкой, которую украл с запретных полок.

В книге он нашёл странные имена и свойства примитивных духов земли, древних и могучих. Книга утверждала, что существам, связанным с этими именами, когда-то поклонялись как богам. К несчастью, вещал рассыпающийся текст, Фаэрун практически забыл эти древние силы.

Имена в книге звали его. И поэтому Яфет читал днём и ночью. Жизнь была бы сплошным блаженством, если бы не перемены в его путешествиях по багровой тропе.

В своём странствии Яфет приближался к «первому повороту», как называли этот переход позднее. Другими словами, пыльца с каждым использованием приносила ему всё меньше радости, но телесная нужда в этой субстанции постоянно возрастала.

Приблизительно в то самое время в пыльце путешественников распознали медленный яд, а не «дистилированную радость», как некоторые амнийские поставщики успешно и щедро её рекламировали. Амн лучше прочих перенёс Волшебную Чуму, и как только она завершилась, амнийские купцы сразу начали делать прибыль в уцелевших королевствах и среди популяции беженцев.

Некоторые города запретили продажу пыльцы, а её потребителей, которых легко было узнать по красным глазам, заключили в безопасные камеры, где они могли достичь до конца своего путешествия в мире, если им позволяли сохранить запас пыльцы. Когда пыльцу конфисковали, как обычно случалось из-за ложной нравственности, смерть путешественника была поистине жуткой. Лишённые наркотика путешественники неизбежно проявляли жестокость — сначала к другим, потом к себе.

Яфет слышал, как обо всём этом шепчутся у него за дверью другие послушники. Они знали, что пыльца заполучила его. Они видели, как его глаза медленно наполняются кровавыми ниточками. Они видели, как его руки дрожат так сильно, что он с трудом возвращает книги на полки. Они помнили, как он хвастался, что стал путешественником по недавно открытой багровой дороге.

Юный Яфет погрузился в отчаяние. Он решил покончить с жизнью со всем достоинством, которое мог собрать. Он решил принять всю пыльцу одной ненасытной порцией. Он помчится к краю дороги со скоростью несущейся гончей.

Взгляд послушника-самоубийцы запылал, когда он высыпал в каждый глаз по двадцать или больше зёрнышек. Его выбросило на багровую равнину, и Яфет впервые узрел настоящую дорогу.

И увидел её страшный конец.

Громкий окрик вырвал Яфета из задумчивости. Вдоль неосвещённого правого борта «Зелёной сирены» к нему приближался мужчина.

Яфету не нужен был свет, чтобы узнать покачивающуюся фигуру капитана Фостера. На капитане была огромная шляпа, расшитая золотом куртка, волочившаяся по палубе, и тонкий прямой меч в серебряных ножнах.

С помощью чувствительности к магии, которую дала ему по-прежнему циркулирующая в крови небольшая доза пыльцы, Яфет увидел полупрозрачное, зеленоватое мерцание на коже капитана, как будто прямо под ней рвался на волю чешуйчатый контур. Капитан любил шутить о своём «нечистом происхождении». Возможно, это была не просто шутка.

Фостер преодолел расстояние между ними. Похоже, он чувствовал себя в темноте так же непринуждённо, как и Яфет. Ещё один признак грязной крови мужчины, решил колдун.

- Больше не видел свою маленькую девочку-призрака? - спросил Фостер.

Яфет коротко кивнул.

- Ты же не придумал её, приятель?

- Я уверен, капитан.

- Хмфф, - фыркнул Фостер, доставая трубку и миниатюрную трутницу из кармана своей куртки. - Я ни разу её не видел, - сказал он, как будто это было достаточным аргументом против заявлений Яфета.

- Она появилась сначала в кабинете Беруна, а второй раз — несколько дней назад, когда мы поднимались на борт. Она стояла там, где я сейчас. Я уже говорил тебе об этом.

- Ты точно не навоображал себе всякого?

- У меня есть... приобретённая чувствительность... к вещам зримым и незримым. Она настоящая.

Капитан воздержался от дальнейших комментариев и ловко зажёг свою трубку вишнёво-красным угольком.

- И она может быть опасна, - добавил Яфет, хотя вынужден был признать, что не почувствовал злобы в призрачном силуэте. Скорее ему просто хотелось вызвать какую-то реакцию у самоуверенного пирата.

- Только не запугивай моих матросов, - предупредил Фостер. - Ребята способны справиться практически со всем, что бросает нам навстречу море, будь то кормирский купец или морские дьяволы. Но призраков и духов они боятся просто невероятно.

Капитан пожал плечами и выпустил клуб дыма. Искра в глазах отрицала легкомыслие его слов. Он предупреждал Яфета держать язык за зубами, иначе будут последствия.

Колдун ответил:

- Я агент Беруна на этом корабле. Меня не волнует, что думает или чего боится твоя команда. Если я почувствую, что нашей миссии что-то угрожает, я расправлюсь с этой угрозой. Каким бы ни был источник.

- Полегче, сынок. Я просто прошу тебя разговаривать о призраках только со мной или с моим первым помощником, Ниротой.

- Я же не дурак.

В ночное небо полетел ещё один клуб дыма, потом:

- Говорят, что все, кто идут багровой дорогой — дураки.

Яфет почувствовал, как румянец согревает его лицо. Как он дошёл до того, что слова пирата могут его задеть? Он сказал:

- Берун предупреждал, что ты попытаешься достать меня, Фостер. Ради твоего же блага, надеюсь, тебе не удастся разбудить мой гнев.

- Ох-хо! - рассмеялся капитан. - Кажется, я уже разбудил!

Яфет отвернулся, чтобы невидящим взглядом уставиться на корабельный нос и открытое море, в котором отражались миллионы сверкающих звёзд. Он чувствовал весёлый взгляд Фостера у себя на спине.

- Да ладно, не кисни, дружище! Мы оба срезали сомнительные углы этого поганого старого мира, не так ли? Кто из нас не без греха? Если бы ты знал, чем я себя травлю, ты бы не поверил, что я вообще могу подняться утром с койки! - Фостер от всей души рассмеялся.

Яфет сказал в ночь:

- Я был свидетелем жатвы тысяч тех, кто с криками шёл к концу багровой дороги. Я созерцал ужас жующей пасти, которая обрамляет эту последнюю бездну, челюсти демонического бога-зверя. Те, что шли передо мной, вопили от смертельного ужаса за свою бессмертную душу. Они шагнули за край. Их засосало в эту ужасную тьму, где их сожрали. Они угасли навсегда.

Колдун повернулся к Фостеру и спросил:

- Ты видел что-нибудь подобное «в этом поганом старом мире», капитан?

Фостер какое-то время молчал. Яфет решил, что он сумел осадить старого моряка.

Фостер спросил:

- Почему ты до сих пор жив? Берун сказал мне, что ты идёшь по дороге больше десяти лет. Ты должен был давным-давно погибнуть, разве не так?

Настала очередь Яфета смеяться.

- Духи фей, с которыми я заключил союз, наделили меня не только словами, способными проклянуть ещё бьющееся сердце, вырванное из груди врага.

Фостер нахмурился, наконец отбросив своё легкомыслие. Капитан распознал завуалированную угрозу Яфета.

- Послушай, если ты... - начал он.

Ответ Фостера оборвал встревоженный крик. Вопль боли и ужаса повторился. Затем раздались новые крики.

- Призрак! Призрак убивает Дориана!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Год Тайны (1396 ЛД)

«Зелёная сирена» в море Павших Звёзд

Дощатые ящики в сыром корабельном трюме были заполнены грудами чёрного камня. Немалую часть скользкого груза захватила коричневатая плесень — свидетельство того, что тяжёлый балласт почти не сменялся за последние месяцы.

Вдоль правого борта, под покровом белой парусины, накинутой на них сверху, стояли друг на дружке по две в высоту покрытые сажей бочки, заполненные жидкостью немногим чище морской воды. Вдоль левого борта висели кольца толстых канатов. Канат был кровью корабля. Его можно было использовать для сотни разных задач — от крепления моряков и снаряжения к палубе во время штормов до ремонта снастей во время жарких спокойных дней, когда других дел всё равно не было. Кроме того, верёвка была полезна для наказания. Тех, кто не хотел подчиняться капитану и его массивному старпому, Нироте, запросто могли пропащить под килем.

Бочонки поменьше хранились под замком за железными решётками, ржавые прутья которых закрывали левый край трюма. Стоило только пройти рядом, и сильный запах давал знать, что внутри у них — ром.

Полка рядом с решётками была завалена мечами, копьями, арбалетами и несколькими отполированными щитами.

Потолок состоял из хорошо подогнанных досок — не считая широкого квадратного отверстия прямо наверху, которое пронизывало корабль с верхней палубы до средней, потом до трюма, и до самого кубрика. В отверстие спускалась верёвочная лестница из грубого каната, соединяя все четыре палубы.

Под отверстием на грязном дощатом полу трюма лежал моряк.

Моряк дрожал и бился, как одержимый. В уголках рта проступила пена. Вены, пересекавшие обнажённую кожу его лица, рук и нижней части ног, пылали алым от боли.

Ануша Мархана смотрела вниз на колотящегося босоногого мужчину, прижав руку ко рту.

Она всего лишь до него дотронулась!

Тёмноволосая женщина со шрамом, уродующим левую сторону её лица, висела посередине лестницы. От страха она не могла пошевелиться. Однако её способность кричать не пострадала. Рот женщины со шрамом был широко распахнут в вопле ужаса, а её взгляд как будто застыл на чём-то, что она увидела рядом с извивающимся товарищем.

Женщина со шрамом смотрела не на Анушу, а на один из посеребрённых щитов, висевших над корабельным хранилищем оружия. Ануша проследила за испуганным взглядом женщины к похожей на зеркало поверхности щита... и что-то посмотрело оттуда на Анушу в ответ. Человекоподобный силуэт чистейшей черноты, окружённый неравномерными белыми и синими вспышками. В этом силуэте она узнала себя.

Первый раз, когда Ануша шагнула в сон, она этого не поняла.

Ей просто показалось, что сон, от которого она проснулась, был необычайно подробным. Во сне девушка видела, как её сводный брат, Берун, и загадочный колдун строят свои планы. Конечно, после «пробуждения» Ануша была почти готова принять первое же безумное объяснение, пришедшее ей на ум — что она каким-то образом вышла из тела и наблюдала события во внешнем мире, пока спала... но достаточно быстро отвергла такую мысль. Она смогла убедить себя, что пережитый опыт был просто рождённой беспокойным сном фантазией.

Она целых полдня смогла держаться за это объяснение.

На следующее утро после её первого сна Берун вызвал девушку к себе в кабинет, чтобы предупредить об убийцах, которых враги Мархана подослали в особняк. Теневых убийцах, пылающих короной лазурного огня.

Ануша поняла, что Берун описывает те самые события, которые ей приснились! Как такое было возможно — неужели она пережила приступ лунатизма? Нет, во сне девушка легко проходила сквозь плотные предметы. Это был сон, но девушка видела его за пределами собственной головы!

Оглушенная этим осознанием, она тупо сидела, пока Берун рассказывал о том, как обнаружил убийцу.

Девушка не стала возражать сводному брату, пока он продолжал рассказывать, как им повезло, что его агент, Яфет, был рядом и отогнал призрака. Ануша помнила, что это её страх перед темнотой, скрывающейся под плащом Яфета, стал достаточно сильным стимулом, чтобы разбудить её физическое тело.

Берун объяснил, что на лето он отправляет Анушу за стены Нового Саршела, туда, где её не смогут достать недоброжелатели. Он расписывал, как её отъезд позволит ему полностью сосредоточиться на поисках враждебного благородного дома, который хочет уничтожить дом Мархана.

Ануша поспешила обратно в свои покои, чтобы собрать вещи. От холодного страха по телу бежали мурashки. Но девушку пугала совсем не мысль о наёмных убийцах.

Берун и Яфет видели её! Они приснились Ануше, но видели её, хотя сами бодрствовали.

Ануша снова убедилась, что сон прошлой ночью был не простой фантазией. Какая-то его часть была реальна.

Ей пришлось прервать торопливые сборы из-за головокружения, рождённого нутряным страхом. Она неподвижно застыла среди вихря дорогой одежды, разбросанной по кровати и полу.

Что с ней происходит?

Берун говорил об убийцах. Может быть, некая демоническая сущность выманила её дух из телесных оков, чтобы украсть его? Демон не сумел найти её на этот раз, но повезёт ли девушке снова? Станет ли каждая вылазка в сон игрой в кошки-мышки между нею и невидимым похитителем душ?

Но ведь она не видела никаких следов подобного существа. Не стоило преждевременно выводить существование похитителя душ, основываясь лишь на разговорах Беруна о врагах дома Мархана, чтобы объяснить её осознанный сон.

Главным образом потому, что вера её сводного брата в преследующих семью могучих недругов была основана на встрече с ней самой!

Ануша сцепила руки, потом расслабила их, по одной мышце за раз. Она приказала обвиснуть мышцам предплечья, потом плеч и шеи. Она даже представила, как повисают в полном расслаблении крохотные мышцы лица и головы. Её дыхание замедлилось, как и бешеный ритм сердца. Она попыталась вытолкнуть себя за пределы действия паники, которая не могла ответить на вопросы девушки или объяснить ей, что происходит.

Когда тело снова стало принадлежать ей, Ануша вздохнула и продолжила собираться.

Ей придётся подумать, чтобы понять, что произошло. Что означал ей сон?

Возможно, это был уникальный случай, рождённый неким неведомым волшебным происшествием за границами её понимания. Или судьба дала ей возможность увидеть крауегольное событие, каким-то образом важное для её будущего. Или всё это, в конце концов, было просто одним огромным совпадением.

Ануша решила, что выдумывает ещё менее правдоподобные объяснения, чем её первые панические мысли о похищающем души демоне.

Эксперименты оставались единственным способом узнать, что с ней произошло. Как часто пытался вдолбить в неё учитель, лишь последовательные наблюдения, изучение и вопросы могут привести к истинному знанию. Ей необходимо снова пережить этот опыт.

Панический стук сердца снова ускорился, но теперь — от предвкушения.

Могу ли я, задумалась она, целенаправленно ходить по настоящему миру во время сна?

Ануша запихала всю свою одежду, туфли и кошели, вытащенные из шкафов, в огромный, обитый кожей дорожный сундук, который по приказу Беруна принесли в её комнату. Сундук был так велик, что напомнил ей гроб.

Как только постель освободилась, она устроилась на мягких розовых простынях и закрыла глаза. Дорогая перина под простынями совсем легонько давила на плечи, икры и лодыжки, но из-за юбок и блузки девушки было слишком жарко и тесно. Звуки далёких труб, крики и рёв животных на рынке отвлекали её внимание. Через неровные промежутки ближе раздавался шум трудящихся над собственными задачами в других частях особняка слуг раздавался через неровные промежутки.

Сон казался таким далёким.

Она попыталась призвать чувство, которое испытывала, шагая незримой по улицам Нового Саршела. Ей было ни холодно, ни жарко, несмотря на одну лишь ночную рубашку. Ни один порыв ветра не касался её щеки; булыжники не впивались в голые ноги. Да, что-то в таком духе.

Это не сработало!

Она застонала и встала с постели, почувствовав неожиданный рывок.

- Ох, - тихонько выдохнула Ануша.

На кровати по-прежнему лежала полузаёрнутая в одеяло, полностью одетая девушка с закрытыми глазами. Это была она сама.

Она снова вышла из тела в сон!

Ануша смотрела на своё спящее тело. Тело дышало медленно, но регулярно.

Она отвела взгляд и подняла свои сновидческие руки к глазам. Они казались совершенно нормальными, может, чуть размытыми, когда она щурилась.

Ануша потёрла ладони. Чувство было именно таким, как она и ожидала.

Она снова удивилась, заметив, что сновидческое тело одето в ту же одежду, что и спящее. С другой стороны, чему тут удивляться? Во сне возможно всё, не так ли? Пока сознание девушки существует за границами её разума, вероятно, её возможностями управляет логика сна — точно так же, как в обычных сновидениях.

Повернувшись, Ануша осторожно потянулась к закрытому сундуку с вещами. Она коснулась его. Она ощутила его кожаную текстуру. Та была холодной и немного зернистой от пыли.

С глубоким вздохом Ануша попыталась проникнуть через закрытую крышку.

Её рука прошла сквозь верхушку сундука, как сквозь дым. Чувство было такое, как будто она сунула руку под тонкую струйку воды.

В сундуке её рука задела каблук одной из туфель, брошенных в багаж. Девушка охнула и вытянула туфлю наружу. Прямо сквозь закрытую крышку сундука.

Она могла не только наблюдать за реальным миром; она могла влиять на него!

Да ведь её возможности безграничны!

Разве есть что-то, чего она не сможет?

Возволнованный смех расцвёл в груди и горле. Ануша бросила одинокую туфлю на крышку сундука и шагнула к двери — как раз когда та распахнулась.

Там стоял нахмутившийся Берун. Её угрюмый сводный брат стоял всего в пяти футах от девушки. Но он смотрел прямо сквозь Анушу, как будто её здесь не было. Вместо этого его взгляд застыл на её вещественном, спящем теле.

Берун заворчал:

- Она спит, хотя должна была готовиться к поездке. Я сам бы её прикончил, не будь она настолько важна.

Ануша охнула и невольно отступила на шаг. Её рука прошла сквозь дамское зеркало на небольшой подставке. Зеркало дрогнуло, качнулось и упало на плитки пола. С резким стеклянным звуком оно разбилось.

Берун вздрогнул. Он закрутил головой по сторонам, прищурив глаза, и задышал чаще. Он сделал полшага к разбитому зеркалу, потом как будто передумал. Вместо этого он развернулся кругом, чтобы выглянуть в коридор.

- Кто там? - спросил он. Обычный басовитый рокот Беруна поднялся в тональности.

Не получив ответа, Берун снова обратил внимание на разбитое зеркало, потом — на спящее тело. Его самообладание тоже разбилось, как стекло. Он поморщился, затем ушёл прочь — слишком быстро, чтобы сохранить подобие достоинства.

Сцена была бы комичной, подумала Ануша, если бы Берун невольно не выдал своё желание увидеть её мёртвой. Он же выражалсяfigурально, правда?

Она задумалась.

Она видела, как он произносит эти слова, считая, что находится в одиночестве и может раскрыть свою внутреннюю суть. Ануша решила, что Берун говорил искренне.

- Ах ты ублюдок, - выдохнула девушка, когда её собственное самообладание дрогнуло под написком страха.

Она больше не могла отрицать истину. Её сводный брат был безупречным злодеем, как всегда подозревала, но отказывалась признавать Ануша.

Он был неподходящим наследником состояния Мархана.

- А разве я лучше, раз ему помогаю?

Бездействие было ничем не лучше помочи Беруну. Его действия угрожали очернить память о её родителях, а сама Ануша оказалась невольной сообщницей сводного брата.

Если она не будет сопротивляться.

Ануша испытала новую уверенность в своих целях.

Она кивнула и решила: «Да, я подчинюсь приказу Беруна и покину особняк. Но место назначения я выберу сама!»

Брат не сможет воспользоваться её наследством, чтобы утвердить свои притязания на знатность. Как бы мало благородной крови в ней ни было, в бесчестных венах Беруна её текло ещё меньше.

И почему ей нельзя отправиться по собственному пути? Хотя активное сопротивление замыслам Беруна было бы ещё лучше.

На её губах заиграла улыбка.

- Ты ещё увидишь, брат. Хотя, на самом деле — нет.

Способность расхаживать во сне незримо, как призрак, заставила девушку иначе взглянуть на угрозы, которые прежде заставляли её дрожать от страха.

«Подумать только, какие сцены я смогу наблюдать, оставаясь в полной безопасности. Мне нужно всего лишь проснуться, чтобы оказаться в своей постели!»

Под охраной стен своей комнаты она могла отправиться куда угодно! Вот только это было не так. Ануша вспомнила, как в первый раз оказалась в осознанном сновидении. Она направилась во сне к докам, на значительное расстояние от своего спящего тела. Лишь затем, чтобы вскоре её выдернуло обратно.

Несмотря на неопытность Ануши в обращении со своими новыми способностями, она решила, что во сне может передвигаться лишь на определённую дистанцию. Каким был радиус, на который она сможет удалиться от спящего тела, прежде чем связь с ним натянется слишком сильно? Пара миль, подсказывал опыт с доками. Нужно будет поэкспериментировать, чтобы определить его поточнее, но этого было слишком мало, чтобы позволить ей оставаться в безопасности дома.

Если она захочет встретить какую-то опасность во сне, её настоящее тело тоже должно находиться где-то поблизости.

Позднее тем же днём, в своей сновидческой форме, Ануша незамеченной проскользнула в кабинет Беруна и изменила накладную купеческого судна «Зелёная сирена», включив свой дорожный сундук в перечень багажа. Сундук должны были доставить прямиком в доки. Он мог вместить не только одежду — он мог вместить и саму Анушу! А также значительный запас воды, продовольствия, и, может быть, её журнал. Она решила, что оказавшись на корабле, безопасно упакованной в трюме, иногда сможет покидать сундук в вещественном теле, чтобы разминаться и использовать туалет, пока никто не смотрит.

План сработал не совсем так, как рассчитывала девушка.

К сундуку Ануши проявил слишком большой интерес босоногий моряк.

Несколько днями ранее она заметила, как тот снуёт вокруг. Чтобы отвлечь его, она подняла шум в задней части трюма, перевернув ящик со штифтами для закрепления каната. Усилия, необходимые, чтобы перевернуть ящик, оказались почти за гранью её возможностей, хотя физическое тело девушки справилось бы с этим без труда.

Она предположила, что сновидческое тело не обладает той же силой, что и вещественное.

Назойливый матрос, испугавшись шума, отвлёкся от сундука, чтобы проверить рассыпавшиеся штифты. Судя по его ругани, матрос решил, что они просто были плохо уложены, а не рассыпаны специально. Подобрав и поставив ящик на место, на этот раз закрепив его канатом, он покинул трюм. Ануша надеялась никогда больше его не увидеть. Она понятия не имела, что сделает матрос, обнаружив в трюме спящее тело девушки.

У девушки и так было достаточно поводов для беспокойства, ведь на борту корабля нашлось ещё одно существо, способное видеть её сновидческую форму.

Когда она впервые попыталась покинуть свой сундук в сновидческой форме через узкий проход, соединявший несколько кают с верхней палубой, ей встретился чёрный пёс. Пса привязали так, чтобы он мог передвигаться только по коридору, очевидно, охраняя походы к капитанской каюте. Девушка шагнула к нему, и тогда пёс поднял уши и опустил хвост. Он тихо, угрожающе зарычал. Он уставился на неё и оскалил зубы, предупреждая Анушу не подходить. Сначала зверь напугал её, но

потом девушка вспомнила, что не обладает физическим телом, которое можно было укусить.

Однако она пожалела собаку. Она начала подкармливать пса кусочками мяса, которые похищала из постоянно кипящего котла на камбузе. Всего через день она сумела приручить собаку достаточно, чтобы вместо свирепого рыка её нематериальное присутствие вызывало счастливые визги и размахивание хвостом. Не зная, есть ли у пса имя, Ануша назвала его Счастливчиком.

Когда «Зелёная сирена» покинула порт, Ануша заподозрила, что кроме Счастливчика её может видеть ещё и Яфет. Взгляд мужчины как будто встретился с её глазами. Она замерла от страха. Но колдун только смотрел на неё с задумчивым выражением. Она немедленно заставила себе проснуться внутри дорожного сундука. Дыхание неожиданно стало слишком частым для такого ограниченного пространства.

Спустя несколько дней размышлений об этих тёмных и загадочных глазах, она достаточно собралась с духом, чтобы отыскать колдуна.

Ануша немного фантазировала о том, что раскроет ему свой статус безбилетницы. Хотя девушка ничего не знала о Яфете, она всё равно испытывала слабые приступы... интереса. Но эта смертельная привычка! Как ужасно. Ей было любопытно, каким образом он сдерживает симптомы. Может быть, она неправильно поняла сцену, свидетельницей которой стала в лавке диковинок в Новом Саршеле.

В одном она была уверена — одиночество давило на неё, как наковальня. После четырёх дней разговоров с одним Счастливчиком она жаждала общения и товарищества больше, чем еды. Тот факт, что рационы, которые она упаковала в сундук рядом со своим спящим телом, начинали казаться похожими на мел, тоже не способствовал расположению духа.

Она ходила в сновидческой форме по залитой лунным светом верхней палубе, разыскивая Яфета, когда по шее пробежали мурашки ужаса. Не зная, в чём причина, она спустилась вниз, проверить своё тело, и обнаружила, что назойливый матрос вернулся. Он снова склонился над её сундуком, на этот раз просунув под крышку ломик. С ним был ещё один матрос, темноволосая женщина с ужасным шрамом.

Ануша бросилась к ним и инстинктивно потянулась к руке мужчины. В отличие от её недавнего опыта с неподвижными предметами, попытка взаимодействия с живым существом окончилась неудачей. Её рука прошла прямо сквозь матроса.

В отчаянии она потянулась к мужчине обеими руками, надеясь схватить чересчур любопытного исследователя за воротник и оттащить его прочь. Вместо этого её руки «скользнули» в его спину, и она коснулась чего-то скользкого и тёплого, бьющегося тук-тудук, тук-тудук, тук-тудук...

Мужчина гортанно и страшно закричал, упал спиной на пол и начал корчиться.

Женщина со шрамом увидела отражение Анушки в отполированной поверхности щита и закричала:

- Призрак! Призрак убивает Дориана!

Ануша ещё мгновение смотрела на своё собственное испуганное отражение. Призрачная фигура смотрела на неё в ответ — пылающий силуэт в девичьем платье. Она и сама бы закричала, увидев такое. Особенно если бы один из её товарищей лежал без чувств на полу.

Но Ануша не была призраком и не хотела никому зла. Как правило, она не могла причинить вред даже паукам, ползающим в уголках её покоев. Мимолётное прикосновение ко...внутренностям... матроса было несчастным случаем. Моряк не заслуживал того, что она с ним сделала — неважно, что именно.

Или заслуживал?

Правда заключалась в том, что и визжащая женщина, и бьющийся в судорогах мужчина были пиратами, а не простыми моряками. Она слышала, как об этом говорят Яфет и Берун, да и другие доказательства, найденные ей на корабле, тоже это подтверждали.

Мужчина и женщина, скорее всего, совершили много ужасных поступков. Возможно, они заслужили взамен небольшую боль, если не что-нибудь посерёзнее. Возможно, ей следовало заткнуть и женщину, прежде чем та сумеет отреагировать. Не стоит привлекать сюда новых людей, которые задумаются, почему в торговой декларации не отмечен один большой дорожный сундук.

Но девушка не смогла заставить себя.

Кроме того, на верхних палубах уже раздавались недоумённые возгласы. Корабль знал, что в трюме случилось нечто странное. Ануша никак не могла этого изменить; напав на женщину, она только сделает ещё хуже.

От зловещего предчувствия по шее побежал холодок. Если её спящее тело обнаружат, они разбудят девушку силой. Что потом? Привяжут её за кораблём, протащив через холодные, полные акул воды, пока она не утонет или не умрёт от холода? Пираты правда так делают? Ну да, конечно делают.

Ануша подошла к отполированным щитам. Под новым углом она уже не видела искажённое отражение кричащей женщины; будем надеяться, что женщина тоже её не видит. Просто на всякий случай Ануша сбросила три щита на пол. Они громко застучали, и пиратка завопила ещё громче.

Шаровидные силуэты, заметные по краям люка, оказались головами бормочущих пиратов. Они глазели на своих товарищей с разной степенью изумления, веселья и настоящего ужаса. Никто из них как будто не видел отражения Анушки.

Раздался новый голос:

- Что за крики, Брида? Что с Дорианом? Бьюсь об заклад, ты сама его ударила, а теперь пытаешь повесить всё на призраков. Я прав?

Ануша увидела, как обладатель голоса смотрит с палубы вниз. Носки его сапог торчали над квадратным проёмом. Широкая шляпа выдавала в мужчине капитана Фостера.

Женщина на лестнице, которую очевидно звали Бридой, не отрывала глаз от упавшего щита, в котором ранее заметила сновидческое отражение Анушки. Брида воскликнула хриплым от страха голосом:

- Нет, сэр! Это был призрак! Я видела его своими глазами, сразу после того, как он схватил Дориана, вот здесь!

Она показала. Рука женщины тряслась, когда она пыталась указать, где именно видела «призрака».

Ануша отошла от рухнувших щитов ещё на несколько шагов, затем остановилась. Как на такое заявление отреагирует капитан Фостер?

Капитан повернул голову и заговорил с кем-то, стоявшим сразу за люком — недостаточно громко, чтобы Ануша смогла разобрать слова. Кажется, он задал вопрос.

Затем на краю прохода появилась фигура в плаще. У неё перехватило дыхание. Это был Яфет!

Даже двумя палубами ниже Ануша видела, что глаза Яфета мерцают красным. Их взгляды скрестились. По спине девушки от страха пробежал холод, живот скрутило.

Рядом с Фостером возникла третья фигура — одетая в сари цвета кости женщина с покрытым алыми символами жезлом.

Это была Серена, наёмная волшебница «Зелёной сирены».

- Я ничего не вижу, - пожаловался Яфету и Серене Фостер.

Яфет посмотрел на капитана и волшебницу, затем снова вниз, в глаза девушки, по-прежнему продолжая молчать. Неужели колдун её видит, или Ануша только воображает себе это?

Свободной рукой Серена прочертила в воздухе несколько символов. Там, где проходили её пальцы, на мгновение вспыхивали линии волшебной энергии. С губ Серены сорвались слога чистой магии. Глаза волшебницы вспыхнули искрой лимонного цвета.

- Там! - воскликнула Серена, указывая своим жезлом на Анушу. - Теперь я вижу — привидение! Возможно, в вашем трюме живёт дух утонувшей женщины.

Ануша выругалась. Она едва не разбудила себя... но потом подумала: «Я должна увести их от сундука!»

Вместо того, чтобы отступить, Ануша бросилась к лестнице и взобралась по ней. Она проскользнула мимо по-прежнему застывшей Бриды на широких перекладинах, не коснувшись женщины.

Серена закричала:

- Она поднимается; она нападает!

Серена отступила из поля зрения Ануши, как и Фостер — на его лице виднелось изумление и намёк на тревогу. Яфет просто склонил голову к плечу и продолжил наблюдать. Не осталось никаких сомнений, что он видит её; его взгляд не отпускал глаз девушки, пока она поднималась, а поднималась она быстро. Было легко карабкаться по лестнице, не обладая настоящим весом. Даже выбравшись на верхнюю палубу, в полной видимости перед Яфетом, Ануша задумалась — а нужна ли ей вообще лестница, чтобы подниматься? В детстве ей снились полёты. Может быть...

Серена не сбежала; она просто отступила на несколько шагов, чтобы прочитать новое заклинание. Боевая волшебница выбросила вперёд свободную руку, и с пальцев сорвалась чудовищная молния ослепительного фиолетово-белого цвета.

Обжигающая, безумная боль пронзила её голую, беззащитную душу, и Ануша закричала.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Год Тайны (1396 ЛД)

Натлех

Единственным способом попасть в Натлех был удивительный мост. Ещё не так давно в подобной конструкции не было необходимости.

Десять лет назад медленное, но неотвратимое движение земли подняло большую часть городского квартала шу на несколько сотен футов над остальным городом. Сотни зданий по краям сдвига были разрушены. По случайности, разрушенные здания по большей части принадлежали не-шу, хотя и на долю шу выпали свои утраты. Когда земля перестала двигаться, выжившие медленно забыли свой страх, особенно те, чьи дома, особняки и лавки уцелели. Многие отмечали, что новые городские высоты обеспечивают неожиданную, зато выгодную оборонительную позицию среди ландшафта, внезапно ставшего более опасным, чем когда-либо прежде.

И поэтому, когда небесные пожары, сдвиги земли и нападения Изменённых Чумой монстров пошли на убыль, группа городской знати-шу вложила значительную часть своего богатства в строительство моста.

Драконий мост представлял собой широкий и толстый каменный пролёт, вздымающийся рядом с причалами озера Длинной Руки, косой чертой поднимаясь до самого Небесного квартала. Драконым его назвали за несущие арки, вырезанные в форме грозных каменных драконов. Каждый из постепенно увеличивающихся в размерах драконов подпирал каменный пролёт по-своему — некоторые держали его на выгнутых спинах, другие хватали широкими челюстями, а один, расположенный ближе всего к каменной колонне Натлеха, держал мост на поднятых высоко над головой когтистых лапах.

Вдоль моста стояла серия из трёх массивных ворот со сторожевыми постами, охраняя город от атаки пеших войск, или, как до сих пор, более чем через десять лет после Волшебной Чумы, иногда случалось — толп бездомных беженцев. Каждая стена с воротами содержала казармы для роты стражников под командованием капитана.

Рейдон Кейн въехал на Драконий мост на заду повозки, которой правил старый крестьянин-шу и тянули два ослика. Про себя Рейдон сомневался, правда ли его привезли в Натлех, как обещал возничий. В последний раз, когда монах был здесь, никакого моста не существовало.

Казалось невозможным, что такие драматические перемены могут произойти с городом всего за десятилетие. Но изменения, возникшие, пока бушевало синее пламя, выходили за всякие рамки. В сравнении с тем, что Рейдон видел в Звёздном Покрове, подъём Натлеха даже упоминания не стоил.

Его ногу внезапно пронзила судорога, как будто в ответ на воспоминания о чудовищном облике Звёздного Покрова и похожих на гулей aberrациях, обитавших

там ныне. Монах задумался, заживёт ли эта рана когда-нибудь полностью. Нога сочилась кровью даже сейчас, будучи замотанной в холстину, которую отдала ему добрая жена фермера.

Каждый новый день он фокусировал на этой ране все свои исцеляющие способности, пытаясь затянуть потерянную кожу и вернуть чувствительность. Каждый день он убеждал себя, что добился небольшого прогресса.

На самом деле, рана хорошо заживала. Сегодня Рейдон мог бы пройти пешком последний отрезок до Натлеха, разве что немного прихрамывая. Но заботливые фермеры, которые десять дней назад обнаружили монаха ползавшим среди грядок репы и выходили в своём скромном жилище, даже слышать об этом не хотели. Они предложили отвезти его в Натлех на телеге. В конце концов, он с благодарностью согласился.

Самой большой тайной было его местонахождение. Он оказался куда ближе к городу, чем должен был, когда его обнаружили фермеры.

Последнее, что он помнил — как уснул под дождём на вершине с таким трудом покорённого утёса рядом со Звёздным Покровом. В те мгновения, даже достигнув безопасности вершины, монах подозревал, что может не увидеть рассвет.

Но Рейдон выжил. Когда он открыл глаза, была холодная заря. Не было ни утёса, ни горящего леса, ни дождя. Он лежал на поле с репой. Он не помнил ничего между засыпанием и пробуждением на краю фермы. Реповой фермы, которая, как оказалось, расположена в двух сотнях миль к западу от его последнего местонахождения, прямиком у самого Натлеха!

Рейдон опять задумался, не сходит ли он с ума. Возможно, сначала он потеряет память, и только потом начнёт терять рассудок.

А может, Волшебная Чума, про которую говорили гули, изменила местность таким образом, что города и другие ранее неизменные пункты отделались от прежних оснований. Ему не хватало информации, чтобы делать обоснованные выводы.

Монаху на ум пришла новая мысль. Возможно, к этому имел какое-то отношение Символ Лазури. Неужели символ, выжженный теперь на его теле, каким-то образом переместил Рейдона к его подсознательной цели, пока тот лежал на пороге смерти?

Иногда казалось, что он практически различает чей-то голос, зовущий его по имени...

Рейдон выкинул из головы эти спекуляции. Прямо сейчас самым важным было найти Эйлин. Он попытался представить, в каких обстоятельствах встретится с ней. Волнение по поводу того, что случилось с девочкой, мучило его сильнее, чем ноющая нога.

Они поднялись по великому мосту, который держали драконы. Когда телега приблизилась к третьим и последним вратам, стражник дал знак остановить повозку.

Слова пробились в создание Рейдона. Стражник говорил...

- ...только. Разворачивайся и груз с собой забирай. Радуйся, что я не взял с тебя пошлину.

- Что произошло? - заговорил Рейдон. - Почему вы нас задерживаете? Кроме меня, сегодня у этого человека нет другого груза. Он не должен платить торговые пошлины.

Стражник ухмыльнулся и ответил:

- В эти опасные времена не-шу, которые желают войти в Натлех, могут сделать это только по приглашению.

- Но этот человек...

Смысл слов стражника достиг его сознания. Стражник говорил о самом Рейдоне, а не о старом крестьянине.

Рейдон начал снова:

- Мой отец — сын востока, и он растил меня в Тельфламме, около тридцати... нет, сорока лет назад. Но забудьте об этом; я житель Натлеха. Я держал здесь дом до Волшебной Чумы. Даже сейчас здесь живёт моя дочь. Вы не можете запретить мне вернуться домой.

Стражник попытался встретиться с Рейдоном взглядом. И потерпел неудачу. Очевидно, он не привык встречать отпор от людей с запряжённых осликами повозок. Он нахмурился.

- Оставайтесь здесь. Я позову капитана.

Мужчина ушёл.

Рейдона обычно принимали за шу, но иногда незнакомцы замечали его фейскую кровь. Наследие давно пропавшей матери воплотилось в нём слабо, но оставалось заметным для чувствительных к подобным отличиям. Уши Рейдона были чуть заострёнными, череп — немного уже, чем у других шу, а его осанка прямой, пускай и не более, чем у любого другого последователя Сянь До. Он считал себя шу. Обычно, кровь матери не доставляла ему никаких проблем... кроме как среди других шу.

Заговорил крестьянин:

- Городской народ видел слишком много ужасов во время года Синего Пламени и после него. Беженцам и феямони запретили вход ещё пять лет назад. Ксенофобии и национализму поддаются даже те, кто прежде считался мудрым.

Рейдон хмыкнул.

Сталкиваясь с такими оскорблениеми, обычно он представлял свой разум бездонным озером, оскорблений, упрёки и боль в котором были всего лишь мелкой галькой и легко исчезали в глубинах.

Сегодня у него болела нога и он волновался о дочери.

Он не мог сосредоточиться и ждал, что без успокаивающего влияния концентрации разговор с капитаном окажется непростым. Рейдон задумался, что может сделать в ответ. В душе встрепенулось учение храма Сянь, пристыдив монаха за то, что он не придерживается главных принципов. Рейдон стиснул кулаки и затем позволил им расслабиться по одному пальцу за раз, выдыхая из себя воздух.

Вышел капитан вместе с злонравным стражником. Капитан был высоким шу в ламеллярном доспехе. Он долго рассматривал Рейдона, потом сказал:

- Пропусти их.

Затем развернулся и вернулся назад в караулку.

Стражник нахмурился ещё сильнее и пробормотал

- Меня ты не обманешь. Не думай, что на этом всё кончилось.

С этими словами он шагнул в сторону и позволил им проехать. Полный ненависти взгляд мужчины преследовал их, пока телега не скрылась из виду за воротами.

Оказавшись внутри, крестьянин позволил Рейдону слезть и пожелал монаху удачи в поисках дочери. Рейдон кивнул, поблагодарив мужчину. Он не стал оскорблять щедрость крестьянина, предлагая плату. Для тех, кто был воспитан согласно восточным традициям, искренность служила достаточной наградой.

Когда скрип телеги затих вдалеке, Рейдон окунул взглядом Натлех. Но все его мысли были только об Эйлин. Что могло случиться с такой крохой, оставшейся в одиночестве, без родительской опеки, за вычетом наёмной прислуки, перед лицом величайшего бедствия эпохи?

Ничего хорошего, настаивали его мысли.

Беспокойство оказалось невыносимо оправданным.

Через три дня поиски Рейдона завершились у подножия четырёхфутового сооружения из обожённой глины, похожего на пчелиный улей. Вокруг него возвышались похожие указатели. Группы глиняных табличек различных размеров торчали из земли, хотя самые крупные находились в центре, а меньшие расходились от них по спирали.

Рейдон стоял в «городе мёртвых» Натлеха, где хоронили погибших.

Он стоял перед одним из самых маленьких глиняных надгробий — опустошённый и сломленный.

Это была могила Эйлин.

Дрожащими руками он достал из внутреннего кармана потрёпанный, ржавый колокольчик.

Он прошептал:

- Я принёс это тебе, как и обещал...

Рейдон положил подарок перед надгробием. Звенящий, радостный звук, который издал колокольчик, вызвал у него слёзы.

Скорбь сдавила сердце. Его грудь превратилась в зияющую полость. Он едва мог втянуть в воздух — так сжалось горло.

Рейдон узнал, что Эйлин погибла в первых землетрясениях, предшествовавших внезапному подъёму Натлеха. Она была мертва дольше десяти лет.

Это знание не облегчило горя Рейдона.

Прислугу, которой он платил за присмотр над девочкой, после гибели Эйлин разбросало по всем сторонам света, но Рейдон нашёл одного из них среди рабочих прачечной. Тот рассказал о судьбе Эйлин дрожащим, напуганным голосом.

Монах снова задумался, какие мысли проносились в её голове, когда стены их жилища стали рушиться, и слуги бросились прочь из дома, оставив девочку в одиночестве. Звала ли она их?

Мучительный всхлип вырвался у Рейдона, и он рухнул на могилу.

По традициям шу, если выжившие родственники и потомки окажут достаточный почёт своим мертвым, те в свою очередь благоприятно повлияют на жизнь и процветание семьи. Поэтому в домах шу часто выделяют небольшой участок для святилища, где стоят маленькие статуэтки, изображающие одного или нескольких мёртвых родичей. Хотя некоторые святилища содержат множество фигурок, точь-в-точь похожих на мёртвых предков, большинство домов ставят единственную статуэтку, представляющую сразу всех любимых и погибших.

В своё отсутствие Рейдон не смог позаботиться о соблюдении этой самой простой и древней из традиций шу.

Прижимая голову к прохладной глине надгробья Эйлин, Рейдон подумал, что разочаровал приёмную дочь даже после её смерти. Он был достоин презрения.

С глаз как будто упали шоры, открыв новое чудовищное понимание самого себя. Вся его философия и мысленные практики, его Сянь До и гордость своими умениями — было ли это чем-то большим, чем костили, на которых держалось его собственное это? Нет. Это был лишь фасад, скрывающий его истинный, ярко выраженный дефицит самых важных для простого смертного вещей. Он позволил «охоте на чудовищ» и бесплодным поискам давно пропавшей матери отвлечь себя от единственного, что обладало истинным смыслом.

Его дочери.

Его мёртвой дочери.

Рейдон закричал, вцепившись в свою косичку, думая, что вырвет её.

- Рейдон!

Монах замер. Кто это сказал? Горе повредило его разум, и теперь он галлюцинирует. Мысль о сошествии в невинность, которую предлагало безумие, казалась в равной степени тошнотворной и привлекательной.

- Рейдон, посмотри на кладбищенские ворота, - раздался голос из ниоткуда. Голос звучал знакомо.

Его всепоглощающая печаль не смогла помешать взгляду быстро скользнуть вверх. Он посмотрел на гранитную арку входа мимо нагромождения глиняных надгробий.

Сквозь ворота кладбища текла небольшая толпа людей, скандируя единственную фразу снова и снова, хотя и не слишком стройно. Пёструю толпу вёл никто иной, как стражник, который пытался запретить Рейдону вход в Натлех. Стражник не носил свою официальную городскую форму — вместо неё на мужчине была залитая алкоголем сорочка.

Рейдон сумел разобрать фразу, которую они повторяли.

- Никаких фей в Натлехе! Никаких фей в Натлехе!

Отстранённая часть его удивилась, как быстро опустошённость сменилась багровой яростью.

Не успев толком осознать, что делает, Рейдон уже шагал в сторону толпы. Его руки так и чесались кого-то ударить, а эти узколобые фанатики только что

вызвались добровольцами. Остатки его обучения пытались удержать монаха. Но импульс Рейдона нельзя было подавить.

Эйлин была мертва, потому что он подвёл её. Какой смысл во всем остальном?

Когда толпу от Рейдона отделяло тридцать шагов, стражник поднял кулак, давая знак прекратить скандирование. Он начал:

- Новое королевство Натлан не принимает тех, кто не является шу! А тем более тех, чью кровь запятнали эльфы-полукровки. Я говорил тебе держаться подальше. Поскольку ты был слишком высокомерен, чтобы послушаться, мы...

Громкая речь стражника оборвалась. Толпа вокруг него продолжала кричать свой лозунг.

Монах продолжил шагать, не отрывая взгляда от стражника. Бурлящая ярость, пылающая в облике Рейдона, была не той реакцией, которую ожидал стражник. Он попытался отступить и не смог. Натиск его распалённых последователей удержал мужчину на месте.

Распознав опасность, стражник закричал:

- Он хочет атаковать — хватайте чужеземца!

Голос мужчины был полон страха.

Крики толпы превратились в рёв, и люди потекли вперёд. Стражник остался позади, его страх исчез, когда толпа блокировала Рейдона. Он снова вернул себе храбрый вид и что-то насмешливо крикнул, но голос потерялся в проклятиях толпы.

Краснолицый шу с воплем схватил Рейдона за новую шёлковую куртку. Другой мужчина в вельветовых штанах попытался ударить монаха ржавой булавой. Мальчишка царапнул лицо раскрашенными, но поломанными ногтями.

Рейдон избежал захвата контрударом, от которого шу рухнул. Одновременный удар ногой отправил булаву прямиком в лицо другого, брезвально осевшего. Мальчишка оставил две длинных царапины на щеке, но внимание Рейдона уже сместилось к более опасным целям.

На него бросились две полных женщины с растрёпанными, как у гарпий, волосами, сжимая в мясистых ладонях острые кухонные инструменты. Вместе с тем угрюмый кузнец в обожённом кузничном фартуке подбирался к Рейдону с молотом сзади. Рейдон нырнул под бешеные взмахи ножа одной женщины и оборвал замах кузнеца ударом ладонью в плечо. Левой рукой он перехватил другую женщину за локоть, сустав к суставу, как будто танцуя джигу, затем развернул её, поворачивая собственное тело. Он швырнул её на двух новых нападающих; докеров с лодочными баграми. Один споткнулся о женщину и упал, а второй отвлёкся достаточно, чтобы Рейдон успел вскочить на ближайшее глиняное надгробье. Раненная нога монаха горела, но гнев Рейдона горел ещё ярче.

Поверх голов толпы он увидел заварившего эту кашу стражника, который до сих пор даже не пошевелился, пока толпа выполняла его приказ. Взгляд стражника поднялся вверх и застыл на его ненавистном недруге. Рейдон указал на стражника пальцем и медленно покачал головой. Это было обещание, что при любых обстоятельствах никто не помешает Рейдону достичь его цели.

Мужчина побледнел, однако махнул рукой в сторону кладбищенских ворот. Там собирался настоящий отряд натлехских стражников в униформе, и этот вид придал мужчине уверенности. Стражник закричал.

Рейдон разобрал его слова в шуме толпы, прочитав по губам. «Если ты ударишь меня, придётся иметь дело с ними!»

Рейдон беззвучно произнёс в ответ: «Мне всё равно». Затем он перепрыгнул через головы жадной толпы к другому глиняному надгробию, преодолев четверть расстояния между собой и целью.

- Рейдон, этот человек не несёт ответственность за смерть Эйлин. Если ты убьёшь его от горя, твоя душа будет запятнана, - раздался новый голос, каким-то образом различимый в воплях толпы.

Это был тот же голос, что предупредил Рейдона о появлении толпы. Кому или чему бы ни принадлежал голос, его разумный совет ещё сильнее распалил гнев монаха. Тот ответил, снова прыгнув на надгробье всего в десяти шагах от стражника:

- Невидимый дух, занимайся своими делами, а мои оставь мне!

- Твои дела — мои дела, Рейдон, - сразу же прозвучал ответ. - Ты стал моим единственным окном в мир, и хотя я обязан подчиняться носителю Символа, куда важнее мой долг перед самим Символом. Я вынужден буду защищать его святость вопреки твоим желаниям, если дойдёт до этого. Нельзя допустить повторения прошлых ошибок.

Слова невидимого демона вызвали интерес у малой части рассудка Рейдона, не поглощённой чудовищным горем. Но он не остановился. Монах промчался мимо оставшихся шу, которые метались между ним и целью. Он бросился в атаку, оттолкнувшись от последнего надгробья, как от рампы. Летающий локоть в темечко стражника...

На пути Рейдона в воздухе возник запах озона и треск молнии. Он отчаянно извернулся и задёргался, тщетно пытаясь изменить траекторию тела в полёте. Не получилось. Он прошёл сквозь тёмное устье разрыва в реальности и исчез.

Рейдон падал сквозь пустоту, усеянную миллионом далёких точек, сверкающих вечными белым, рубиновым, изумрудным и сапфировым цветами. Не успев даже охнуть, он пролетел сквозь новый разрыв пространства.

Он упал боком в траву, растущую у основания гранитного булыжника. Дезориентация и солнечный свет ослепили его; монах не смог избежать удара головой об огромный камень.

Боль и пугающие громкий треск его черепа, встретившегося с камнем, вызвали вспышку света и боли.

Его мучения и гнев растаяли дымкой расплывающегося зрения и неразберихи в мозгах.

Он лежал там же, где упал, распластавшись на спине, моргая в синее небо, расчерченное высокими мчащимися облаками. Повернув голову направо, он увидел травянистые предгорья какого-то незнакомого, хотя ободряющее естественного горного хребта. Никаких разноцветных звёзд.

Он осторожно повернул голову налево, моргнув от боли в мышцах, и увидел вдалеке другие холмы и целые мили пустых прерий между ними. Никакие дороги, поля, одинокие здания или ограждённые стенами города не пятнали своими прямыми искусственными линиями его перспективу. Необитаемый ландшафт с его неровными и непредсказуемыми очертаниями стал настоящим бальзамом для его тела. Рейдон на какое-то время потерял себя, глядя, как ветер гонит волну за волной по зелёной и жёлтой траве, пока наверху белые облака бурлят в своём тягучем, как патока, движении.

Неопределённое время спустя клич степного ястреба вырвал монаха из его спонтанной медитации.

- Значит, я теряю разум, - сказал Рейдон, принимая сидячее положение. Он прислонился спиной к булыжнику, о который ударился головой. С новой точки зрения ему открылся вид на далёкое зрелище, которое монах пропустил ранее, и Рейдон непроизвольно охнулся.

Над равниной без всякой поддержки висел огромный осколок камня. Его нижняя точка сужалась до неровной и выщербленной иглы, но противоположная сторона была широкой и ровной. Даже со своего места в двух или трёх милях Рейдон видел деревья, траву, озеро и даже крохотный водопад, стекающий с одной стороны непокорного гравитации парящего куска земли.

- В какие края меня занесло? - прошептал он.

- Изменения в ландшафте Фаэруна, подобные летающему острову, который ты видишь над равниной, после Волшебной Чумы встречаются не так уж редко, - заметил бесстесненный голос. - Ты по-прежнему в Фаэруне, у юго-восточных предгорий хребта Великанов Бег.

Голос был тем же, что и раньше.

Рейдон вскочил на ноги, разворачиваясь, чтобы попытаться хоть мельком увидеть слабый блеск или колебания в воздухе, выдающие присутствие собеседника.

- Я помню тебя! - воскликнул Рейдон. - Я слышал тебя у врат разрушенного Звёздного Покрова! И ещё раз, в...

Он умолк. Голова по-прежнему трещала от полученного по прибытии удара. Он чувствовал некий великий ужас, таящийся за границами его внимания и ожидающий подходящего часа.

- Верно, Рейдон. Однако Звёздный Покров — не первый раз, когда мы с тобой общались. Мы довольно содержательно побеседовали несколько лет до этого, когда ты отправился туда, где находится моё физическое тело. Меня зовут Путеводной Звездой.

- Путеводной Звездой? - имя казалось знакомым, но он не мог вспомнить, откуда.

- Да. Ты навещал меня в Звёздной Бездне за несколько лет до года Синего Пламени. Ты сопровождал Кирил Даскморн, когда она возвращалась в цитадель-подземелье, где когда-то служила Хранителем.

- Звёздная Бездна! - воскликнул Рейдон. Нити памяти соединились, и он вспомнил.

Путеводная Звезда была искусственным существом. Големом, но не только.

Она... оно? Он был огромным гуманоидом, выкованным из хрусталия, камня, железа и более экзотических компонентов, хотя когда Рейдон встретил голема, тот был заржавевшим, изъеденным коррозией и грязным от веков своего существования.

Своей сложностью Путеводная Звезда затмевал любой существующий искусственный конструкт. Не моргая, он смотрел в сдерживающие огни тюремной камеры Звёздной Бездны, расположенной в самом центре. Рейдон видел, как голем спускается в эту камеру и сражается с заточённым там существом. Существом по имени Предатель.

Монах вспомнил узор, вплавленный в металлическую грудь Звезды — Символ Лазури. Располагался он там же, где сейчас у самого Рейдона.

- Почему я слышу твой голос? Разве ты не заперт в подземных коридорах Звёздной Бездны?

- Я остаюсь заточён; однако я могу действовать даже вдалеке от Звёздной Бездны через любой подготовленный специальным образом сосуд. Каким-то образом я также могу направлять своё внимание и некоторые из уцелевших волшебных способностей Бездны через тебя.

- Через меня? Какие способности?

- Речь, например. Кроме того, я телепортировал тебя от Звёздного Покрова к окраине Натлеха, когда ты был ранен, а сейчас только что выдернул тебя из Натлеха. Однако в отличие от разговоров, перемещение на такие большие дистанции истощает мои ограниченные и убывающие резервы.

- Ты... протолкнул меня в портал? Без настоящих порталальных врат? И не присутствуя физически рядом?

- Да. В определённом смысле я нахожусь рядом с тобой. Нам позволяют взаимодействовать особые обстоятельства, Рейдон, хотя только нам с тобой. Я не могу перенести кого-то другого, если они не с тобой. Наша связь возможна из-за нового средства между тобой и Символом Лазури.

Память нарисовала образ его амулета, растворяющегося в свирепом синем пламени. Монах вспомнил боль, когда символ заклеймил его. Он опустил взгляд и распахнул шёлковую куртку, которую приобрёл в Натлехе. Тело было по-прежнему отмечено Знаком Лазури, его размер изменился, покрывая всю грудь целиком, как будто силы знака было достаточно для адаптации к любой удерживающей его среде.

Голос Путеводной Звезды продолжал:

- Волшебная Чума зашила способности твоего амулета в твой разум и тело. Рейдон, ты стал живым воплощением Символа.

Монах сказал:

- В Звёздном Покрове я смог использовать его силу, когда на меня напали аберрантные гули. Но я сделал это практически инстинктивно...

Бестелесный голос голема заметил:

- Твоя жизненная энергия оживила символ. Или его потенциал был усилен Волшебной Чумой. Другие существа, которых коснулось это изменяющее пламя, были отмечены странными новыми способностями, если вообще выжили. В любом случае, когда ты впервые использовал Символ, это привлекло моё внимание. Как ты знаешь, я тоже связан с Символом Лазури.

Рейдон снова поднял свой взгляд на висящую без всякой поддержки над горизонтом каменную массу, хотя его разум рисовал более фантастичные образы. Неожиданно он вспомнил, что Путеводная Звезда был не просто единственным големом. Хранители Звёздной Бездны сказали ему, что сознание Звезды хранилось одновременно в нескольких телах-големах, распределённых по подземелью Бездны. Волшебный разум голема делился между дюжинами тел, разбросанных по залам, тоннелям и галереям. Путеводная Звезда, разумный конструкт со множественными точками восприятия, был идеальным часовым для подземной крепости, где отбывал свой бесконечный приговор Предатель.

- Значит, ты смотришь на мир из множества мест?

- Уже нет. Рейдон, за исключением моего запертого тела, ты последний оставшийся у меня контакт. Я могу видеть и взаимодействовать с миром вокруг тебя, как когда-то с другими моими «я» в Звёздной Бездне. Прежде чем она была уничтожена.

Рейдон какое-то время молчал, переваривая последние слова голема. Наконец он ответил:

- Ты пытаешься спровоцировать меня? Что ты хочешь сказать? Звёздную Бездну невозможно уничтожить, иначе Предатель оказался бы на свободе или погиб. Так или иначе, это закончилось бы катастрофой.

- А разве год Синего Пламени можно назвать как-то иначе?

Рейдон вздрогнул и сказал:

- Ты намекаешь, что пленник Звёздной Бездны, Предатель, как его называют, старший жрец какой-то забытой группыabolетов, освободился — и результатом стала Волшебная Чума? Неправда. Из-за убийства богини магии была разрушена Пряжа, и проклятая Чума началась с этого. Мне подтвердили это в Натлехе, пока я искал...

Монах замолчал, его беспокойство о Звёздной Бездне подавили пустые воспоминания о судьбе дочери.

Рейдон соскользнул по грубой поверхности булыжника, пока не оказался снова в сидячем положении. В его ушах звучал зарождающийся гул.

Путеводная Звезда продолжал говорить.

- Когда Мистра погибла, расплелись многие нити. Многие признают, что смерть богини затронула и без того нестабильные участки дикой магии. Но в прошлом, когда погибла предыдущая богиня магии, Волшебной Чумы не произошло. Я считаю, что в чудовищность последовавших событий внесли свою лепту и другие факторы. Я считаю, что бегство Предателя, зловещим образом случившееся почти одновременно с убийством Мистры, стало дополнительным импульсом, породившим Волшебную Чуму.

Рейдон слышал слова, но их значение не отвлекало его от воспоминаний о том, как Эйлин играла во дворе с кучей домашних городских котов.

Голос голема продолжал гудеть.

- С другой стороны, так и не произошло возникновения Господства Аболетов, катастрофы, которой Хранители Символа боялись больше всего. Возможно, мы ошибались, предполагая, что Господство вернётся немедленно. Возможно, Волшебная Чума была ключевым ингредиентом, необходимым, чтобы изменить

реальность и допустить возвращение древних аболетов. Возможно, год Синего Пламени был таким свирепым, что разбудил дремавшие прежде реликтовые измерения...

- Рейдон, ты слушаешь? - спросил Путеводная Звезда.

Монах следовал за Эйлин ещё через несколько счастливых воспоминаний — путь, который завершился у глиняного надгробья с одиноким именем его дочери.

- Оставь меня, Путеводная Звезда, - отозвался он. - Я скорблю.

Других слов не последовало. Рейдон остался наедине со своей потерей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Год Тайны (1396 ЛД)

«Зелёная сирена» в море Павших Звёзд

Яфет не понимал, в какие инфантильные игры играет Берун.

Сквозь иллюминатор в захламленную каюту колдуна сочился водянистый свет. Рядом с ним на койке валялась потрёпанная дорожная сумка. Вещи Яфета лежали разбросанными вокруг. Пустые пузырьки, эликсиры, эссенции того и этого и прочие инструменты усеяли смятую простынь. Напротив койки стоял большой дорожный сундук, занимающий большую часть пола в каюте. Яфет приказал отнести его из трюма к себе в комнату, заявив, что сундук принадлежит ему. Сбоку сундука виднелся герб Мархана.

Никто не связал «нападение призрака» со здоровенным предметом багажа, который стоял сейчас перед ним.

Никто, кроме Яфета. Случившуюся несколькими часами ранее стычку он наблюдал сквозь туманную пелену, но это было нормально для прогулки по багровой дороге. Именно эта отстранённость от реальности увеличивала чувствительность путешественника к сверхъестественным и призрачным феноменам. Поэтому он и увидел сумрачную фигуру, поднимавшуюся из трюма. Он наблюдал, как призрака сразила боевая волшебница капитана Фостера.

Когда привидение съёжилось под волшебной атакой Серены, его расширенное восприятие заметило искру синего огня, улетевшую оттуда, где растворилась прозрачная фигура. Несмотря на заклинание зрения Серены, волшебница упустила это молниеносное движение. Но Яфет увидел, как искра ныряет в крупный сундук в трюме.

Когда переполох, допросы и жаркие препирательства напуганной команды прекратились, Яфет спустился в трюм, чтобы посмотреть, в какой сундук сбежала искра.

Сундук оказался собственностью Перевозок Мархана.

Берун нанял Яфета для помощи капитану и сбора сведений о предприятии Фостера, чтобы убедиться, что пират не слишком сильно обманывает Беруна. Очевидно, лорд Мархана послал вместе с ним второго шпиона, который должен был следить уже за самим Яфетом.

Как ни странно, шпионом, которого выбрал Берун, была его собственная сестра.

Колдун смотрел в открытый сундук на расслабленные и гладкие черты спящей девушки, устроившейся среди одежды и бурдюков с водой. Вместе с ней в сундуке валялись куски пищи и другой мусор — судя по всему, она находилась внутри уже несколько дней.

Яфет никогда бы не подумал, что у девушки... как там её звали? Ануша! Яфет никогда бы не подумал, что Ануша обладает подходящим характером, чтобы стать шпионом. Это казалось невозможным, однако он не мог отрицать очевидное: Ануша обладала теми же очертаниями, что и тёмный пылающий силуэт, который он видел уже трижды, в последний раз — совсем недавно, когда Серена каким-то образом развоплотила грозного призрака. Если Ануша была его источником, Яфет полагал редкой удачей, что она уцелела после магической отдачи. С другой стороны, она могла пострадать ментально, и Яфет не смог бы об этом узнать; он не сумел разбудить девушку, громко называя её по имени или тряхнув за плечо.

В последние несколько лет колдун иногда замечал её в особняке Мархана, но особого внимания не обращал. В последнее время он заметил, что она начала одеваться как женщина, а не как ребёнок. Да и почему нет? Она выросла. Если подумать, ей должно быть не меньше двадцати. Взрослая женщина, как бы к ней не относился Берун. Задумавшись об этом, Яфет решил, что ей не позволяли получить права и обязанности настоящего взрослого, как часто случалось с детьми богатых родителей. Родись Ануша в таких же обстоятельствах, что большинство жителей Фаэруна, она бы уже занималась избранным ремеслом, а может даже была бы замужем и заботилась о собственных детях.

- Ануша, проснись! - сказал Яфет. Девушка легонько шевельнулась, но не открыла глаза.

Она совсем не была непривлекательной. Теперь, задумавшись об этом, колдун вспомнил, что девушка предпринимала несколько неловких попыток вовлечь его в разговор. Он всегда сразу же прерывал такие поползновения. Колдуну был настолько неприятен Берун, что он инстинктивно сторонился любых взаимодействий с младшей сестрой лорда Мархана.

Когда Яфет вообще про неё вспоминал, он считал её просто одинокой девушкой, которая заслуживает сочувствия из-за своей изоляции. Оказалось, что он ошибался. Её очевидная роль в особняке Мархана, по всей видимости, была затейливой личиной, призванной убедить всех, кто вёл дела с Беруном, в безвредности Анушки.

Яфет продолжал её изучать.

Он никогда не подозревал, что Ануша может быть меченой.

- Пора послушать, что ты скажешь сама, - прошептал он, выбрав из прочих необычных предметов на своей койке синий пузырёк.

Он открыл пробку и вылил пузыряющееся содержимое в рот девушки. Помещение наполнилось запахом мёда и цветущих апельсинов. Яфет не

беспокоился, что девушка захлебнётся, несмотря на сон. Это был эликсир исцеления; даже пожелав, он не смог бы навредить ей с помощью жидкости.

Ануша открыла мутные глаза и вздрогнула от света. Она несколько раз моргнула и обшарила помещение взглядом, пока не сфокусировалась на Яфете. Её брови сошлись, как будто кто-то только что загадал ей загадку, которую девушка не могла отгадать.

Яфет сказал:

- Ну здравствуй. Ануша, не так ли?
- Ух... - произнесла она. Голос был хриплым от долгого молчания.
- Должен признать, что ты обвела меня вокруг пальца. Потрясён твоими актёрскими способностями. Но работа, которую Берун поручил тебе на этом корабле, закончена. Теперь, когда я знаю, что ты на борту, у тебя не выйдет как ни в чём не бывало шпионить за мной. Не то, чтобы я планировал предавать Беруна... хотя его недоверие меня уязвляет.

- Ч-что?

Яфет подался вперёд.

- Что интригует меня значительно больше, так это способ, при помощи которого ты занимаешься своим ремеслом. Сколько лет ты была меченой? Не думаю, что тебя поймала первая волна — в таком случае, конечно, тебя бы жутко изуродовало.

- Меченой?

Девушка продолжала играть свою роль — так хорошо, что Яфет на самом деле задумался, не ошибочны ли некоторые из его предположений.

Он невольно потянулся вперёд и сказал:

- Давай я тебе помогу выбраться из сундука? И тогда ты сможешь рассказать мне свою точку зрения. Как твой брат подговорил тебя на это и всё остальное.

Ануша попыталась сесть, застонала и упала обратно.

- Возьми мою руку, - сказал Яфет, по-прежнему протягивая ладонь.

Ануша взяла её и рывком подняла себя в сидячее положение. Её пальцы были прохладными и немного липкими. Она отпустила его руку, кашлянула, провела ладонью по спутанным волосам и... покраснела?

Она сказала:

- Н-ну во-первых, ты ошибаешься. Берун меня не посыпал. Я сама попала сюда; он не знает об этом. Скорее всего, это последнее место, где он будет меня искать. Он настоящая жаба.

- Жаба?

- Я ему абсолютно безразлична — для него имеет значение только то, смогу ли я помочь ему войти в династию благородных домов Нового Саршела. Без моей поддержки они ни за что не позволят Беруну вступить в свой надменный клуб.

- Понятно, - сказал Яфет, хотя ничего не понимал. - Так почему ты здесь, если он не посыпал тебя шпионить за мной?

- Мне нужно было куда-то сбежать! - она вскинула руки. - Берун пытался отослать меня прочь из страны; он считает, что за мной охотятся наёмные убийцы.

Девушка фыркнула.

- У этих убийц, наверное, странные, призрачные силуэты?

Она опустила взгляд и сказала:

- Да.

Яфет выждал секунду, потом спросил:

- Это форма, которой ты можешь управлять, я прав? Какой-то дух воздуха, который подчиняется тебе и докладывает обо всём?

- Нет, эта форма — я сама, - проговорилась девушка, на мгновение взглянув ему прямо в глаза, потом снова опустив взгляд. - Это... моё сновидческое тело. Я проецирую его в окружающий мир, оставляя спящее тело позади. Обычно никто меня не видит. Кроме тебя. И сторожевого пса на этом корабле. Но... люди видят моё отражение.

- Значит, ты волшебница, несмотря на свои юные годы, и можешь читать заклинания прорицания.

- Нет, я...

- Может быть, ты обучалась ментальным искусствам и изучила психоническое зрение?

- Ничего подобного! - запротестовала она. - Это просто случилось однажды ночью. Мне снился сон. Один из тех снов, когда ты знаешь, что спишь. И я увидела тебя.

- Меня? - он забыл свой следующий вопрос о том, как Берун намеревался поддерживать с ней связь.

- Да. Я потерялась в городе, который считала сном. Потом увидела тебя и пошла следом. Я думала, что всё происходит у меня в голове. Ты зашёл в странную лавку диковинок, и, эм...

Колдун понял, что она видела, как он покупает пыльцу путешественников. Неожиданно он испытал приступ стыда. Настала его очередь краснеть.

- В любом случае, - продолжала Ануша, - когда ты покинул лавку, я последовала за тобой обратно в кабинет Беруна. Я видела, как ты... соглашаешься на требования лорда Мархана. Я считала всё это сном или фантазией. Потом оказалось, что всё увиденное мной происходило на самом деле. Я видела настоящий мир.

Яфет, прищурившись, взглянул на девушку. Он сказал:

- Я не понимаю.

Ануша покачала головой.

- Ты думаешь, что я понимаю? Всё случилось само по себе. Я легла вздремнуть, а в следующий миг обнаружила, что вижу во сне настоящий мир!

- Ты когда-нибудь вступала в контакт с Волшебной Чумой?

Она покачала головой, но взгляд стал задумчивым. Ануша сказала:

- Нет, но меня преследовали сны о синем огне. Разве не так она выглядит?

Яфет кивнул.

- Похоже, моя оценка правдива. Ты меченая.

Девушка задрожала. Она сказала:

- Единственное, что я знаю наверняка — я видела Беруна, когда он не знал об этом. Он ужасный человек.

- У него есть свои особенности, - дипломатично отозвался Яфет. Девушка была сестрой лорда Мархана, пускай только по одному родителю. И она по-прежнему могла прятать полотно интриг, втайне работая на сводного брата.

- Он убийца, и я его ненавижу, - объявила она, глядя на Яфета, как будто пытаясь заставить его возразить.

Колдун изменил тактику.

- Значит, ты... «проснулась» со странными новыми способностями и узнала, что твой брат — ублюдок, который...

- Он буквально ублюдок, - вмешалась девушка.

- Да, точно, - колдун вздохнул. - Я просто хотел спросить: почему я нашёл тебя упакованной, причём, похоже, по собственному желанию, в дорожный сундук на пиратском корабле, капитан которого работает на столь ненавистного тебе сводного брата?

- Я же тебе говорю! Он пытался отослать меня из города. Я решила, что поеду, но место назначения выберу сама. Отправлюсь куда-то, где Берун и не подумает меня искать. В такое место, где смогу увидеть вещи, которых мне не позволяли даже воображать в своих безопасных покоях. Поскольку я способна блуждать во сне, я решила, что смогу смешаться даже с пиратами, оставаясь при этом в безопасности.

- Ты искала приключений? Не хочу всё портить, но истории о похождениях героев опускают...

- Это только половина! - отрезала она. - В первую очередь я беспокоилась. Я хотела узнать, почему Берун так взволнован. Я хотела узнать, какую сделку он собирается заключить с пиратами. Я по-прежнему сохраняю верность семейному имени, знаешь ли, пускай даже меня считают ребёнком. Если Берун собирается совершить нечто такое, что бросит тень на имя Мархана, я намереваюсь его остановить.

- Хмм, - задумчиво протянул Яфет. Такого заявления он не ожидал. Возможно, она была не такой уж и безэмоциональной, как он решил сначала.

Вслух Яфет сказал:

- Если ты не пытаешься меня обмануть...

Он поднял руку, чтобы остановить её возражения.

- Зачем ты вообще присутствуешь на корабле телесно? Если ты можешь блуждать во сне, почему бы просто не отправить свою сновидческую часть на корабль? Если бы мы утонули, ты бы проснулась на суще. А так ты пойдёшь с нами на дно.

- Моя сновидческая форма не может далеко уходить от тела. Всего на милю, может быть на две. Я не могу исследовать целый мир, пока сплю — только ближайшее окружение.

Яфет потёр подбородок, не зная, верит ли девушке. Он знал простые и грязные чары, которые могли заставить её сказать правду... но если окажется, что она не лжёт, лишение свободы воли, пускай даже недолгое, настроит девушку против колдуна. В том-то и заключается вся проблема с такими вещами — никогда не знаешь заранее, заслуживает ли цель подобного обращения. Поэтому в просвещённом обществе неодобрительно к использованию волшебных методов допроса или даже примитивным формам физических пыток относились в целом неодобрительно.

Конечно, в годы после Волшебной Чумы, когда дела только начали приходить в порядок, уцелевшие институты власти не так стремились соблюдать видимость благопристойности, как до года Синего Пламени.

Что ёщё важнее, Яфет долго и старательно трудился, чтобы создать личность, подходящую его обстоятельствам. Личина, которую он создал для себя, холодная и жестокая, суровая с друзьями и беспощадная к врагам, моментально бы выудила из девушки правду, не задумываясь о последствиях.

Почему девушка не показывает особого страха? Ей даже известно, что он идёт по багровой дороге, но Ануша относится к нему странным образом по-дружески, как будто на самом деле вовсе его не боится.

Яфет решил пока что действовать так, как будто верит девушке.

- Что ж, хорошо, леди Ануша, - произнёс он, сам удивляясь прозвучавшей в голосе улыбке, - давайте позволим вам привести себя в порядок и немного размяться. Здесь, в моей каюте, вы можете оставаться незамеченной. Ключ есть только у меня.

Яфет набрал немного свежей воды из запасов корабля и наполнил для Ануши большой таз. Он подогрел воду знаком огня, улыбнулся и покинул девушку.

Она сумела более-менее прилично вымыться губкой, хотя это оказалось не так-то просто, учитывая ограниченное пространство каюты. По крайней мере, в дорожном сундуке лежал запас чистой одежды на несколько месяцев.

Девушка нашла в багаже ручное зеркальце и посмотрела на своё отражение в его крохотном овале. Она решила, что выглядит вполне прилично. Волосы оставались влажными, но общий вид ей понравился. Ей показалось, что это заставляет её выглядеть дерзкой. Решит ли так Яфет?

Она приняла картишную позу и рассмеялась.

- Ну что, колдун? Ты нашёл безбилетницу, которая не боится твоих загадочных способностей.

Голос за дверью заставил её замолчать.

- Капитан? Чем я могу помочь? - это был голос Яфета, слабый, как будто в некотором отдалении.

Куда более громкий ответ прозвучал сразу за дверью.

- Яфет, как я рад тебя видеть; тебя-то я и искал. У нас проблема.

Ануша чуть не вскрикнул.

- Что за проблема? - на этот раз голос Яфета был ближе.

- Что-то ходит по твоей каюте. Может быть, призрак всё ещё преследует нас.

Ануша начала тихонько собирать свою распакованную одежду, бельё и другие вещи с пола, койки и крохотного шкафчика, на котором стоял таз. Её вещи были повсюду!

- Капитан, - прозвучал голос Яфета, - это правда. Берун послал тайного лазутчика шпионить за нами. Серена подавила его, но присутствие остаётся.

Ануша подавила изумлённый возглас.

- Чтоб я кобольдом стал! - раздался ответ Фостера.

- Боюсь, что так. К счастью, я узнал о цели существа. Это действительно призрак — дух казнённого убийцы. Берун подчинил его с помощью некромантии и заставил следить за нами.

- Да чтоб мне болтаться на рее!

- Действительно, - отозвался Яфет. - На тот случай, если дух пережил атаку Серены, я установил для него ловушку у себя в каюте. И хорошо, что так! Я поймал его меньше часа назад. Он заперт в призме, вырезанной из сердца горгоны.

- Сердца горгоны?

- Знаю, смотреть на неё опасно, но не стоит беспокоиться. Такие вещи необычайно эффективно удерживают призраков и прочих нематериальных созданий. Хотите взглянуть? Если посмотреть краем глаза, думаю, всё будет в порядке. Но мне не нужно предупреждать, что случится, если слишком долго глязеть на вырезанную из сердца горгоны призму.

- ...нет, Яфет, нет. Я и так прекрасно себе представляю. Похоже, призрак у тебя под контролем. С Беруном разберёмся, когда вернёмся в Импильтур. Не стоит рисковать капитаном «Зелёной сирены», да?

Яфет согласно рассмеялся.

- Только постараитесь не выпустить его снова, ладно? И не говори об этом никому, даже Нироте.

- Конечно.

Ануша услышала, как удаляются тяжёлые шаги капитана.

В дверь каюты тихо постучали. Ануша отодвинула засов и отошла.

Внутрь скользнул Яфет и запер за собой дверь. Было слишком тесно, чтобы они могли стоять иначе, как на расстоянии локтя друг от друга. Колдун пах сандалом и мускусом.

- Ты выглядишь отдохнувшей, - сказал он с усмешкой. Его глаза плясали, и задумчивые линии лица разгладились.

- Я думала, ты меня выдашь! - прошептала она, хотя хотела закричать.

Колдун засмеялся и кивнул.

- Я не знал, слышишь ли ты, что я говорю. Я просто добавил немного правды, чтобы сделать ложь более правдоподобной, вот и всё.

- А что, если бы капитан решил посмотреть?

Яфет покачал головой.

- Я знал, что он не станет. Фостер и его команда готовы на многое, лишь бы не встречаться с неупокоенной нежитью. Берун сказал мне, что в прошлом году «Зелёная сирена» столкнулась с кораблём-призраком. Они потеряли четверть команды. Я подозревал, что капитан с радостью позволит мне самому разобраться с «призрачным шпионом», тем более после всей этой ерунды про сердце горгоны.

- Всё равно, - упрекнула его девушка. Она схватила его за плечо и скала.

Яфет посмотрел на её руку.

Ануша немедленно отпустила его и сказала:

- Ой, прости! Я не...

- Нет, нет, можешь ко мне прикасаться. Я не возражаю. То есть... - Яфет прочистил горло и сказал: - Нам не стоит стыдиться коротких прикосновений в таком тесном помещении. Их не избежать.

- Да, - согласилась она. Девушке было интересно, о чём на самом деле подумал Яфет. В животе расцвело чувство, подобное трепету крыльев бабочки под кожей.

- В любом случае, - продолжал колдун, чьи щёки совсем немного покраснели, - если ты беспокоишься, что сюда внезапно может заглянуть капитан, может быть, тебе стоит регулярно выходить из каюты во сне и осматривать окрестности — просто на всякий случай.

- Я не могу уснуть моментально, - ответила Ануша. - Я могу выходить из тела только во сне, и боюсь, в последнее время слишком много спала. Мой первый опыт выхода из тела случился только после того, как я бодрствовала почти десять дней подряд!

Яфет задумался. Он осторожно протиснулся мимо неё к своей койке, коснувшись плеча девушки своим. Он сказал:

- Видишь? Неизбежно, - легкомысленно сказал он, потом занялся своей сумкой и её содержимым. - Знаешь, Ануша, я могу заставить тебя заснуть, когда пожелаешь, и не ждать, пока тебя одолеет усталость. Тогда ты сможешь покидать тело по мере необходимости.

- Правда?

Он кивнул, и уголки его рта поднялись от возволнованной улыбки. Руки колдуна принялись шарить среди разбросанных по койке вещей. Он выбрал один стеклянный пузырёк с густой фиолетовой жидкостью, вынул пробку, понюхал содержимое и отёрнулся.

- Неразбавленным оно слишком крепкое... - выдохнул колдун. - Ага!

Яфет достал серебристый фиал с койки и откупорил его, заглянул внутрь, пробормотал:

- Пустой, хорошо.

Он стряхнул внутрь единственную каплю фиолетового зелья.

Затем колдун снял с пояса бурдюк и наполнил серебристый фиал до краёв. Из горлышка поднялась струйка белого дыма, похожая на дыхание зверя. Запах ежевики наполнил комнату. Яфет закрутил пробку и протянул фиал Ануше.

Она приняла холодную серебряную ёмкость. Она спросила:

- Что это такое?

- Зелье дремоты, - отозвался Яфет, как будто это всё объясняло.

- Это наркотик? - спросила Ануша.

Взгляд Яфета устремился к фиалу у неё в руках, затем колдун снова посмотрел ей в глаза. Он ответил:

- Он поможет тебе ходить в сновидческой форме, когда ты слишком возбуждена, чтобы спать. Небольшого глотка должно хватить, чтобы отправить тебя в страну грёз — не успеешь и до десяти сосчитать. Но да, думаю, это можно назвать наркотиком. Используй его только тогда, когда сможешь проспать несколько часов подряд. Если не будешь злоупотреблять, всё будет в порядке. Но если беспокоишься, можешь его выпить. Я просто хотел помочь.

Ануша осмотрела фиал, размышляя о подарке колдуна. В конце концов она решила его оставить, поскольку это был подарок Яфета. Девушка не хотела ранить его чувства. Да и потом, в подходящей ситуации сонное зелье может оказаться незаменимым. Не будет никакого вреда, если она сохранит эликсир.

Утро оказалось сырьим и ветреным. Серо-железные волны тянулись во все стороны, не считая укрытой туманом черты на юге. Черта была границей между морем и островом.

Линия берега в обе стороны была усеяна следами пены. Даже с палубы «Зелёной сирены» были заметны проблески зелёных плавников, чёрных жабр и длинных, мускулистых хвостов. Прямо под поверхностью плавало огромное количество рыб. Косяк пожирал какую-то невидимую пищу, двигаясь то в унисон, то в полном беспорядке.

Когда «Зелёная сирена» подошла ближе, берег превратился в пляж зловонной воды, сорняков и солёных луж. Как будто отравленный чем-то песок был пустым, не считая груд серой гальки, странных каменных образований и одинокой башни, скользкой от тёмной плесени.

Капитан Фостер предупредил Яфета о старой башне и о небольшом острове, где та стояла. Он назвал остров и башню Хегрут. Строение и остров провели тысячи лет под водой. Теперь отступившее море обнажило забытые руины неизвестного происхождения. Загадочность и отсутствие этого клочка земли на любой карте превращало его в идеальное место для зловещей встречи... с кем-то.

Фостер не хотел раскрывать ему личность той, кто предположительно должна была предложить им сделку десятилетия — настолько выгодную, что Мархана на ней разбогатеют. Благодаря местоимению, которым Фостер её называл, Яфет знал, что их связным была женщина, но больше не смог узнать ничего.

Колдун отвёл взгляд от башни, чтобы осмотреть палубу корабля. Команда, не занятая на снастях или на вёслах, открыто таращилась на приближавшуюся башню, видимо, тоже незнакомая со скользким шпилем. Капитан Фостер стоял на полуяute рядом со штурвалом. Слева от капитана находился лихой кормчий, с привычным мастерством сжимая штурвал руками со множеством шрамов. Справа от капитана стояла Серена, боевая волшебница. Женщина поймала его взгляд и подмигнула.

Яфет не ответил на жест. В некотором отношении Серена была похожа на него — она быстрее прочих научилась владеть сырьими магическими энергиями, которые пронизали мир после того, как испортились все заклинания. В отличие от него, она не скользила, отыскав лёгкий путь к магии с помощью заклинаний и пактов. Судя по снаряжению Серены, она освоила волшебство благодаря учёбе и свирепой, несгибаемой решимости.

Он закончил оглядывать палубу. Дрожащего, сумрачного силуэта с чертами порывистой девушки нигде не было видно. Это не означало, что «сновидческой формы» Анushi не было рядом. Поскольку теперь каюту с ним делила девушка,

колдун уже два дня не принимал пыльцу путешественников. Без повышенной чувствительности наркотика он был слеп к её прямому присутствию.

У него вспотели обе ладони, хотя во рту было сухо. Знакомые признаки; слишком давно он в последний раз ступал на багровую дорогу. Нужно принять щепотку. Лишь одно зёрнышко, этого должно...

Он плотно закрыл глаза, чувствуя лёгкое отвращение к неожиданной перемене своих желаний. Он дольше обычного сопротивлялся нужде ступить на дорогу, и теперь не мог сохранять самообладание. Руки зудели. Почему он сопротивляется?

Причиной была Ануша, признался себе колдун.

Почему его неожиданно стало заботить мнение девушки? Это было не похоже на Яфета. Неожиданно его плащ встрепенулся сам по себе, как будто что-то пыталось выбраться из его складок. Показалось — или его власть над порталом, зашитым в полы плаща, ускользает от недостатка сосредоточенности? Яфет не смог сдержать встревоженный стон.

Голос в ухе оборвал его внутренний ужас.

- Яфет, с тобой всё хорошо?

Колдун побледнел и резко обернулся. Он узнал этот голос слишком поздно, чтобы сдержать свою реакцию. Похоже, всё это время Ануша стояла рядом.

Яфет увидел, как на полуоткрытая большая шляпа капитана Фостера повернулась на секунду к нему, а потом — обратно к приближающейся башне.

Едва шевеля губами, Яфет произнёс в пустоту:

-Не пугай меня так. Капитан заметил, что в последнее время я странно себя веду. Кажется, он волнуется из-за призрака в сердце горгоны.

Колдуну показалось, что он услышал сдавленное хихиканье. Отсутствие у девушки физической связи с реальностью делает её безрассудной, решил Яфет.

Но разве он сам не был таким же безрассудным, избегая того, что было необходимо — если не сейчас, так позже? Неважно, что она подумает про него, если Яфет лишится рассудка из-за того, что его духовная стопа не шагнула на багровую дорогу.

Дрожащими руками он достал небольшую тусклую жестянку и вынул оттуда зёрнышко пыльцы.

- Яфет, - сразу же прозвучал её шёпот. Колдун не обратил внимания. Он запрокинул голову и уронил крохотный кристаллик в левый глаз.

Зуд прошёл. Дыхание выровнялось, руки перестали дрожать. К тому времени, как жестянка вернулась в недра его плаща, колдун уже увидел очертания сновидческой формы Анушки. Он улыбнулся в её сторону и снова посмотрел вдаль.

Воздух был похож на хрусталь, небо — на открытое стекло, а вода — на прозрачную кожу, которая радостно поддавалась взгляду, ничего не скрывая. Многочисленные следы в воде действительно оставляла рыба, хотя среди косяка плавали несколько чешуйчатых человекоподобных фигур, наполовину скрытые мельтешением. Они держали головы под поверхностью. Яфет задумался, как связаны эти существа с той, кого они должны встретить. Он мысленно пожал плечами — в настоящий момент его не слишком это волновало, поскольку эйфорическое действие наркотика продуло его разум, как порыв холодного ветра.

На балкон башни кто-то вышел. Какой-то гуманоид, родич тех, кто плавал под водой рядом с башней, предположил колдун.

Хотя до здания оставалось довольно далеко, усиленное пыльцой зрение Яфета различило круглое лицо с широкими, выпученными глазами, которые практически не моргая смотрели на него в ответ. Безгубый рот представлял собой длинную щель, рассекавшую нижнюю половину лица подобно искусственному надрезу. Одежда существа была раскрашена золотом, как и похожий на кleşню посох. Должно быть, это... самка, ради встречи с которой они преодолели весь этот путь.

Над волнами разнёсся голос капитана Фостера, по всей видимости, усиленный волшеством Серены.

- Приветствую, Ногах из Оллета! Мы пришли, как ты и просила. Давай поговорим и посмотрим, что мы можем сделать друг для друга.

Существо ответило. Её слова тоже были сверхъестественно громкими, хотя смазанными и шепелявыми, как будто органы речи были не предназначены для разговора на всеобщем. Она сказала:

- Здравствуй, капитан Фостер. И добро пожаловать в мою обитель снова.

Капитан пролаял приказы. Спустили якорь. Корабельную шлюпку подготовили для высадки и осторожно опустили через борт. На берег отправлялись капитан, Серена, Яфет и несколько нервничающих членов команды.

Яфет просто смотрел, впитывая в себя лихорадочную активность, но оставаясь от неё в стороне. Вспышки и вихри головокружительного цвета мешали его зрению, и реальность как будто гасла, сменяясь выющейся дорогой багрового цвета. Фостер подозревал его к борту корабля там, где они опустили шлюпку. Яфет заставил разум отвлечься от желанной воображаемой прогулки. Вместо этого он спустился по верёвочной лестнице в раскачивающуюся шлюпку.

На носу колыхались неровные, колышущиеся очертания Анушки. Он смотрела на башню, хотя кроме колдуна на борту никто не видел девушку. Команда взялась за вёсла шлюпки, не утруждая себя постановкой паруса на единственную короткую мачту. Вскоре судёнышко преодолело расстояние между вставшей на якорь «Зелёной сиреной» и грязным берегом.

Яфет выбрался на песок. Морская вода захлестнула края его сапог и намочила ноги. Вонь разлагающейся рыбы обожгла ноздри. Как только шлюпку вытащили на пляж, высадившийся отряд направился к основанию башни. Фостер и Серена возглавляли процессию, следом шли четыре пирата с оружием наголо. Яфет замыкал. Ему составляла компанию Ануша, чье спящее тело по-прежнему находилось на «Зелёной сирене».

Зияющая в основании башни дыра вела на узкие базальтовые ступени, которые поднимались вверх пологими петлями вдоль круглого периметра здания. Достигнув первого пролёта, пираты с оружием опередили Фостера и первыми вошли в комнату, где ждала их хозяйка.

Комната была сырой, а потолок у неё оказался таким низким, что его чуть не задевала капитанская шляпа. Как и прежде, усиленная наркотиком чувствительность Яфета показала ему полуопрозрачный зеленоватый блеск на коже капитана, складывающейся в повторяющиеся узоры.

Колдун понял, что эти узоры похожи на рыбью чешую стоящего перед ними существа, которое Фостер назвал именем Ногах.

Расхрабрившись из-за своего изменённого состояния, Яфет нарушил взаимное молчание.

- Ты уж точно не морской эльф.

Ногах уставилась на колдуна своими огромными, как тарелки, глазами и моргнула.

Капитан Фостер рассмеялся и произнёс:

- Нет, после Волшебной Чумы морских эльфов в море Павших Звёзд особо не встретишь. Не считая Миф Нантара, их города по большей части превратились в развалины, и они держатся под волнами — кто знает, когда они возвратятся и возвратятся ли вообще. Ногах — кво-тоа. Она «кнут», что-то вроде исполняющей обязанности королевы. Её народ обитает в этих водах с тех пор, как они захватили Оллет...

- Капитан Фостер, - прогундосила кво-тоа, - признательна вам за быстрый отклик. Но кто такие эти двое?

Существо указало посохом на Серену и Яфета. На Анушу, стоящую у локтя кво-тоа в нематериальном обличье, оно не отреагировало.

- Ногах, эти люди, как я и обещал, могут оказать помощь, - заявил капитан. - Серена — волшебница, а Яфет утверждает, что он — колдун.

- У них есть доступ к заклинательной магии? - поинтересовалась кво-тоа, быстро моргая.

- Да, они быстро учатся. Я видел, как они оба швыряют заклинания, чем не может похвастаться большинство старых магов — не считая лжецов.

- Хорошо, - пропела она.

Серена шагнула вперёд.

- Да, я здесь, чтобы помочь; насчёт него не скажу, - волшебница махнула на Яфета. - Я только не знаю, что за помощь вам необходима. Наш добрый капитан мне об этом не рассказывает, только твердит, что я не стану жалеть о встрече с вами.

Кво-тоа ещё несколько мгновений таращилась на Серену, потом повернулась, чтобы уставиться на колдуна.

Бурлящие мысли Яфета наконец достаточно успокоились, чтобы он мог сказать:

- Я выступаю посредником торгового магната, Беруна Мархана из Нового Саршела. У меня хватает собственных талантов, но кроме них я могу воспользоваться материальными и финансовыми ресурсами моего покровителя, если то, что услышу сегодня, по моей оценке послужит интересам Мархана.

Ногах выдохнула что-то на неизвестном Яфету языке, а затем добавила:

- Тогда смотри и слушай, - кво-тоа указала в сторону балкона. - Что ты видишь? - спросила она.

За каменными перилами простипалось море. «Зелёная сирена» покачивалась на волнах, и бесчисленные морские создания вдоль берега продолжали следовать древним инстинктам — питаться и размножаться. Яфет увидел под поверхностью воды других кво-тоа, намного ближе, чем раньше. Должно быть, они подплыли к башне на тот случай, если их повелительнице понадобится помочь с её гостями.

Капитан Фостер сказал:

- Целую кучу ничего. И?

- Я вижу мир, созревший для сбора урожая, - ответила Ногах. Яфет пытался не обращать внимания на её нечёткий, шепелявый всеобщий — как будто с каждым словом она пыталась высосать костный мозг из окровавленной кости. Из-за состояния его разума колдуну было сложно сконцентрироваться.

Она продолжала:

- Я вижу мир, умоляющий о новой цели. Мир, в котором те, кто выберет верную сторону, получат богатство, превосходящее самые дикие грёзы. Что вы на это скажете?

- Я вижу это всякий раз, когда встаю борт к борту купеческого судна и требую у них содержимое трюма, - похвастался Фостер.

- Мелочь в сравнении с тем, что предлагаю я, - фыркнула Ногах.

- И что конкретно вы предлагаете? - спросила Серена.

- Я предлагаю вам толику защиты и даже власти, когда я призову древних владык и древние народы. Когда я вызову первобытные силы, затмевающие всё, что знал ваш мир, наступят перемены. Я предлагаю вам шанс пережить эти перемены, и более того — получить из них выгоду. Возможно даже, получить некоторую власть над событиями, которыми в противном случае будет управлять судьба.

Ни Фостер, и Серена не дали немедленного ответа. Похоже, предложение захватило их врасплох. Яфет сказал:

- Очень щедрое предложение. Особенно учитывая, что большинство из присутствующих впервые видят друг друга. Если вы готовы отдать так много, значит, вам что-то от нас нужно?

Кнут кво-тоа кивнула, быстро-быстро моргая. Она сказала:

- Ну конечно.

- Если у вас есть силы призвать этих «древних владык и древние народы», - процитировал Яфет, - существ, способных переделать мир подобным образом, какая вам может понадобиться помощь?

- В том-то и всё и дело, сухопутный. Я потеряла талисман, необходимый, чтобы начать. Его украли у меня, и мне нужна помошь в его возвращении.

- Разумеется, - сказал Фостер. - А почему ты не можешь получить помошь в самом Оллете, городе, где полно других кво-тоа? Да ладно, Ногах, зачем тебе я и ребята, которых я могу собрать?

- Вы умны, капитан Фостер. Это одна из причин, почему мне так нравится вести с вами дела. Но ваше предположение ошибочно; Оллет мне не поможет. На самом деле, они хотят меня убить.

- Ты же кнут. Они не смогут лишить тебя этого.

- Могут. И лишили. Меня назвали врагом народа, еретичкой, и изгнали из церкви Морской Матери. Ни один кво-тоа не будет иметь со мной дела — только попытается в качестве трофея снять с меня шкуру.

Яфет придержал язык, хотя своим багровым взглядом видел под водой кво-тоа. Очевидно, Ногах преувеличивала степень, с которой отвергал её собственный народ. Кво-тоа, которых он видел, продолжали приближаться. Многие подошли так близко к основанию башни, что колдун уже не видел их за балконом. У кво-тоа был

странный свирепый вид — их глаза были меньше, чем у Ногах, более дикие. Странные.

Кроме того, начал меркнуть дневной свет. Морской туман клубился на волнах. Туман уже поглотил «Зелёную сирену», скрывая корабль из вида. Ведущая кромка тумана текла вперёд, посылая дрожащие струйки к берегу и башне. Яфет никогда не видел ничего подобного. Однако он редко бывал на море. Насколько он мог судить, феномен был естественного происхождения. Кво-тоа, что собирались в залитых волнами впадинах, наступающий туман не тревожил. На самом деле, судя по их пугающим ухмылкам, они были рады его пришествию.

Фостер говорил:

- Допустим, что ты не лжёшь. Тебе действительно нужна наша помощь. Кто украл у тебя талисман и где нам найти вора?

Колдун хотел узнать что-нибудь ещё про этих «древних владык и древние народы». У Яфета был некоторый опыт общения с древними сущностями, обещавшими великую силу. В подобных экстраординарных сделках не было ничего простого. Единственный «древний владыка», которого он нашёл и с которым заключил договор, в конце концов оказался тревожащей силой в жизни Яфета.

Конечно, если бы не Повелитель Летучих Мышей, багровая дорога уже давно поглотила бы колдуна. Оставаться живым было лучше, чем погибнуть, невзирая на обстоятельства. Ведь так? Он часто задавал себе этот вопрос. И несмотря на свои оковы, он получал удовольствие от разных волшебных трюков и впечатляющих проклятий, которые мог теперь призывать. А как насчёт поразительного пространства, спрятанного в складках его плаща? Другие люди готовы были отдать куда больше, чтобы носить такую штуку как предмет одежды.

С другой стороны, если бы не пакт, который он заключил с Повелителем Летучих Мышей, ему не пришлось бы подчиняться Беруну Мархане. Яфету не приходилось встречать более мерзкого и жалкого человека. Какая же запутанная череда событий поставила его в подобное положение, подумал он. Если бы только...

- Ты с ума сошла! - неожиданное обвинение Серены вернуло Яфета к действительности. Пока он в стотысячный раз обдумывал свои прошлые неудачи и глупости, другие продолжали свою дискуссию. Что-то взбесило боевую волшебницу, и даже Фостер широко раскрыл глаза от удивления. Что Яфет пропустил?

Ногах умиротворяюще подняла перепончатую руку.

- Я понимаю, что на первый взгляд наша задача...

Клок тумана достиг башни и проник на балкон. Туман казался живым щупальцем, которое что-то ищет.

- Как необычно, - сказал колдун. Он задумался, насколько в конце концов этот непроницаемый холодный фронт — естественное явление. Как минимум его усиленное пыльцой зрение с трудом проникало сквозь него.

Кво-тоа, предупреждённая его комментарием, посмотрела на надвигающийся поток тумана. Она вскрикнула, потом прошепелявила:

- Гефсимет знает!

Ногах отступила от надвигающегося щупальца тумана. Она прошипела:

- Этот туман всего лишь прикрытие — он скрывает силы, брошенные на нас великим кракеном!

«Великим кракеном?» — мысленно повторил Яфет. Что за бред?

Серена выпалила череду кратких слогов и замахала своим жезлом с красными рунами. Из ниоткуда в сторону балкона подул лёгкий ветерок. Зловещее наступление тумана замедлилось, туман замешкался и начал отступать перед лицом несильного, однако непрекращающегося ветра. Но сколько ещё чары женщины смогут его удерживать?

Крики звериного предвкушения раздались где-то под башней, глухие, но ещё более зловещие из-за пожирающего звук загадочного тумана.

- Кво-тоа... - начал Яфет сухим голосом. Он попытался стряхнуть летаргию, в которую иногда погружала его пыльца, когда он не поддавался видениям пылающей дороги. - Кво-тоа снаружи, которые стекаются к нам — они с тобой, Ногах?

Она зашипела, быстро-быстро моргая. Она сказала:

- Глупец! Я же сказала, что меня изгнали из Оллета. Морская Мать потребовала мою голову. Но хуже того, все, кого я обратила с помощью Сердца Снов, теперь следуют за Гефсиметом, великим кракеном. Он послал их против меня, чтобы я не осуществила свой план забрать то, что он украл!

Вмешалась Серена.

- Глупец? Ты просишь нас выступить против великого кракена и называешь нас глупцами?

На открытой лестнице раздался мокрый топот чешуйчатых ног.

Капитан Фостер достал из серебряных ножен свой тонкий меч. Металлические диски, утопленные в бок клинка, завертелись с точностью голема. В прямых, тонких как волосок каналах, бегущих от рукояти до кончика запульсировала зелёная жидкость, увлажняя тонкое лезвие клинка изумрудным блеском. Фостер называл этот меч своим Клинком Яда, древним, но смертоносным оружием, найденным среди затонувших руин Лантана. Продукт сгинувших ремесленников-гномов, которые использовали знания о големах и механизмах в своей работе.

Серена произнесла открывающие фразы заклинания.

Ануша... Яфет не видел её. Она пропала — или это закончилась его чувствительность от пыльцы?

- А сам великий кракен тоже появится? - спросил Фостер. Капитан смотрел в широкий, затянутый туманом выход на балкон. - Думаю, он может сюда дотянуться.

Яфет ответил набравшим уверенность голосом:

- Я видел только собирающихся кво-тоа, никаких кракенов — малых или великих.

- Что ж... может быть, ещё не всё потеряно! - воскликнул Фостер. Слабая усмешка прогнала беспокойные морщины с его лица. - С рыболюдьми я как-нибудь справлюсь. Без обид, Ногах.

Капитан повернулся к лестнице, его клинок жужжал и щёлкал, как голодное насекомое.

«Если кракен не пришёл, пока мы тут болтали», подумал колдун. Лучше в этом убедиться.

Яфет спроектировал волшебный призыв в пространство внутри своего плаща, в свою тайную крепость, в залитый тенью замок Даррок. Из окутанных мраком гнёзд зов поднял тех, кто был ему нужен. С нетерпеливыми криками и визгом, слишком

высоким, чтобы мог услышать человек, они тёмной стаей низвергнулись из раздувшегося плаща Яфета.

Серена и Ногах закричали подозрительно похожим для таких разных семейных древ тоном. Фостер, знакомый с многочисленными способностями колдуна, усмехнулся пошире.

Облако хлопающих чёрных пятен устремилось прямиком в стену тумана и немедленно скрылось из виду.

Но летучие мыши не полагаются на зрение — как теперь и Яфет. Нет, он сам стал стаей летучих мышей. Закрыв глаза внутри башни, он открыл свои чувства для определяемого звуками мира, в котором обитали мыши.

Его пальцы, удлинившиеся и состоящие только из звука, ласкали башню. Её круглые бока оставались позади. Снизу выскочила мокрая, неуверенная граница моря. Двуногие с крупными, глушащими звук глазами и твёрдой чешуйёй выползали из воды на рассеивающий звуковые волны песок, чтобы присоединиться к их братьям, уже пыхтящим и хихикающим у основания башни.

Яфет направил бурлящую стаю дальше в сторону моря. Его касание-зрение потянулось, чтобы погладить непостоянную поверхность воды. Та была непроницаемой, но её жидкая, изменчивая природа выдавала очертания того, что лежало внизу. По большей части это были надутые гребни воды, неустанно разбивающиеся о берег. Но стая различала косяки рыбы, похожие на небольшие холмы, скользящие вдоль поверхности, край полусформировавшегося кораллового рифа и даже, вероятно, затонувший корабль.

Он нигде не нашёл того, чего больше всего боялся: огромную, извилистую массу в воде, выдающую щупальца в сотню и больше футов длиной, или огромное, похожее на пузырь тело с мозгом древнее самого Импилтура. Яфет видел изображения кракена в Кэндлкипе.

Таких форм он не обнаружил, зато к ним стремительно приближалось нечто другое.

Под водой мчалась горстка похожих на баллисты фигур. У каждой был единственный высокий плавник, поднимающийся в воздух и оставляющий клиновидный след на поверхности моря. Акулы, причём крупные. Беспокоило то, что отражённый звук показывал на каждой акуле наездника, но бурлящая вода мешала колдуна отличить настоящие очертания от выдумки.

Стая летучих мышей приблизилась, нырнув вниз, чтобы пересечь линию плавников.

Яфет увидел, как из воды поднимается покрытая бородавками рука и указывает на стаю. У колдуна было лишь мгновение, чтобы рассмотреть её, чтобы понять, что слизистая, поглощающая звуки кожа — не чешуя кво-тоа, прежде чем боль оборвала его связь со стаей.

Он открыл глаза. Во рту пересохло.

- Что? - спросил капитан Фостер.

- Кво-тоа, около двадцати. Ну, может быть, это не совсем кво-тоа; они казались каким-то неправильными. И, кажется... ковен морских ведьм.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Год Тайны (1396 ЛД)

«Зелёная сирена» в море Павших Звёзд.

Противный, мокрый стук ног кво-тоа на лестнице вызвал у Ануши первобытный ужас. Она инстинктивно попыталась сбежать...

Девушка проснулась в своём физическом теле, как будто от кошмара — задыхаясь и пытаясь подняться.

Боль пронзила лоб. Оглушённая, она упала обратно, моргая в мраке, который нарушал лишь прямой, как линейка, луч света, сбегающий с её левого виска вниз мимо правой ноги. Это была щель в дорожном сундуке, где спало её тело во время сновидческих странствий. Не в первый раз она представила себя внутри саркофага. Однако в отличие от большинства обитателей саркофагов Ануша могла уйти, когда пожелает.

Девушка отодвинула дополнительную защёлку, запиравшую крышку изнутри, и с небольшим усилием откинула крышку. От яркого света в глазах выступили слёзы. Ей пришлось прищуриться, хотя свет из иллюминатора был рассеян туманом.

Клубящийся туман за иллюминатором был тем самым туманом, который она видела несущимся по волнам, обволакивая остров Хегрут. Тем самым туманом, что укрывал чешуйчатых рыбоподобных кво-тоа, пока они подходили к башне.

Её щёки потеплели. Кво-тоа не могли навредить девушке — скорее всего, не могли даже увидеть её. Но её поступок был эквивалентом испуганного бегства. Видел ли Яфет, как она удирает? Ануша надеялась, что нет. Но он, наверное, видел.

- Неужели я такой ребёнок, что бегу при первых же признаках опасности? - вслух спросила она. - Это на меня не похоже.

Голодное урчание прервало её упреки.

Одной рукой она взяла галету из разбросанных по койке вещей. Другая рука потянулась за винным бурдюком, который тоже принёс Яфет. Она откусила и принялась жевать сухую, несолёную, похожую на печенье еду, запивая её разбавленным вином. Девушка ошибочно предположила, что если будет проводить большую часть времени лёжа без движения во сне, её аппетит уменьшится по меньшей мере вдвое. Вместо этого зияющая бездна в животе сказала Ануше, что она должна поесть, если собирается устроить новую прогулку во сне. Похоже, эта активность высасывала из неё куда больше, чем обычный сон. Одежда уже и так стала слишком просторной и болтающейся. Если она не увеличит потребление калорий, то буквально потратит свою жизнь во сне.

Ануша заставила себя проглотить остатки печенья, сделала ещё один глоток из бурдюка и потом закрыла над собой крышку, улёгшись обратно в сундук.

После того, как минуло несколько десятков бесполезных мгновений, она вынуждена была признать то, что уже знало её тело.

Ануше совсем не хотелось спать.

- Ох, ну пожалуйста! - прошептала она резким от раздражения голосом.

Ещё несколько мгновений она провела, пытаясь взять под контроль дыхание и успокоить мысли. Это просто не работало. Её сердце по-прежнему колотилось от воспоминаний о кво-тоа на ступенях башни.

Рука практически сама по себе зашевелилась, ощупывая вещи, которые лежали вместе с девушкой в дорожном сундуке. Она нашла серебряный фиал, который Яфет вручил ей два дня назад. «Эликсир сонливости», как он его назвал.

Она знала, что на самом деле это наркотик. И была почти готова его принять, несмотря на презрение к привычке Яфета.

- Нет времени на брезгливость, - заявила она вслух. Она свинтила крышку и поднесла холодный фиал к губам. Ежевичный вкус расцвёл на языке, и губы зашипело, как будто она откусила от мятного листа. Вспомнив слова Яфета о счёте до десяти, Ануша быстро закрутила пробку.

Она не чувствовала никаких перемен. Неужели он дал ей просто подкрашенную воду? Может быть, колдун... всё расплылось.

Она стояла снаружи сундука, бесплотная, как галлюцинация.

Зелье Яфета определённо не было подкрашенной водой.

Ануша вылетела из кабины сквозь дверь, даже не останавливаясь. Сторожевой пёс, Счастливчик, по-прежнему бдительно стоял в узком проходе. Он взвизгнул и замахал хвостом. Она остановилась на секунду, чтобы погладить его по голове со словами: «Я принесу тебя вкусняшку в следующий раз, обещаю!»

Ануша поднялась на главную палубу. Команда в беспорядке стояла с оружием в руках, нервно глядя на тянувшийся во все стороны непроницаемый туман. Высокие мачты впивались в потолок из белой пушистой плёнки. Весь корабль как будто оказался в коконе из огромных пуховых перин.

Что дальше? Сможет ли она плыть в таком состоянии? Пройти по дну? В сновидческой форме девушка могла не дышать. Она полагала, что может пройти сквозь воду так же легко, как сквозь твёрдые стены.

Матрос у перил правого борта неожиданно изумлённо выругался. Он указал за борт и прокричал:

- Из супа что-то вышло!

Ануша и ещё несколько пиратов тоже подошли к перилам.

Из тумана показалась женщина. Она балансировала на чём-то вроде низкого плата, длинного и узкого, украшенного торчащим плавником, похожим на акулий. Рядом с женщиной на её странном плоту прямо под поверхностью воды гребла ещё одна фигура, но из-за тумана разглядеть плывущее существо не представлялось возможным.

Женщина была старой! Её кожа, покрытая нарывами и мокнущими язвами, выглядела болезненной и жёлтой. Её волосы были грязными и состояли как будто из гниющих водорослей.

Жуткий облик женщины вызвал стон ужаса у команды. Несколько человек рухнули, как будто сила покинула их конечности, как вытекшая из чашки вода.

Новоприбывшая забулькала, как будто захлёбываясь; это был возглас наслаждения. Старуха уставилась на пирата, который первым заметил её

приближение. Её глаза загорелись изнутри красной пульсацией, такой яркой, что багровый свет озарил туман на дюжину шагов вокруг.

Матрос вскрикнул и упал на палубу. Его голова и конечности неожиданно обмякли, как у марионетки с обрезанными ниточками. Он был мёртв.

Оставшаяся команда совсем не по-пиратски начала стонать и выть. Они бросились прочь от перил, врезаясь друг в друга и иногда падая. Ануша оказалась прямо на пути отступающих матросов, тоже крича от шока и ужаса, хотя её голос почти терялся среди чужих криков. Те, кто не мог бежать, ползли прочь от борта. За несколько мгновений у перил остался лишь тот, чье сердце остановил дурной глаз. Все взгляды устремились к перилам, виднеющимся на фоне клубящегося тумана. В груди моряков бился страх.

Ануша прислушалась, пытаясь различить новый булькающий смех, или, что ещё хуже — звук чего-то, пытающегося вскарабкаться на корабль, но различила только шумное дыхание, молитвы шёпотом и волны, плещущие о борт «Зелёной сирены».

- Будь я проклят! Я ведь говорил капитану, что вместо флибустьеров в последнем порту мы набрали испуганных детей. Похоже, я был прав! - раздался насмешливый голос.

Ануша обернулась и увидела здоровенного первого помощника, Нироту. Уперев руки в боки, он стоял у большого отверстия, соединявшего палубы.

- Нирота, - взмолилась женщина слева от Ануша. - В тумане... в тумане морская ведьма! Она убила Роджера простым взглядом!

- Проклятый Роджер всё равно был полным тупицей! Говорю только раз и повторять не буду: вам платят не за то, чтобы вы нюни распускали, когда на «Зелёную сирену» нападают. Поднимайте задницы, ублюдки недоношенные! Хватайте оружие и защищайте корабль, иначе, клянусь чёрными гвоздями Бэйна, я позабочусь, чтобы вы все сплясали джигу, болтаясь на рее!

Несколько членов команды, которых, похоже, Нирота пугал не меньше, чем существо в тумане, достали оружие. Кое-кто даже сделал несколько осторожных шагов к перилам.

Ниже ватерлинии раздался треск, и целый корабль слегка накренился. Пираты завопили. Нирота выругался и шагнул вперёд, сжимая своими руками здоровенную чёрную саблю.

На перилах появились руки втрое крупнее рук первого помощника, а затем последовало огромное тело с тёмно-зелёной чешуйей и косматыми волосами. От существа исходила невыносимая вонь, как от бочки с рыбой, гниющей три дня в темноте. Оно взревело, показав почерневшие зубы с полуразложившимися останками предыдущих трапез.

Старуха, которую Ануша видела внизу, сидела у чудовища на плечах, цепляясь за его волосы.

- Ко мне! - закричал Нирота и вступил в бой с тварью. Первый помощник больше не казался таким массивным в сравнении с этим жутким подводным созданием, угрожающим «Зелёной сирене». Половина пиратов подошла, чтобы помочь первому помощнику. Ещё четверть застыли на месте, онемев от ужаса. Оставшиеся сбежали с палубы, чуть не всхлипывая от ужаса.

«Что же мне делать?» — задумалась Ануша. Она посмотрела на своё нематериальное тело и увидела, что одета в дорогое платье, которое, похоже, подсознательно предпочитала носить во сне. Едва ли подходящий наряд для воина.

Тогда она вспомнила доспехи Имфраса Хельтарна. Имфрас был великим военачальником, который три века назад избавил Восточный Предел от мародёров-хобгоблинов, положив конец Годам Без Короля. Фантастические золотые доспехи старого правителя были выставлены в атриуме Великого Совета в Новом Саршеле. Она видела их много раз. Значение этих доспехов входило в число исторических познаний, которые задержались в её памяти. Наставник мог бы гордиться ею.

Сможет ли она провести изменения в гардеробе, просто пожелав этого, как в обычных снах? Ануша сосредоточилась. Её платье замерцало и расплылось.

Высокий шлем обхватил её голову, тонкий горжет обернулся вокруг шеи, широкие наплечники защитили и увеличили её плечи, из локтей выросли хитроумно устроенные налокотники, рифлёные наручи обволокли запястья, и золотая кираса невероятной красоты и прочности обняла туловище.

Она сжала свои руки в рукавицах с безупречными сочленениями и поняла, что ей необходимо оружие.

В поднятой руке засверкал длинный меч, на тонком клинке которого пылал герб Мархана. Это был такой же клинок, как тот, что висел над камином в главном зале семейного особняка. В настоящей жизни меч был для неё слишком тяжёлым. Во сне он был лёгким, как веточка орешника.

Она глубоко вздохнула, наслаждаясь образом, в который себя облекла.

Ну хватит, пристыдила себя девушка. Ты всего-навсего переоделась.

Снаряжившись для боя вместо бала, Ануша двинулась к уже разгоревшемуся сражению.

Вонючий монстр возвышался над толпой пиратов. Несколько человек валялись, покалеченные, на палубе. Нирота всё ещё стоял, с точностью орудия своей саблей. У него получалось сдерживать огромную тварь с помощью защитных взмахов и уворотов. Из дюжин порезов на чешуйчатых лапах чудовища струилась кровь.

Морская ведьма спешилась и осталась стоять спиной к перилам. Она сделала жест своими сморщенными от воды руками, напевая булькающим голосом. Туман у неё над головой забурлил. Нирота и команда этого не заметили; их внимание было приковано к чудовищному, похожему на тролля существу, которое пыталось их сожрать.

Ануша стала обходить бой по периметру, пока не достигла перил. Её не заметили ни пираты, ни атакующие. Ей почти хотелось, чтобы они могли видеть её великолепный новый облик. Страх быть раскрытой исчез от возбуждения успешной трансформации.

Ведьма продолжала напевать, и бурлящий туман над её головой быстро превращался в настоящий вихрь, продолжая увеличиваться в размерах. В его середине мерцал красный свет. Свет напомнил Ануше о пульсации в глазах ведьмы, которая похитила жизнь Роджера. Алый вихрь казался достаточно большим, чтобы охватить весь корабль.

Страх нашёл Анушу, несмотря на её доспехи. Вернулось желание сбежать или проснуться.

Просыпаться было бы ошибкой, подумала она. Если в корабле проделают дыру и он затонет, я утону в собственном теле. Ануша шагнула вперёд, высоко поднимая свой сновидческий меч.

Зловещий воздушный вихрь становился всё быстрее и шире, а девушку с занесённым клинком охватили сомнения. «Меч» в её руках не был даже настоящим.

Она толкала и прикасалась к вещам своими нематериальными руками. Почему бы не сработать нематериальному клинку? Почему бы не просто перемещать, а резать? Нужно было попытаться воспользоваться мечом для воздействия на настоящий мир. Может быть, нужно представить, что сталь сновидческого клинка очень прочная и может резать не только призраков? Сработает ли? Она не знала.

Нет, решила она, я представлю меч таким же невесомым, как мои руки и тело, представляю, что он — моё продолжение. Её сновидческая форма могла проходить сквозь всё, что угодно, включая живых существ, но, как узнала девушка в трюме, она плохо воздействовала на живых созданий, через которых проходила. Сновидческая и настоящая плоть, очевидно, не слишком ладили.

Ануша прошла несколько последних шагов и обрушила меч вниз неловким ударом. В последнее мгновение глаза морской ведьмы вспыхнули, каким-то образом ощущив присутствие Ануши. Ведьма дёрнулась в сторону, но этого было недостаточно, чтобы полностью избежать удара.

Сновидческий клинок задел лоб старухи. Вспышка тёмно-синего пламени на мгновение осветила и ведьму, и девушку в доспехах. Старуха издала удивлённый вой боли. Красный вихрь над головой мгновенно обрушился, превратившись в облака тумана.

Когда Ануша коснулась пирата в трюме, тот немедленно рухнул дрожащей бессознательной грудой.

Ведьма задрожала, да, и было видно, что ей больно, но она не упала. Вместо этого она взвизгнула:

- Защищай мать!

Огромное морское чудовище оглянулось — из его пасти торчал пожёванный сапог неудачливого пирата, а в одной руке было зажато побитое тело рулевого. Чудовище использовало воняющего рулевого как булаву.

Нирота немедленно воспользовался тем, что тварь отвлеклась, и оставил глубокую рану у неё в животе. Тварь пошатнулась, хлынул ихор. Она бросила рулевого и снова сосредоточилась на первом помощнике, забыв приказ «матери». Впервые Ануша подумала, что пираты ещё могут победить создание моря. По крайней мере, если разделаться с морской ведьмой.

Та продолжала пятиться прочь от Ануши. Взгляд запавших глаз ведьмы продолжал метаться из стороны в сторону. Вытянув перед собой руки в попытке защититься, она закричала в туман:

- Сёстры, на меня напал призрак! Подойдите ближе, чтобы мы могли изгнать его обратно в Царство Теней, из которого он сбежал!

Не впервые Анушу принимали за простого духа. Жаль, что ведьма не могла видеть её великолепные доспехи. Тогда бы она поняла, что столкнулась не просто с блуждающим привидением. С другой стороны, когда ведьма посмотрела на Роджера, тот упал замертьво.

- Сёстры! Вернитесь! Я в опасности!

Ануша шаг за шагом преследовала отступающую ведьму. Но продолжала сдерживать удар. Она просто не могла заставить себя добить старуху. Ануша понимала, что ведьма — чудовище, которое убьёт и сожрёт её... но сейчас она просто не могла. Если она добьёт ведьму, будет ли это убийством? Будет ли старуха умирать с криками и в судоргах? Ануша опустила меч. Нерешительность становилась мучительной.

Вместо того, чтобы нанести удар, Ануша сказала:

- Если пообещаешь покинуть корабль и уйти навсегда, я не стану тебя убивать?

Из-за неуверенности девушки ультиматум превратился в вопрос.

Блуждающий взгляд морской ведьмы следил за словами Ануши. Старуха пробормотала:

- Гефсимет может сделать со мной кое-что похуже смерти. Посмотри в мои глаза, и я тебе покажу!

Ануша невольно посмотрела в глаза ведьмы.

Красные глаза пылали цветом свежепролитой крови. Ануша увидела свою смерть в этом кровавом взгляде. Он захватил её.

От тошноты её сновидческая форма пошла волнами и трещинами. Надежды, воспоминания и обиды опали с неё, как опадают в воду листья с мёртвого дерева.

Проснись, приказала себе девушка. Проснись, проснись!

Она не проснулась. Пылающий глаз морской ведьмы удерживал её на месте... или это был наркотик Яфета? Колдун сказал ей использовать его только тогда, когда можно было проспать несколько часов. От этой угрозы Ануша так легко не сбежит. Ей нужно было выбирать — убить или погибнуть.

Сновидческие доспехи разворачивались, как погребальный саван. Ануша подняла свой дрожащий, распадающийся сновидческий клинок и погрузила его в живот морской ведьме. Из раны хлынула настоящая кровь.

Вопль ведьмы звучал так пронзительно, что Ануша едва не отдернулась. Но она сдержалась. Она держала свой дрожащий меч в теле морского существа, усилием воли придавая клинку вещественность и остроту бритвы. Она погрузила клинок ещё глубже, сосредоточившись на его твёрдости.

Последняя, полная грусти мольба морской ведьмы о помощи сестёр растворилась в тумане. Потом старуху рухнула и застыла без движения, не дыша. В смерти она казалась похожей на спящую бабушку, мирную и не представляющую никакой угрозы. Кровь сочилась из её раны, такая же красная, как и у любого человека.

Единственным ответом, которого добилась мольба морской ведьмы, стало появление стаи летучих мышей, которые кружились над «Зелёной сиреной». Когда туман вокруг корабля начал таять, летучие мыши прекратили свой осмотр и улетели обратно в сторону острова с башней.

- «Зелёная сирена» выдержала туман, - сообщил Яфет, по-прежнему делая лихорадочные вздохи между предложениями после боя. - Я так и знал, что там были три морских ведьмы! Та, что не напала на нас, пыталась захватить корабль.

- Что? Что с моим кораблём?

Колдун продолжал:

- Твоя команда победила ведьму.

Он продолжал держать глаза закрытыми, пока его летучие мыши передавали изображение скрюченного тела у перил корабля и чего-то тёмного и крупного, шагающего от корабля к открытому морю.

- Это... морской троль? Нирота прогнал какое-то морское чудовище обратно в воду. Хорошо, что ты оставил его на борту.

- Случайность, - заметил капитан Фостер. - Он так напился грога, что я не смог его разбудить.

Крылатые слуги Яфета влетели в распахнутое балконное окно и исчезли в его бездонном плаще.

Серена, хриплым от чтения заклинаний голосом прокомментировала:

- Неплохая накидка, Яфет.

Он просто кивнул. Женщине незачем знать о происхождении его плаща.

Серена стояла рядом с Фостером. Неподалёку опиралась о стену Ногах, а два выживших члена команды следили за входом. Неподвижные тела побеждённых кво-тоа усеяли пол и лестницу за ним. Среди них лежали обожжённые и по-прежнему дымящиеся морские ведьмы, которых наконец-то поверг последний впечатляющий залп заклинаний Серены.

- Мы выстояли, - произнесла Ногах своим булькающим голосом.

Серена развернулась на каблуках, обвиняюще ткнув в неё пальцем.

- Из-за тебя мы заслужили враждебность великого кракена! Мы не соглашались на твой нелепый замысел, но он уже посыпает своих слуг, чтобы убить нас. Прикончим тебя сейчас и покажем этому Гефсимету, что мы ему не враги.

Женщина посмотрела на пиратского капитана в поисках поддержки.

Фостер положил ладонь на плечо боевой волшебницы.

- Серена, может быть, мы так и поступим, но давай сначала немного поговорим, ладно?

Яфет заметил, что несмотря на заботливый тон мужчины, его вторая рука лежала на рукояти ядовитого меча.

Серена фыркнула — было заметно, что она сдерживает желание обрушить на жрицу кво-тоа особенно коварную атаку из своего арсенала заклятий. Наконец она буркнула:

- Ну так говорите.

Капитан Фостер кивнул и сказал:

- Во-первых, я хочу узнать, с каким подвидом кво-тоа мы только что столкнулись? Я никогда не встречал таких раньше.

Ногах медленно кивнула. Её глаза были очень крупными в сравнении с глазами многочисленных мёртвых созданий, валяющихся вокруг. Она сказала:

- Гефсимет проделал это с помощью Сердца Снов. Он искал их тела. Я чувствовала такой потенциал в Сердце, но ни разу его не использовала.

Капитан нахмурился, и, кажется, хотел спросить что-то ещё, но передумал. Вместо этого он ухмыльнулся и сказал:

- Подумайте вот о чём. Эта беспричинная атака — послание для нас. Можно сказать, что Гефсимет раскрыл свои карты. Великий кракен боится! Он пытался запугать нас, заставить страх указать нам решение, предложенное Сереной. Он надеется, что мы бросимся наутёк от Ногах. Что ж, я вижу всё так: великий кракен считает, что у нас есть шанс на успех, раз устроил такие неприятности!

- Чушь, - ответила Серена. - Ты серьёзно предлагаешь бросить вызов существу настолько могущественному и всеведающему, что он знал, когда и где напасть на нас ещё до того, как мы согласились противостоять ему?

Вмешалась Ногах:

- Скорее всего, Гефсимет знает, что мы собирались против него благодаря изучению Сердца Снов. Но Фостер прав. Великому кракену известно, что я владела камнем куда дальше него. Он знает, что я лучше управляюсь с Сердцем. Чем ближе я подхожу к Сердцу, тем больше моя власть над ним и над Гефсиметом. Доставьте меня достаточно близко и в достаточной короткий срок, и я смогу вернуть артефакт! В последние несколько месяцев я только к этому и готовилась.

- Если ты так хорошо умеешь управляться с этим булыжником, то каким образом кракен смог его у тебя украсть? - возразила Серена.

- Он застал меня врасплох. Возможность того, что кто-то попытается отобрать артефакт, не входила в мои расчёты. Но, как я уже сказала — я готовилась. В следующий раз, когда буду достаточно близко, Гефсимет пожалеет о том, что украл мою законную добычу!

Зеленоватая слюна показалась на широких губах кво-тоа.

- Ммм, да, - задумчиво протянул Фостер, энтузиазм которого поутих. Он посмотрел на Яфета. - А ты что думаешь?

Яфет думал, что Ногах может быть немного чокнутой. Но он подозревал, что безумие — обычное среди кво-тоа состояние, с которым они научились справляться. Колдун ответил:

- Вы оба правы. Гефсимета беспокоят любые потенциальные соперники. Но стоит ли ему волноваться? Нельзя отбрасывать его способности; великий кракен может легко убить нас.

- Точно! - согласилась Серена.

- Однако, несмотря на его огромную силу, - продолжал Яфет, - Ногах объявила, что артефакт, украденный Гефсиметом, может лишь увеличить её, увеличить настолько, что кракен сможет угрожать не только обитателям моря Павших Звёзд. Я бы не хотел, чтобы такое произошло, если смогу этому помешать.

Фостер улыбнулся. Колдун знал, что капитана ни капли не беспокоит безопасность существ под, над или за морем, но ему нравилось, куда клонит Яфет. Сам Яфет был удивлён, выражая своё беспокойство. Должно быть, в нём говорили остатки пыльцы путешественников.

С другой стороны, если Сердце Снов действительно такой могущественный артефакт, как описывает Ногах, кракену его оставлять нельзя. Как и безумной жрице кво-тоа, если подумать. С другой стороны, лорд Мархана тоже станет плохим выбором. Когда дело касалось злых артефактов, хорошего выбора не существовало.

Серена поняла, что Фостер, Ногах и Яфет согласны друг с другом. Она громко заявила:

- Я отказываюсь быть частью этого. Я не...

- Ну и ладно! - взорвался Фостер. - Мы продолжим втроём. Иди своей дорогой. Для чётного числа мы найдём кого-то другого. Но ты отмечена, Серена. Теперь великий кракен знает тебя. Если мы потерпим неудачу, Гефсимет рано или поздно найдёт тебя, без друзей и в одиночестве, и отомстит.

Лицо боевой волшебницы покраснело, пока она пыталась придумать отповедь.

Фостер не дал ей шанса ответить; он посмотрел на Ногах и спросил уже спокойным голосом:

- Ну так где находится Гефсимет?

Ногах покачала своим посохом. Она облизала длинным языком губы и объявила:

- Фостер, ты сам не знаешь, насколько был прав. Ты сказал, что великий кракен отправил нам послание с помощью этой атаки. Я согласна. Он сообщил нам, что боится поражения. Более того, он также сообщил, где начинать его поиски.

- Разве?

- Кво-тоа, которых он использовал для нападения — они не из Оллета, как я сначала подумала. Они несли племенные знаки единственной другой колонии в море Павших Звёзд.

- Здорово, что ты заметила, - капитан кивнул. - Где эта колония?

- Эти кво-тоа несли знаки тех, кто обитает в Тауниссике.

Капитан поднял брови и махнул рукой, предлагая Ногах продолжить.

- Несмотря на всё твоё знание моря, я бы удивилась, зная ты о Тауниссике. Это неудачная колония. Шесть лет назад несколько сотен обездоленных кво-тоа покинули Оллет. Они были частью подсекты, заповеди которой требовали постоянно расширять территорию кво-тоа. Поэтому они покинули Оллет, чтобы основать лагерь на глубоком атолле. Тауниссик, как называли его старые записи моркотов, отличается значительными зарослями кораллов на затонувшей горе. Шло время, а вестей о прогрессе колонии не было. В Оллете мы считали их погибшими. Очевидно, мы ошибались; Гефсимет нашёл колонию. И поработил колонистов.

Капитан хлопнул в ладоши.

- Прекрасно! Нам предстоит ещё одно путешествие! Назад на корабль. Курс на Тауниссик! Ногах будет нашим проводником.

Серена нахмурилась, но не стала перечить капитану.

Яфет заметил:

- Я плохой пловец. Какая часть этой колонии расположена под водой?

- Не беспокойся, человек, - сказала Ногах. - У меня есть эликсир, который сбережёт тебя и женщину, если придётся спускаться под волны.

- А что насчёт него? - спросил Яфет, указывая на капитана, повернувшегося спиной, чтобы подобрать слетевшую в бою шляпу.

Ногах пожала плечами.

- Фостеру эликсир не нужен.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Год Тайны (1396 ЛД)

К западу от Натлана

Пища не касалась губ Рейдона Кейна. Иногда он отпивал из бурдюка. Его глаза были открыты, но смотрел он вовнутрь. Память превратилась в театр, извергающий его прошлое. Он заново переживал все события, в которых присутствовала Эйлин. Рейдон был хозяином собственного разума, и его воспоминания длились долго.

На второй день в глазах засияли, а потом потекли по щекам слёзы. Рейдон почувствовал вкус соли.

На третий день он вздохнул. Он сунул руку в сумку и достал рацион из сухих фиников, миндаля и яблок. Он откусил. Позднее он съел целый кусок, а потом ещё один.

На четвёртый день Рейдон поднялся на ноги, опираясь на огромный грязный булыжник. Боль пронзила суставы. К физической боли он привык. Другие могли бы принять боль за признак собственной несостоятельности. Рейдон решил считать уколы и долгие приступы ноющей боли доказательством продолжающегося существования. Его боль была связью с прошлым, которую невозможно отрицать. Боль успокаивала его и сохраняла рассудок, пока воспоминания об Эйлин, приносящей ему цветок нарцисса, Эйлин, получающей золотую кормирскую монету из его рук, Эйлин, разыскивающей его во время игры в прятки... пока эти и другие мучительные образы угрожали снова расколоть его надвое.

Гора на горизонте упрямо висела в воздухе, отрицая законы природы и даже, возможно, волю самого Сильвануса... если тот уцелел. Как утверждал говорящий из ниоткуда голем, даже среди богов сейчас царит беспорядок, ведь их уютные царства трещат и рушатся, уступая место новому равновесию.

Рейдон потерпел подбородок, удивляясь, почему разумная сущность не попыталась возобновить разговор. Если голем был заточён в экстрапланарном подземелье, ему наверняка одиноко. С другой стороны, он не был живым — это был волшебный конструкт. Может быть, концепции вроде одиночества не имели для него смысла.

Хриплым от долгого молчания голосом Рейдон произнёс в воздух:

- Путеводная Звезда, ты здесь?
- Конечно, Рейдон, - сразу же раздался ответ.

Монах сказал:

- Я рад. Похоже, без меня мир продолжил своё движение. Весь мир, кроме тебя.

- Я никогда не был частью мира, Рейдон, по крайней мере до твоего пробуждения. Я готовил себя к долгим десятилетиям тьмы. Потом из пустоты засиял свет, когда ты впервые призвал силу своего Символа, и я понял, что ещё не потерян. Осмелюсь предположить, что из нас двоих я чувствую большую радость.

Рейдон кивнул. Похоже, конструкт всё-таки способен чувствовать нечто вроде одиночества. Но мог ли он чувствовать потерю? Когда голем вспоминал прошлых

знакомых, ныне погибших, излучала ли полость у него в груди волну отчаяния, грозящего мысленным опустошением? Монах не осмелился отвечать, боясь, что его голос дрогнет.

Спустя несколько мгновений Путеводная Звезда спросил:

- Что ты предлагаешь, Рейдон?
- Я знаю только одно, голем: я голоден. Мне нужна еда.
- А после того, как найдёшь пропитание? Что будешь делать?

Монах отрицательно покачал головой.

- Ничего. Я предлагаю существовать. Это всё. Мои дела и прошлая борьба ничего не принесли. Мой величайший акт доброты закончился тем, что ребёнок погиб в одиночестве. Больше я не совершу такой ошибки. Бессмысленные попытки улучшить мир лишь усугубляют его несовершенство. Мои учителя были правы; существуй в текущем мгновении, а не создавай его.

Край высокого белого облака заслонил солнце, бросая прохладную тень на склон холма.

Путеводная Звезда заговорил снова.

- У тебя есть Символ Лазури...
- Я бы сбросил его, если б мог, даже несмотря на то, что это подарок от матери. От него одни неприятности. К тому же ты говоришь, что Предатель сбежал из Звёздной Бездны. Знак пятнает мою плоть лишь затем, чтобы напомнить — это бесполезный символ дела, которое потерпело поражение.

- Пока что нет.

- Нет?

- Угроза, для борьбы с которой были созданы Хранители Символа, продолжает существовать, и, вероятно, она ближе, чем когда-либо прежде. В Эпоху Рассвета в мир проникли чудовища из сводящих с ума измерений. Эти существа, большие и малые, инстинктивно приближают день, когда сам Фаэрун будет поглощён и переделан заново по их собственному безумному образу и подобию. Твоя обязанность, как Хранителя — помешать этому.

- Я не Хранитель.

- Рейдон, хотя я могу ошибаться, существует вероятность, что ты — единственный мобильный Хранитель на всём Ториле.

- Я не выбирал такую роль. Я не Хранитель.

- Ты сражался с aberrациями всюду, где находил их. Ты не принимал обет, но действовал как человек, присягнувший этому делу. До Волшебной Чумы ты десять лет делал это почти без передышки.

Рейдон нахмурился, потом сказал:

- А что с другими Хранителями — Кирил и Дельфи? И что насчёт тебя? Ты принадлежишь Символу и, насколько я помню, представляешь собой более чем способного защитника.

- Дельфи отправилась в Сильдеюр пятнадцать лет назад и не вернулась. После падения этого королевства её судьба или судьба её сородичей мне неизвестны.

Рейдон спросил:

- А мечница?

- Кирил и меч Ангул покинули Звёздную Бездну. Они вернулись в Фаэрун и жили почти как прежде. Чтобы оплатить жильё и выпивку Кирил продавала свой меч любому, у кого водилось золото. В конце концов, она повстречала предыдущего нанимателя, дварфа по имени Тормуд. Я потерял её след в раздираемых переменами Вилхонских Дебрях. Год Синего Пламени она пережила, но после него попала в активный карман Волшебной Чумы, из которого уже не вернулась.

Монах хмыкнул. Хотя конструкт и не говорил этого напрямую, он подразумевал, что последние два присягнувших Хранителя потеряны без вести и скорее всего мертвы.

Рейдон настаивал:

- Но ты уцелел.

- Сейчас я отрезан от мира. Я могу воздействовать на Фаэрун только через тебя и твой Символ. Я могу обеспечить тебе поддержку, совет и иногда даже транспортировку, но сам вступить в войну не способен.

- Войну, говоришь.

- Конфликт начался. Пока только мелкие стычки, но вскоре последует и настоящая бойня — когда на поверхность поднимется древний город Кссибу.

Монах обошёл булыжник по периметру, одной рукой проводя по грубому камню. Это не было проявлением невежливости, попыткой скрыться от голема; Путеводная Звезда всегда присутствовал рядом. Рейдон задумался, сможет ли оборвать связь. Но имя Кссибу разожгло беспокойство в глубинах памяти.

- Путеводная Звезда, я помню это название, но ты, Кирил, Дельфи и все остальные никогда не рассказывали мне о природе Кссибу и «Господства Аболетов». Аболеты давно погрузились в глубины мира. Что в этом Кссибу такого ужасного?

- Две вещи. Первое и наименее страшное — обычные колонииabolетов надёжно и неподвижно заперты под землёй. Кссибу отличается. Он подвижен. Он может вырваться на поверхность Фаэруна, как указывают предыдущие прорицания.

Монах кивнул. Это определённо была причина для беспокойства.

- А второе?

- Второе — в Кссибу живут изначальныеabolеты. Это предки народа, который проскользнул в наш мир ещё прежде, как тот остыл после созидательного пламени. Этиabolеты были старыми уже тогда, когда солнце было молодым. Кссибу — трон Господстваabolетов, отличающегося непостижимой злобой. Им правит Древнейший,abolет такого размера, что его возраст не поддаётся исчислению. Он определённо старше того времени, когда Абейр-Торил раскололся на части. Если Кссибу поднимется и проснётся Древнейший, Фаэрун столкнётся с новой катастрофой, которую на сей раз будут направлять чуждые, бесчувственные разумы, которые воспринимают мир совсем не так, как ты или даже я.

Монах не ответил. Вместо этого он посмотрел на южный горизонт, приняв упрямую позу.

- Если это случится, Рейдон, - продолжал Путеводная Звезда, - погибнет куда больше охваченных страхом детей, чем одна только Эйлин.

Монах втянул в себя воздух, как будто его с силой ударили в живот. Его глаза помрачнели, кулаки сжались. Другой цели, кроме булыжника, не было, и монах

обрушил на него сокрушительный удар. Камень затрещал, полетели осколки. Заболели, потом онемели костяшки.

Рейдон зашипел, сделал глубокий вдох, потом опустил обе руки по бокам, на первый взгляд взяв себя в руки. Жалость, которую он ранее почувствовал к конструкту, пропала. Он понял, что Путеводная Звезда был манипулятором с головы до ног. Голем говорил лишь то, что по его рассчётом скорее всего вызвало бы желаемые действия. Ну что ж, ладно. Монах будет вести себя так, как голем того заслуживает.

- Ты хочешь стыдом вынудить меня к действиям, Путеводная Звезда?

- Я всего лишь говорю правду.

- Действительно. Что-то я сомневаюсь. Но дискуссии ради, давай предположим, что я приму этот вызов. Как мне предотвратить подъём Господства Аболетов?

- Тебе необходимо помедитировать над Символом, который стал частью тебя самого. Тебя не обучали его использованию, но я могу тебя направлять. Символ может показать тебе, что происходит в мире, какие угрозы возникают, и как тебе лучше им противостоять.

- Ты говоришь о большой власти.

Путеводная Звезда молчал. Наконец Рейдон спросил:

- Способен ли Символ, который я ношу, выполнить такую задачу?

Монах уселся в позу лотоса, предназначенную для медитации.

- Символ силён лишь настолько, насколько силён его носитель.

- Тогда будем надеяться, что мои навыки меня не покинули.

Монах решил, что с последним заявлением голем прибегнул к новой стратегии. Как будто Рейдон был достаточно недалёк, чтобы сгоряча ответить на такую очевидную провокацию. Но Рейдон задумался. Независимо от тактики Путеводной Звезды, если то, что говорил голем, было правдой, разве он не должен помочь? Если Рейдон не предпочтёт смерть вместо продолжения существования, разве его честь не потребует сделать то, о чём просит голем? Вероятно, ему нужны были дополнительные сведения для принятия обоснованного решения.

- Путеводная Звезда, я хочу знать больше. Расскажи мне, что делать.

Голем из Звёздной Бездны не стал медлить с ответом.

- Медитируй над Символом. Пробуди его своей волей. Попроси его показать грядущую опасность.

Не новичок в медитации, Рейдон призвал свой фокус. Он сдержал изумление, обнаружив, что не способен найти его моментально. Многое произошло с тех пор, как он в последний раз терял себя в гармонии единственной мысли. Поэтому он посидел немного, вспоминая это чувство. Рябь в сознании становится гладкостью. Один за другим исчезают раздражители...

Фокус вернулся. Монах представлял его как хрустальную линзу. Рейдон направил её внимание на непрошенный узор, который охватывал его грудь.

Он мог различить очертания символа, похожего на дерево, размытые, подобно полузабытым лицам давно утраченных друзей. С сосредоточенной решимостью он заставил символ раскрыть его тайны.

Тот не раскрыл ничего.

Монах был терпелив; у него было полно времени. Он продолжал созерцать образ. Как говорили в храме Сянь, Рейдон мог взглядом снимать краску со стен, если дать ему достаточно времени.

Постепенно он заметил обесцвеченные участки среди линий, пятна серого на чёрном. Пятна стали цветом; потом цвет превратился в формы. Черты символа растянулись в стороны, превращаясь в окно, ведущее в другое место.

Рейдон увидел затянутую туманом башню на небольшом островке. Дюжины чешуйчатых, рыбоподобных гуманоидов выскачивали из воды и штурмовали башню. Позади них шагали две мокрых старухи, читающих богохульные заклинания.

В созданиях скрывалась порча аберраций. Рейдон не понимал, откуда ему это известно, но предполагал, что знание передал ему Символ. Хотя сами существа не являлись аберрациями, часть их души была отдана чему-то чудовищному.

Рыбий народ пытался одолеть нескольких защитников, удерживающих башню. Среди обитателей башни был морской капитан в пышной одежде вместе с четырьмя людьми в корабельных костюмах: женщина в белоснежном халате, мужчина с глазами цвета крови и в таком тёмном плаще, что тот казался скорее аурой, чем одеждой; красивая девочка, расплывчатая, как сон; и, как ни странно, ещё один чешуйчатый гуманоид с порчей, который сражался на стороне людей вместо своих собратьев.

Молодая женщина с туманными очертаниями охнула и исчезла, прежде чем нападавшие нанесли первый удар.

Штурм был свирепым.

Капитан потерял шляпу в первой волне, но его щёлкающий, жужжащий меч сеял смерть всякий раз, когда мокре лезвие пронзило чешую. Двое людей в корабельной форме пали под первыми ударами.

Мужчина в плаще пробормотал что-то, похожее скорее на мольбу, чем на заклинание. Массивная железная корона появилась на голове одной из старух. Выступы короны извивались в металлической агонии, и как будто обезумев, старуха начала убивать собственных союзников. Рыбий народ падал замертво под её смертоносным взглядом.

Женщина в белом швыряла огонь и молнии в ряды наступавших. Её взгляд плясал, и она кричала от мрачного торжества всякий раз, когда убивала врага. Она уничтожила оставшуюся старуху вспышкой пламени.

На опытный взгляд Рейдона нападавшие чудовищно недооценили глубину и силу защитников башни. Бой был окончен.

Но нет, на самом деле нет. Сквозь предоставленное Символом окно Рейдон видел, что нападавшие были чьими-то пешками, пешками того, кто не вступил в бой сам. Линии связи подобно рыболовной леске уходили в море. Морской народ и морские ведьмы были всего лишь пальцами более могущественного и ужасного существа. Существа возможно даже более абerrантного — или, по крайней мере, заражённого самым омерзительным безумием.

Что это за существо? Он сосредоточился на бесплотных линиях связи, пытаясь пройти по ним от нападавших к их источнику. Монах знал о присутствии Путеводной Звезды — голем разделял с ним зрение посредством Символа. Он понимал, что конструкт молчаливо ему помогает, позволяя использовать Символ

таким необычайным способом, несмотря на его нехватку опыта. Теперь, когда Символ был частью Рейдона, нужно было научиться использовать его осознанно и без посторонней помощи. Но пока что он позволил голему управлять своим бесцелесным путешествием по тонким усикам вдоль моря, которые тянулись бесконечные мили на запад.

За десять ровных мгновений созданное Символом окно показало морскую гору, окружённый коралловыми выростами из моря. С расположенной в небесах точки зрения Рейдона открывался вид на небольшой остров в форме толстого лунного серпа. Солёная лагуна заполняла открытую центральную часть острова. Между сухой землёй и душным болотом виднелись круглые беспорядочные строения.

Монах попытался опознать странную архитектуру, но окно тем временем нырнуло в тёмные глубины. Жёлтый свет солнца стал зелёным, а потом, по мере продолжения спуска, синим. Вокруг зияющей пещеры, расположенной у основания морской горы, стояло выше странных круглых зданий. Среди затопленных сооружений плавали человекоподобные фигуры.

- Снова рыбий народ, - произнёс Рейдон.

Ему ответил голос Путеводной Звезды:

- Они называются кво-тоа.

Спуск замедлился, приближаясь к тёмному устью пещеры. В воде повис потревоженный ил, сделав и без того тёмные внутренности пещеры ещё менее различимыми.

Внутри что-то покоилось на каменистом полу — длинное, сигарообразное, утолщавшееся с одного конца. Полосатые тела шли параллельными линиями вдоль тонкого участка фигуры, но вырост на другом конце был гладким.

Из-за ила и нехватки отражённого света сцена оставалась непонятной. Может быть, фигура на полу была всего лишь естественным скоплением камней? Линии связи, по которым следовал Символ, заканчивались на этом неподвижном нарости. Сама по себе фигура не была аберрантной, но содержала нечто, чья порча была подобна бездонной пропасти.

Неожиданно огромная фигура пошевелилась.

Восприятие Рейдона перевернулось. Он переоценил масштаб увиденного и от изумления едва не утратил сосредоточенность. Фигура была вовсе не скоплением камней; это был колossalный кальмар невероятных размеров!

Два пятна на каждом боку кальмара открылись, обнажая глаза размером с щит, в которых светился разум. Существо знало, что за ним наблюдают. Его сужающийся конец неожиданно разделился лесом отростков; они принялись извиваться, и кальмара заволокло облаком ила. Но сначала Рейдон увидел истинную мерзость, плотно сжатую в одном из щупалец.

Это был чёрный камень размером примерно с человеческую голову. Для усиленного Символом зрения камень казался вихрем aberrации, высасывающим естественный мир в негативное пространство, где обитали истинные чудовища.

Боль пронзила виски Рейдона, и он резко открыл глаза.

Ветер гнал успокаивающие волны зелени по поросшей травой равнине. Запахи растений и чистой земли стали приятным лекарством от зреющего, по-прежнему пылающего в мозгу монаха; хлещущие щупальца, огромные глаза и артефакт, чья

неправильность была такой острой, что чуть не разрывала мир. Но кроме всего этого Рейдон чувствовал — вероятно, благодаря Символу у себя на груди, — что артефакт представляет собой лишь часть куда более страшной правды.

- Что мы только что видели? - спросил Рейдон у воздуха.

- Кракена. Великого кракена по имени Гефсимет. Он владеет артефактом, каким-то образом связанным с самим Кссифу. Камень, ты его видел?

- Да. Кто были те люди, что сражались с марионетками кракена?

- Хороший вопрос. Нам предстоит это узнать, но их личности не представляют для нас особого интереса.

Рейдон сказал:

- Хорошо. Каким образом кракен завладел подобным артефактом?

- Я не знаю, как подобный предмет оказался на поверхности, - задумчиво произнёс Путеводная Звезда. - Возможно, из-за движения земной коры, которое последовало за Волшебной Чумой... но это всего лишь предположение. Как бы это ни произошло, огромный кракен обладает частичной связью с Кссифу.

- Зачем морскому кальмару, каким бы он ни был огромным, может потребоваться такая вещь? Ради власти, подозреваю, ведь её желают все существа — как будто контроль над другими каким-то образом может принести им большее удовлетворение.

- Скорее всего, ты прав, - сказал Путеводная Звезда с нотками одобрения. - Разум кракена превосходит даже моё сознание. Но с артефактом из Кссифу в его распоряжении кракен учится направлять всё больше и больше силы и может стать существом, сопротивляться которому практически невозможно. Его власть может превзойти любые границы.

- Не виляй, Путеводная Звезда. Ты хочешь, чтобы я убил кракена, прежде чем он наберёт максимальную силу.

- Это было бы разумно.

Рейдон кивнул, вспоминая худших существ, которых уничтожал во имя Символа Лазури в годы перед Волшебной Чумой.

- Хватит нам иллитидов. Фаэрун не должен столкнуться с заражённым аберрантностью кракеном.

- Ты должен знать, что возможен и другой исход, который будет даже хуже кракена. Если мы не заберём артефакт у кракена в ближайшее время, связь с Кссифу станет надёжнее и шире. Город сможет в короткие сроки подняться на поверхность. Тогда Торилу и вправду будет над чем рыдать.

Рейдон сдержал дрожь. Неожиданно он понял, что из-за масштабов ситуации, с которой столкнулся, не думал об Эйлин большую часть дня...

Монах вздохнул, стиснул кулаки и потерял фокус. Какой в его жизни смысл? Рейдон подвёл единственного человека, который нуждался в нём. Он пережил своё время и уцелел лишь благодаря магии и обстоятельствам. Он этого не заслужил и не волновался, продолжится ли его жизнь. Он жаждал конца своим бедам, конца своему стыду. С этим пониманием монаха осенило.

Он сказал:

- Как только к тебе вернётся способность к телепортации, перенеси меня прямиком к кракену. Он будет захвачен врасплох. Я нанесу удар с помощью

искусства храма Сянь и убью кракена прежде, чем он сможет осознать угрозу. Его посмертные судороги прикончат меня, а если нет — я захлебнусь, не успев достичнуть поверхности. Я не боюсь такого исхода. Я буду рад.

Ответом Рейдону была тишина.

- Ты слышишь, Путеводная Звезда? - необычно громко спросил мужчина у воздуха. - Отправь меня немедленно. Давай я убью кракена и покончу со всем.

На западе садилось солнце, и на равнине становилось прохладно. Рейдон заметил волка в долине внизу, принюхивающегося к следам того, что должно было стать для него сумеречной трапезой.

Наконец, голос отозвался:

- Я одобряю твоё рвение, Рейдон Кейн. Если бы я мог перенести тебя туда, если бы я мог телепортировать тебя так близко к кракену внутрь его защиты — чего я не могу — возможно, ты бы сумел убить Гефсимета. Но убив его и себя, ты бы предупредил Кссифу.

- Наверняка я смогу убить Гефсимета достаточно быстро, - возразил монах, хотя с меньшей уверенностью. - Если у меня будет несколько мгновений, чтобы застать его врасплох...

- Он слишком долго владел артефактом. Даже если бы я смог перенести тебя в нужное место и в нужное время, чего, как я уже объяснил, я не могу, убить великого кракена — недостаточно. Мы должны убить Гефсимета и одновременно оборвать его связь с артефактом, а следовательно — и его связь с Господством Аболетов. Одного лишь твоего Символа не хватит для этой задачи.

Рейдон провёл рукой по своим чёрным волосам, лёгким массажем прогоняя раздражение. Конструкт с каждым мигом становился всё более уклончивым и многословным.

- Что тогда, Путеводная Звезда? Что я могу сделать?

- Ты должен узнать о судьбе разумного меча, Ангула. В твоих руках меч сможет сделать то, что должно быть сделано.

- Ангул. Да, это могучий клинок. Но разве не Пряжа даровала ему силу? Как он может продолжать действовать после гибели Мистры?

- Ты задал хороший вопрос. Существует сложный ответ; простой ответ состоит в том, что он просто работает. Тебя это удовлетворит?

Рейдон нахмурился. Сейчас он полностью потерял контроль над своими эмоциями. Монах ударил бы голема, стой тот рядом.

Должно быть, Путеводная Звезда почувствовал настроение собеседника. Он сказал.

- Я приношу извинения. Что ж, слушай. Многие волшебные предметы, такие как мечи, плащи, сапоги, а особенно реликвии и артефакты, пережили Волшебную Чуму и по-прежнему действуют, хотя в некоторых случаях их способности изменились. Способности волшебных предметов были запечатлены в этих устройствах при изготовлении, и хотя Пряжа использовалась для их создания, она больше не требуется для их работы. В изготовлении меча используется пламя печи, но если потом это пламя угаснет, меч не потеряет остроты. Это отвечает на твой вопрос?

Рейдон обдумал слова Путеводной Звезды. Он вспомнил, какое воздействие Волшебная Чума оказывала на живых существ. Например, начальницу каравана, которая погибла в её голодной хватке.

Монах хмыкнул. Он спросил:

- Почему бы не рассказать всё это Кирил? Она владелица Ангула. И мечница. Хоть я и умею пользоваться клинковым оружием, всё-таки предпочитаю на него не полагаться. Лучше было завербовать её, а не меня.

Путеводная Звезда ответил:

- Как я уже говорил, после года Синего Пламени я потерял след Кирил. Она не носит Символ, но я могу смутно различить её состояние. После того, как она покинула руины Ормпетарра, они с дварфом-нанимателем ступили в Чумные земли, как их называют местные. С тех пор я не смог обнаружить ни её, ни Ангула. И более того, ты единственный человек, с которым я могу общаться.

- Откуда ты знаешь, что Ангул находится в Чумных землях?

- Я не знаю. Но других ниточек у нас нет. Возможно, ты узнаешь больше непосредственно на месте. На границах Чумных земель расположено небольшое поселение — там ты сможешь найти себе трапезу, когда прибудешь.

Живот Рейдона подал голос. Монах по-прежнему был зверски голоден. Спровоцированное скорбью голодание исчерпало силы мужчины. Спокойная трапеза — может быть, именно то, что ему нужно. С чайником горячего чая.

- Тогда телепортируй меня в Ормпетарр, когда твоя сила восстановится. Я поем. После этого, может быть, я узнаю о судьбе Кирил, и если решу, что ты не обманываешь меня, заберу меч Ангул.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Год Тайны (1369 ЛД)

«Зелёная сирена» в море Павших Звёзд

- Ты просто не можешь остановиться, правда?

Яфет поднял взгляд, его рука, сжавшая тусклую жестянку, замерла в складках плаща.

Он нахмурился в ответ Ануше. Девушка сидела на краю своего сундука, колено к колену с ним — колдун располагался на койке. Захламленное пространство кабинки еле-еле освещал иллюминатор. Лицо девушки наполовину скрывала тень, но Яфет мог легко различить выражение на нём. Она беспокоилась. Постоянная близость с ней в течение последних дней уничтожила большую часть расстояния, которое он предпочитал сохранять между собой и другими людьми.

Понемногу они становились товарищами. Сначала говорила только она, в живописных подробностях пересказывая свой бой против морской ведьмы. Яфет

наслаждался её оживлённым рассказом. В устах другого человека он посчитал бы историю затянутой, но почему-то совсем не возражал, когда её излагала девушка. Раньше ей никогда не доводилось успешно отражать решительную атаку жаждущего крови противника — так почему бы Ануше не гордиться своим успехом? Кроме того, он хотел побольше узнать о её необычайных сновидческих способностях.

Её вопрос о пыльце путешественников заставил колдуна пожалеть, что он не соблюдал обычную сдержанность. Девушка становилась слишком знакомой. Кто она такая, чтобы подвергать сомнению его привычки? От раздражения в горле желчью поднялся резкий ответ. Но Яфет его не озвучил. Почему?

Почему он не высказал ей всё, что думает? Почему он ведёт себя с девушкой так... деликатно? Может быть, это из-за изящных линий её подбородка, её гладколицей молодости. Её присутствие каким-то образом напоминало Яфету самого себя, когда он ещё относился к миру так же, как и девушка, когда был ещё чистым и видел во всём неограниченный потенциал. Он был таким совсем недавно. Слушая её, наблюдая за ней, он понял, как много мрачных событий с ним произошло. Она излучала юношескую наивность и энергию, неосознанно и не понимая их редкости.

Если Яфет позволит своим стенам крошиться и дальше, он может совершить ошибку, увлёкшись её женственными чертами. Лучше продолжать думать о ней, как о ребёнке.

Он представил, как баюкает голову Ануши в своих руках и целует её, пока они оба не начнут задыхаться.

Храни меня Владыка! Это ещё что? Он потряс головой, пытаясь сбить мысли с этого пути. Ему не нужны были сложности отношений, даже невинных или мимолётных.

Он попытался подумать о чём-то другом, о чём угодно. В голову пришла мысль о жестянке с розоватыми кристаллами. Немедленно начали зудеть руки. Его сосредоточенность дрогнула, и он зарычал.

- Ты в порядке? - спросила Ануша, подавшись к нему.

- Не твоё дело, - наконец ответил он. Яфет пытался сделать голос холодным, но вместо этого он прозвучал надтреснутым.

Погодите! Он вспомнил то, что разум пытался забыть. Несмотря на её возражения, девушка по-прежнему могла быть агентом Беруна.

Но в конце концов рука Яфета разжалась как будто сама по себе. Жестянка упала обратно в недра плаща.

Ануша смотрела на него ещё какое-то время, потом спросила:

- Тебе больно? Не понимаю. Ты же сказал, что Владыка Летучих Мышей не позволяет тебе страдать от воздействия пыльцы путешественников.

- Да, но зависимость меня не покидает.

- Может быть, ты не извлёк всю выгоду из вашего договора.

Яфет задумался и сказал:

- Я взял больше, чем готов был предложить Владыка. Я не могу торговаться дальше, не рискуя всем, что уже получил.

Ануша обдумала это и спросила:

- Что такое «камень договора»? Берун сказал у себя в кабинете, что сломает твой камень договора, если ты не подчинишься, и что из-за этого Владыка Летучих Мышей так разгневается, что придёт за тобой.

Девушка смотрела на него в ожидании ответа. Какой же уверенной она стала. Была ли это незаслуженная уверенность следствием её молодости или привилегированного воспитания? Или, озарило его, просто чертой характера.

- Это долгая история.

Ануша откинулась назад.

- Ты сказал, что мы достигнем атолла только через несколько дней. Расскажи.

Яфет потёр друг о друга большой и указательный палец руки, которой недавно держал жестянку с пыльцой. Почему бы не рассказать?

Колдун начал:

- Ну ладно. История такая. Я зашёл по багровой дороге слишком далеко, прежде чем стало широко известно, что пыльца путешественников представляет смертельную опасность. Я знал, что умру, поэтому решил уйти драматично, когда захочу сам. Я принял всю пыльцу за один заход. Смертельную дозу.

Ануша прижала руку ко рту.

- Багровая дорога ведёт прямиком к тому, что может быть настоящей Бездной. Там ждут демоны с голодом в стеклянных глазах. Жертвы пыльцы с воплями идут по дороге прямиком в их объятия. Дорога заканчивается обрывом, и душу и разум наркоманов поглощает окружённое зубами жерло.

Глаза девушки были широко распахнуты. Её щеки побледнели до пергаментной белизны. Она поверила колдуна.

- В испуге я пожалел о своём решении и взмолился о помощи, обещая всё, что угодно тому, кто спасёт меня от судьбы, которую я сам на себя навлёк. И когда огромная летучая мышь спустилась с пылающего неба, я решил, что она — моя спасительница. Мышь схватила меня, прежде чем я успел рухнуть за край дороги. Её когти крепко сжали меня, но ещё они меня ранили.

Речь Яфета ускорилась.

- Я мчался сквозь бурю из огня, льда и молний, пока мы не оказались в волшебном отражении мира. Я увидел ручьи хрустальной воды, пышные леса, полные яркой зелени, горы — такие высокие, что от их красоты и величия перехватило дух. Я узнал ландшафт, описанный в книге, которую читал, «Договора и пакты с древними феями». Я понял, что огромное крылатое существо было созданием, тоже упоминавшимся в книге, и снова испугался. Поскольку существо, сжимавшее меня в когтях, могло быть лишь Владыкой Летучих Мышей.

В последовавшем молчании Ануша спросила:

- Кто такой Владыка Летучих Мышей? Бог?

Яфет покачал головой.

- Не бог, но могущественное и сильное существо, если правильно его призвать. Скорее благодаря везению, чем смекалке, у меня это получилось — благодаря возне с древним томом, который называл его имя, и моим последующим обещанием заключить сделку с любым спасителем. Владыка Летучих Мышей обладал достаточной силой, чтобы найти меня, спасти меня и запечатлеть наш договор.

- Договор был взаимовыгодным?

- Мог быть и таким, но в отчаянной нужде я пообещал всё и сразу; я пообещал свою душу, хотя в том не было необходимости. Владыка Летучих Мышей воспользовался моим отчаянием. Он запечатал мои обязательства в физическом предмете — небольшой изумрудной подвеске. В камне договора. Этот камень и угрожал разбить Берун, если я не подчинюсь его приказам.

Брови Ануши нахмурились от непонимания.

- Мой камень договора, несмотря на маленький размер, обладает огромным значением. Благодаря его существованию я способен призывать зловещие силы и магические способности, известные Владыке. Более того, я могу командовать младшими слугами Владыки, использовать его инструменты как мои собственные и даже посещать его залитую тенью крепость. Камень — могущественный инструмент, и привязывает меня к нему, а его — ко мне.

- Почему он отдаёт тебе столько собственных сил? Это кажется ошибкой.

- У камня договора есть ещё одна функция. Если камень когда-либо будет уничтожен, Владыка заберёт мои силы, затем выпьет мою кровь и сожрёт моё тело. Он наделил камень таким значением, чтобы использовать его в качестве гарантии моего послушания. Если камень будет разбит, я потеряю свои силы, и Владыка Летучих Мышей явится ко мне, чтобы забрать своё.

- Ой! - Ануша схватила его за плечо, как будто чтобы утешить. Он не отстранился.

- Владыка показал мне камень. Он сказал, что уничтожит его, если я не буду выполнять все его приказы. Он сказал, что я стану его марионеткой в мире, куда ему самому вход закрыт. Он сказал, что через меня Владыка Летучих Мышей снова сможет угнетать мир, как делал тогда, когда люди всё ещё оставались «зверями без языка», а Фэйри не отдалились от мира.

Колдун стиснул кулаки и произнёс уже громче:

- Я чудом спасся от багровой дороги, и мне было нечего терять. Не думая об опасности, не зная, что делаю, я сразу же призвал всю силу, которой наделил меня Владыка. Я вырвал у него камень, пока он им хвастался!

- И он отпустил камень?

- Наверное, его погубила самонадеянность. Он даже представить не мог, что мне хватит наглости и смекалки отреагировать немедленно. Может быть, он привык иметь дело с первобытными людьми, не отличавшимися особой хитростью. Может быть, его фейская природа помешала разглядеть моё отчаяние смертного. Когда Владыка осознал свою ошибку, было уже слишком поздно. С камнем в руке я обладал частью его силы и инструментом, с помощью которого он хотел посадить меня на поводок. Мы сражались, но я заточил его в самом высоком шпиле его собственной крепости. Я забрал крепость себе и вернулся в наш мир. Я был своим собственным слугой, и жизнь казалась многообещающей и полной возможностей. Пока твой сводный брат не украл камень.

- Берун — ублюдок и преступник, - согласилась девушка. - Не могу поверить, что мы родня хотя бы наполовину. Но он не волшебник и не мудрец. Откуда он узнал о камне?

- Этот вопрос давно меня беспокоит. Подозреваю, что Владыка Летучих Мышей повсюду разослав сообщения на крыльях своих слуг. Владыка укрытого тенью замка

Даррок плетёт интриги, чтобы разбить камень — тогда он сможет освободиться и найти меня. Должно быть, он установил контакт с Беруном и раскрыл лорду Мархана значение камня. Вскоре после этого я получил радушное приглашение посетить Новый Саршел.

Девушка фыркнула.

- Берун гладко стелет, когда хочет.

- Да, и я потерял бдительность. У меня не было причин подозревать ловушку. Более того, я не ожидал, что в целом мире кто-то может узнать о важности камня, и небрежно относился к его безопасности. Когда я прибыл в Новый Саршел, твой брат нанял умелых воров, чтобы похитить камень. Владыка Летучих Мышей приказал ему разбить камень. Но заполучив его, Берун не захотел так поступать. Вместо этого он воспользовался камнем, чтобы заручиться моими услугами — как когда-то намеревался сам Владыка.

- Мне так жаль, Яфет.

Колдун ничего не ответил. Он просто посмотрел ей в глаза. Было очень легко наклониться вперёд, встретить её на полпути и прижаться губами к её губам.

Его сердце попыталось выскочить из груди, колотясь от двух равнозначных эмоций; растерянности и страсти.

Колдун резко встал и сказал первое, что пришло в голову.

- Хочешь увидеть замок Даррок? Я могу показать его тебе. Мой плащ служит мостом.

Момент был испорчен — как он и хотел. И теперь он почти жалел об этом.

Девушка вздохнула. Потом наклонила голову и улыбнулась. И кивнула ему.

- Я на корабле, который направляется неизвестно куда, потому что хотела посмотреть на мир за пределами Саршела. А теперь ты говоришь, что хочешь показать мне замок, который хранишь у себя в плаще? Ну конечно... но насколько это безопасно?

Яфет уже пожалел, что не нашёл другого способа сменить тему. Однако колдун не хотел отказываться от своего предложения. Он ответил:

- Достаточно безопасно, если ты будешь держаться рядом со мной.

- Прямо сейчас? - девушка встала с края сундука. Он почувствовал её тёплый запах.

От возбуждения он стал неосторожным. Он знал об этом, но не дал себе достаточно времени всё обдумать.

- Почему бы нет?

Яфет скинул плащ с плеч. Он повернулся к двери каюты и вытянул ткань перед собой, немного подняв плащ так, чтобы край едва касался пола. Он сделал быстрый шаг к двери и прижал узкий прямоугольник мрака к дверному косяку. Когда он отпустил руки и шагнул назад, плащ повис на месте, закрывая деревянную дверь.

- Похоже на тоннель из мрака, - охнула Ануша.

Он кивнул.

- Так и есть. Он ведёт в мой замок.

Они шагнули вперёд. Ануша вздрогнула, как будто ожидала удариться головой, но вместо этого их схватили тени. Холодные руки поташили их по тоннелю, пол,

потолок и стены которого состояли из кожистых, трепещущих крыльев. В вихре хлопающих крыльев и запаха серы тьма отпустила их.

Они оказались в подземном помещении, чьи границы терялись в затянутых паутиной углах. Позади них на каменной стене висело отверстие в форме двери. Внутри виднелось смутное изображение каюты Яфета.

Яркий золотисто-серебряный свет справа заставил их сощуриться. Свет струился сквозь неровное устье пещеры. В нём Яфет видел зелёный горный луг, от ярких цветов которого у него, как всегда, перехватило дыхание, а от резких запахов в глазах простирали слёзы. Он никогда не ходил в том направлении, поскольку замок Даррок находился в другой стороне.

Золотой и серебристый свет из устья пещеры медленно превратился в фиолетовый и синий — а также в чёрные тени. За несколько сотен футов слабое освещение превращалось в чудовищное мерцание безнадёжности. Последних проблесков света хватило, чтобы осветить огромный замок, раствор которого был чёрным, а камни представляли собой огромные блоки пустоты. Над стенами виднелся центральный шпиль — такой высокий, что достигал оскалившегося сталактитами потолка. По обе стороны шпилия протянулись огромные крылья, хищные и похожие на драконьи в своём размахе — воплощение самого голода.

Ануша подавила непроизвольный взглас и подалась назад.

От шума потолок забурлил и зашуршал. Там было полным-полно самых разных летучих мышей. Многие из них никогда не летали в небесах Торила.

- Шш, всё хорошо, - колдун потянулся к её руке, и девушка крепко вцепилась в него. - Пока я рядом, летучие мыши тебя не тронут. Широкие крылья, которые ты видела на замке, неподвижны. Они не обладают жизнью — по крайней мере, сейчас. Владыка Летучих Мышей надёжно заточён и не может принять свою древнюю форму, пока остаётся в пленах. И я не собираюсь его выпускать.

В тусклом свете он увидел её медленный кивок, хотя девушка не отрывала глаз от неподвижной фигуры, сидевшей на здании.

- Может быть, вернёмся на «Зелёную сирену»? - предложил Яфет.

Ануша жадно огляделась кругом.

- Нет... нет. Это просто... потрясающе. Знать, что я нахожусь так далеко от... самого мира? Я никогда не путешествовала подобным образом с помощью магии. Это похоже на истории о чарах, которыми владели заклинатели до Волшебной Чумы.

- Такие способности возвращаются ко многим обитателям Фаэруна, - сказал колдун.

- Да. Самое время. Но даже самые могучие из древних волшебников с трудом смогли бы преодолеть такое расстояние за один шаг. Мы даже не в нашем мире.

Их взгляды встретились. Даже в тусклом свете пещеры он не мог долго удерживать подобный контакт, если хотел избежать неосмотрительных поступков.

Яфет моргнул, чтобы избежать её взгляда. Он был рад, что девушка не может хорошо разглядеть его в темноте. Зачем он привёл её сюда? Хотел произвести впечатление? Наверное, его примитивные инстинкты действовали вразрез со здравым смыслом.

Нет, возразила маленькая циничная часть внутри него. Ты прекрасно знал, что делаешь.

Он сказал, скорее, защищая себя от собственных обвиняющих мыслей, чем в ответ Ануше:

- Я просто использую то, что украл у Владыки Летучих Мышей.
- Каким бы ни был твой источник, мне всё равно это недоступно.

Яфет кашлянул и предложил:

- Нужно зайти внутрь как можно скорее, если мы вообще собираемся это сделать. У меня получается попасть сюда всего один раз из четырёх или пяти. Доступ зависит от фазы луны, которую я пока не определил. И без плаща я более уязвим. Поэтому время дорого.

Она кивнула.

Они прошли вперёд мимо рощицы из тёмно-фиолетовых грибов, каждый размером с тарелку. Яфет указал на них и заметил:

- Нужно будет собрать несколько штук. Их сок после дистилляции может заставить любое существо уснуть. Если подумать, то именно из них я и приготовил твоё зелье.

Ануша не ответила, и Яфет вспомнил, что она по-прежнему с подозрением относится к его подарку. Он ощутил укол вины. Когда они вернулись на судно после нападения морских ведьм, прошло несколько часов, прежде чем он смог разбудить девушку.

Колдун провёл девушку сквозь ворота замка Даррок и вниз по длинной галерее. Он приказал жутким и сморщенным гомункулам-сторожам вернуться в свои норы, прежде чем Ануша смогла разглядеть их ужасающие черты. Замок защищали многочисленные «дети» Владыки, которые теперь подчинялись Яфету так же, как своему создателю.

Они достигли главного зала, освещённого многочисленными канделябрами, горевшими зелёным огнём. Широкий, но неглубокий бассейн с тёмной водой занимал помещение, и в нём сновали длинные бледные силуэты.

Яфет провёл Анушу мимо бассейна по четырём лестничным пролётам. На каждом пролёте они миновали бюсты загадочных стройных гуманоидов. Яфет всегда считал, что это лорды Фейвайльда. Ануша хотела задержаться, но он подтолкнул её вперёд, снова объяснив, что медлить не стоит.

Наконец, они вошли в большой зал. Там под стеклом демонстрировались картины сюрреалистичных ландшафтов, скульптуры фантастических существ и предметы, слишком странные, чтобы их мог опознать смертный. Коллекция охватывала целые миры и столетия.

- Это всё твоё? - спросила Ануша, наконец отпустив его руку. - Должно быть, стоит целое состояние!

- Это принадлежит Владыке Летучих Мышей. Сама коллекция может быть бесценной, но я ни разу не брал ни единого предмета.

Ануша подошла, чтобы рассмотреть картину, изображавшую поток оранжевого и жёлтого; пустынный пейзаж в хватке шторма. За пеленой поднятого песка виднелся намёк на какую-то огромную башню.

- Почему? - спросила она.

Он пожал плечами, сказал:

- Просто предчувствие. Боюсь, что слишком много перемен могут нарушить неизвестное мне равновесие. Как в игре, когда дети убирают по очереди палочки из кучи, пока та не обвалится. Я боюсь, что случайно освобожу Владыку, если потревожу слишком много вещей.

Взгляд колдуна против воли устремился к балкону, нависающему над залом. Туда можно было попасть по узкой лестнице вдоль стены. Балкон был пустым, не считая железной двери.

Ануша проследила за его взглядом.

- Он там наверху?

Яфет кивнул.

Она широко раскрытыми глазами уставилась на дверь и сказала:

- Я слышу речь.

Яфет наклонил голову. И действительно, на балконе раздавался тихий гул голосов — по крайней мере двух.

В животе образовалась пустота. Прищурившись, он взлетел по узким ступеням, перепрыгивая по две за раз. Без развеивающегося за спиной плаща колдун чувствовал себя непривычно.

Стальная дверь на балконе была приоткрыта, и за ней мерцал жёлтый свет. Он распахнул дверь и охнулся.

Большую часть расположенной за дверью комнаты занимал огромный дубовый стол. Невероятной пышности угощения были разложены на серебряных блюдах, рассыпаны по золотым кубкам и налиты в хрустальные бокалы. Вдоль стола стояли кресла, каждое из которых было уникальным по своему внешнему виду и отделке, как будто их привезли из абсолютно разных культур и королевств. Некоторые обладали такой странной формой, что обычному человеку было бы сложно на них сидеть.

Худой мужчина, бледный и лысый, с узкими сощуренными глазами, острыми ушами и в тусклой чёрной одежде сидел во главе стола на кресле, способным сравниться с любым троном.

Это был Владыка Летучих Мышей в своей слабейшей форме. Он сидел там же, где и всегда — там, где Яфет заточил его в бесконечном пиру.

Колдун шумно втянул в себя воздух, как от удара, потому что по бокам Владыки сидели ещё двое. Их не должно было быть здесь!

Но они были.

Одной была женщина. Её тонкие конечности и грациозная поза превосходили обычную человечность. Её белая кожа буквально сияла лунным светом, а глаза были целиком чёрными. У неё были иссиня-чёрные волосы, а уши заострялись. Она могла быть лунным или солнечным эльфом, но Яфет никогда не видел, чтобы лунные или солнечные эльфы светились.

Другим был мужчина в неприметной одежде. Мужчина с грубыми и угловатыми, по сравнению с женщиной, чертами лица. Пугающе знакомый мужчина.

- Берун Мархана? - выпалил Яфет.

Мужчина слева от Владыки Летучих Мышей обернулся на полуслове. Он замолчал, и его глаза расширились, увидев колдуна.

- Яфет? - спросил мужчина. - А ведь и правда! Наш хозяин не сообщал мне, что ты можешь навестить его в доме, который стал тюрьмой.

Рот Яфета оставался открытым, но у него не было слов. Казалось невероятным, но мужчина действительно был Беруном. Но как? От дезориентации закружилась голова. Он не мог собрать головоломку.

Заговорил бледный лорд посередине.

- Этот украл мою кожу; он использует её как плащ. С её помощью он может путешествовать между своим миром и моими владениями.

Его белая рука схватила вишнёвый помидор цвета крови с серебряного блюда. Он бросил его в рот и начал шумно жевать.

- Что всё это значит? - спросил Яфет у Владыки, пытаясь установить хоть какую-то власть над событиями, которые выходили за пределы его понимания.

- Я принимаю гостей. Потребовалось несколько лет, но мои приглашения наконец были отправлены и на них ответили лично.

Женщина едва взглянула на Яфета равнодушными, безвозрастными глазами, как будто он ничем не мог удивить её, вырвав из тысячелетней скуки.

Берун хмыкнул и сказал:

- Нейфион пообещал мне необыкновенные вещи, но только если я разобью некий изумруд, который он мне показал. Думаю, ты знаешь, о каком изумруде речь.

Владыка уставился на Беруна пылающим взглядом и сказал:

- Ты до сих пор не уничтожил его.

- Нейфион? - переспросил Яфет.

- У Владыки Летучих Мышей есть имя, как и у нас с тобой, - пояснил Берун. - Но вряд ли это имеет значение.

- А... - протянул растерянный колдун. Потом: - Владыка Летучих Мышей, эм, Нейфион — это он рассказал тебе про мой камень? Я так и знал.

- Камень договора, - вмешался бледный лорд. - Который ты у меня украл. Я отправил своих последних преданных детей в мир, чтобы найти союзника, и нашёл лорда Мархана. Он согласился вернуть мою собственность. Но потерпел неудачу.

- Ваше величество, я говорил с самого начала — будьте терпеливы. Когда Яфет закончит своё текущее поручение, я отдам вам изумруд, как и обещал.

- Ты обещаешь мне это уже давно.

С этими словами Владыки Берун с отсутствующим видом взял со стола сочный персик, один из нескольких в хрустальном блюде.

Женщина справа от Нейфиона протянула над столом тонкую руку и выбила фрукт из руки Беруна, прежде чем тот откусил хотя бы кусочек. Персик покатился по комнате и остановился в тени.

Женщина сказала:

- Я предупреждала. Не ешь ничего со стола. Если съешь — уже не сможешь его покинуть.

Берун побелел.

- Я знаю, Мальянна, но будь проклят старый король, если эта еда не выглядит великолепно!

Похожая на эльфийку женщина ответила:

- Это смертельные чары в приятном обличье.

Яфет знал, что женщина, откуда бы она ни происходила, говорит правду касательно пира — это был один из трюков Владыки. Яфет овладел им и использовал против создателя, когда заполучил контроль. Колдун снова подумал, что женщина, скорее всего, родилась в ярких краях фей за границами пещеры. Может быть, она была знатным лунным эльфом, старшим обитателем Фейвайльда, непостижимым и опасным. Какую роль она играет во всём этом? Мальянна — имя или титул?

Женщина пронзила Беруна своим сокрушительным взглядом. Берун пыхтел и ерзал, пока она не повернулась назад к Яфету. Она сказала:

- Бедняжка, ты выглядишь таким растерянным. Несмотря на всю украденную силу, здесь ты — всего лишь игрушка. Все вы, и Берун тоже, хотя он считает, будто владеет ситуацией.

Она вздохнула и уставилась в потолок, как будто от невыразимой скуки.

Владыка Летучих Мышей высосал ещё один кроваво-красный помидор и провозгласил:

- Я убью каждого из вас таким жутким способом, что опытные воины будут дрожать и плакать, когда услышат об этом.

Женщина продолжала изучать потолок, всем своим видом выражая усталость, несмотря на сверхъестественную безупречность своих черт.

Побледневший Берун залопотал:

- Но как только я разобью камень, ты получишь всё, что пожелаешь, Нейфион! Твои силы вернутся, и ты сможешь наказать Яфета...

- Чем дольше ты откладываешь исполнение своей части сделки, тем свободнее я интерпретирую наш уговор, - объявил Владыка, нетерпеливо причмокнув мертвенно-бледными губами.

Берун покосился на Мальянну, потом снова уставился на Яфета.

- Колдун! Как продвигается твоя миссия? Когда вы достанете этот предмет, как там его называл капитан — Сердце Снов?

Яфет ответил глухим голосом:

- Мы прямо сейчас плывём к логову существа, которое им владеет.

- Слышишь? - чересчур громким голосом спросил магнат. - Как только я получу Сердце Снов, Яфет будет твоим. У меня будет всё необходимое, чтобы заявить свои права на Импильтур. С таким мощным артефактом в руках, я не удовлетворюсь простым местом в совете. Нет, с королевой эладрин на моей стороне...

Голос Мальянны заставил Беруна умолкнуть простым:

- Когда же прекратится твоя примитивная болтовня?

Берун поник. Пытаясь взять себя в руки, он щёлкнул пальцами в сторону Яфета.

- Разве тебе не пора возвращаться на корабль?

Яфет посмотрел на него. Лорд Мархана был маленьким человеком с большими амбициями. Он не обладал собственной властью — только способностью оказаться в нужном месте в нужное время. Он не отличался особой моралью, зато мог похвастаться высокомерным, крысиным коварством.

Колдун однажды воспротивился Беруну, спросив купца, почему он должен его слушаться. В конце концов, в противном случае Берун обещал разбить камень

договора. С другой стороны, в будущем Берун собирался вернуть камень Владыке, который быстро разобьёт его сам.

Так или иначе, камень будет разбит, и в итоге Яфет умрёт. Так почему, кричал колдун, он должен делать то, что велит Берун, если весь его выбор — умереть сейчас или позже? Берун моргнул и ответил, что на самом деле не собирается возвращать камень Владыке Летучих Мышей. Лорд Мархана пообещал, что если Яфет сделает своё дело, то сможет прожить жизнь без страха быть убитым жестоким фейвайльдским духом.

Воспоминания испарились в дымке новой ярости. Эмоции бурлили в горле колдуна, когда он шагнул вперёд. Он был всего лишь футах в десяти от кресла лорда Мархана.

Яфет спросил небрежным тоном, скрывая гнев:

- А сейчас камень договора с тобой, Берун?

Женщина и Владыка Летучих Мышей одновременно повернулись к Беруну, и на лице Мальянны впервые зажёгся искренний интерес.

- Какая разница? - огрызнулся Берун.

Яфет подошёл ещё на шаг. Одновременно с этим он увидел чей-то силуэт позади, отразившийся в серебряном фужере. Фигура в полном латном костюме, сиявшем, как золото. Она сжимала длинный меч, как будто тот был невесом. Удивлённый, он оглянулся. Позади никого не было. Но когда он взглянул в фужер снова, он опять увидел силуэт. На этот раз он заметил, что воин в доспехах был окружён небольшими синими и чёрными огоньками. Кираса была выкована так, чтобы повторять женственные очертания фигуры.

Ануша? Если так, она была совсем не похожа на блеклый сновидческий образ, который он видел ранее. Неужели она, как подозревал Яфет, действительно работает на Беруна? Нападёт ли она, если он будет угрожать её брату-полудурку, который запросто мог оставить камень договора в мире смертных? Если удар будет достаточно неожиданным, чтобы убить Беруна, колдун может вернуться и забрать камень оттуда, где Берун его спрятал. Он будет свободен.

Нерешительность дорого ему обошлась. Мальянна поднялась с кресла, отбросив его назад с такой силой, что кресло ударилось в стену и разбилось. Она не просто встала — нет, она поднялась в воздух. Волосы женщины драматично хлестали на холодном, как снежная буря, ветру. Она указала пальцем на Яфета и сказала:

- Даже не думай навредить этому глупцу. Берун под моей защитой... пока что.

Яфет понял, что окружён врагами. Убийца-сновидица у него за спиной и эладринская дама, способностей которой он не мог оценить, хотя подозревал, что те поистине выдающиеся.

И при нём не было плаща.

Яфет улыбнулся парящей женщине и оставшемуся в кресле Владыке, который следил за происходящим с огромным интересом, поедая яблоко, и наконец Беруну, чьи попытки подняться окончились тем, что лорд Мархана и его кресло оказались на полу.

Он сказал:

- Мне надоело бояться, Берун. Ты должен был взять камень с собой.

Яфет произнёс своё самое сильное проклятие, нацелил его на Беруна и выпустил, как охотничьего сокола.

Огненный вихрь обрушился на Беруна, который и так был распростёрт за своим рухнувшим креслом. Когда пламя охватило мужчину, тот закричал.

Парящая эладрин пропела единственный слог. Огоньки пламени, окутавшие Беруна, мгновенно угасли клубами белого дыма. Поток холодного воздуха коснулся щёк Яфета.

Владыка Летучих Мышей засмеялся, потянувшись к блюду с сахарными гренками.

Колдун рефлекторно шагнул назад, чтобы вернуться в свой плащ и отступить в тень. Конечно, ну конечно у него это не получилось; плащ по-прежнему находился в пещере снаружи и служил мостиком между замком Даррок и «Зелёной сиреной»! Яфет снова изрыгнул проклятие, на этот раз лишённое волшебной силы; это было лишь его раздражение и возобновившийся страх.

Мальянна посмотрела на него сверху вниз. Искорка интереса, даже страсти, оживила её глаза. Она сказала что-то на незнакомом Яфету языке, языке, который был бы прекрасен в устах практически любого другого создания. В её устах он казался зловещим. Неожиданно на переключилась на всеобщий и произнесла:

- Теперь я тебя убью.

Вокруг её поднятой руки закружился ревущий вихрь мороза. Она швырнула его в Яфета. Вихрь вцепился в него, как зверь с когтями из льда.

Колдун произнёс ответное заклинание, швырнув жуткие лучи красного цвета, впившиеся в плоть эладрин. Она содрогалась от каждого удара, но её глаза раскрывались всё шире и шире, в них сверкало всё большее возбуждение, пока миниатюрный штурм из льда продолжал поглощать Яфета.

У него потекла кровь, но замёрзла, не успев упасть на пол.

Женщина была сильна. Слишком сильна для лунной эльфийки с Фаэрона, которая всю жизнь провела, выслушивая истории о царстве фей, почти недостижимом до недавнего времени. Нет, она была эладрин, которая всегда жила в Фейвайльде. Она никогда не страдала от разлуки с родиной, как многие из её сородичей. Теперь, когда Волшебная Чума воссоединила мир и царство Фэйри, солнечные и лунные эльфы Фаэрона могли вернуться в земли предков. Впервые Яфет подумал, что эладрин могут испытывать такой же интерес к Фаэрона, как лунные и солнечные эльфы — к Фейвайльду.

Он понял, что не справится с этой женщиной. Невыносимый холод отличался древней и смертоносной свирепостью. На коже появились ледяные хрусталики. Он послал ещё один красный луч в Мальянну, но она отразила заклятие щитом из льда. Колдуну показалось, что пришла его смерть. Без плаща это было возможно. Плащ, который действительно когда-то принадлежал Владыке, содержал половину его силы.

- Нет! - закричал Берун, пытаясь перекричать безумное веселье Владыки Летучих Мышей. - Мальянна, он нам нужен! Если ты убьёшь его, все наши планы пойдут прахом!

Мальянна фыркнула.

- Сгодится и другой. Тот пиратский капитан добудет для тебя артефакт. Как там его, Фостер? Этот мой. Я разошлась и собираюсь закончить, что начала.

Она поплыла вперёд, по-прежнему вытянув руку, легко шевеля пальцами, управляя ледяными ветрами, что похищали жизнь Яфета. В её глазах светился голод, и это было совсем не похоже на любого лунного эльфа, которых встречал колдун.

Яфет сделал вдох, чтобы прошептать своё последнее истинное проклятие, но воздух был похож на пергамент, осыпанный кристаллами льда. Он закашлялся. Плащ! Ему нужен плащ! Сумеет ли колдун призвать его? Попытайся, умолял себя Яфет. Но ему было так холодно...

Со стола, как будто сам по себе, поднялся хрустальный кубок с вином.

-Что это за полтергейст? - поинтересовалась эладрин.

Только у Яфета был подходящий угол, чтобы разглядеть смутное отражение в блюде с помидорами. Кубок держал силуэт в доспехах, который он заметил ранее.

- Ануша? - прошептал Яфет. Его голос был слишком слаб, чтобы кто-то услышал.

- Что это за фокусы, Нейфион? - спросила эладрин, глядя на Владыку. Когда она отвела взгляд от Яфета, холод немедленно ослаб. - Хватит играть в игры.

Нейфион, продолжая смеяться, лишь пожал плечами и покачал головой.

Кубок неожиданно полетел в эладрин, и его зачарованное красное содержимое выплеснулось вперёд.

Берун и Мальянна одновременно воскликнули: «Нет!»

За мгновение до того, как жидкость коснулась эладрин, женщина растаяла в вихре снега.

Кубок прочертит ленивую духу в воздухе и разбился о пол.

Если бы вино попало в рот или в глаза Мальянне, она была бы прикована к столу, как и Владыка Летучих Мышей, и осталась бы пировать здесь вечно, пока её не освободит Яфет.

Колдун снова задышал. Лёд, укрывший его кожу, уже начал таять. Но сил у него уже не осталось.

Он почувствовал ладонь у себя на плече, но ничего не увидел. Над ухом раздался шёпот:

- Нужно бежать, пока она не вернулась!

- Погоди... - начал он, поворачиваясь к Беруну. Но тот уже пропал. Должно быть, исчез вместе с эладрин. Неудивительно. Лорд Марханна не владел способом достичь этого измерения. Похоже, Беруну суждено было пережить этот день. Скорее всего, он уже вернулся домой и ищет камень договора. Яфет упустил шанс покончить с его шантажом.

Проследив за взглядом колдуна, Владыка перестал смеяться. Голосом, лишённым любых следов веселья, он сказал:

- Будем надеяться, что он разбивает этот камень прямо сейчас. Этот пир разбудил мой аппетит. Возможно, не успеет закончиться день, как я утолю его — отведав твоей печени.

Яфет вздрогнул. Он позволил невидимой Ануше увести себя за дверь.

Колдун захлопнул железную дверь и закрыл засов. Впрочем, теперь он всё равно не верил, что может помешать кому-то проникнуть в тюрьму Нейфиона.

Он повернулся и спустился по лестнице, прыгая через две ступени. У подножия лестницы лежало спящее тело Ануши, свернувшееся клубочком, как ребёнок. Яфет попытался её разбудить. Девушка не пошевелилась.

Крохотный серебряный фиал выкатился из её правой руки.

- Ох, Ануша! - он поднял девушку. Её голова легла ему на плечо.

- Яфет, я не могу проснуться! - голос раздался в нескольких шагах слева.

- Да, да, не волнуйся. Это всё зелье. Потребуется несколько часов, чтобы оно растворилось у тебя в крови. Плюс, ты уже использовала его совсем недавно.

- Ну конечно, конечно, - отозвалась она с заметным облегчением. - Странное чувство...

Чтобы отвлечь девушку, он сказал:

- Хорошая идея — бросить вино в эладрин.

- Жаль, что я промахнулась. С ней было что-то не так. Она слишком старая для такой кожи... или ещё что-то.

Яфет угрюмо кивнул.

- Ты права.

Они быстро покинули замок Даррок — призрак рядом с колдуном, её теплое тело — в его руках.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Год Тайны (1396 ЛД)

Ормпетарр, Вилхонские дебри

Год Синего Пламени и его последствия принесли разруху в Чондат, Сеспеч и другие близлежащие земли. Огромный водоём, именуемый Вилхонской протокой, разбился на несколько меньших озёр. Чёрные плоскогорья поднялись из земли, разрушая дороги, фермы и целые города. Безумные карманы сверкающего света и звука, в которых по-прежнему переплеталось безумие и реальность, клубились и извивались на местности даже годы спустя после Волшебной Чумы. Большинство обитателей среди переживших первые бедствия спасались отсюда как могли. Многие погибли во время своего бегства, а остальные стали незваными беженцами в далёких странах, где хватало собственных неприятностей. Если верить Путеводной Звезде, на великий фронтир готовы были ступить лишь самые закалённые исследователи. Жуткие чудовища, изменённые чумой, рыскали в тёмных расщелинах. Вдоль старых трактов, почти пересохших озёр и устьев рек стояли руины уничтоженных и опустошённых городов стояли, а их обломки и куски были разбросаны по сторонам недавно возникших элементов рельефа.

Разумный голем заметил, что Ормпетарр, возможно, перенёс катастрофу лучше, чем любое другое поселение в регионе.

Рейдон стоял к северу от потрёпанных, перекошенных ворот Ормпетарра, оглядывая местность с возвышенности на неровной петляющей дороге, когда-то называвшейся Золотым Путём. Мгновением раньше он находился к западу от Натлана, но разумный голем из Звёздной Бездны в мгновение ока «перенёс» Рейдона сквозь звёздный промежуток в пространстве. У монаха звенели уши — путешествие оказалось куда более тяжёлым, чем в предыдущий раз.

Многие из древних медных шпилей Ормпетарра, известных своей способностью отражать заходящее солнце, теперь были сломаны и разбросаны по скалистым склонам. Возвышенность отделяла выжившие кварталы города от постоянного огромного облака цвета, что бурлило к югу от города, где когда-то находилось Нагавотерское озеро. Это были Чумные Земли, участок местности, где активная Волшебная Чума продолжала искалечь и изменять землю, законы, магию и плоть любого ступившего в неё существа.

- Ты уверен, что в этих руинах по-прежнему кто-то живёт? - поинтересовался Рейдон в пространство, разглядывая тошнотворную местность за городом.

Ответа не было.

- Путеводная Звезда?

Голем предупредил монаха, что перемещение на такое расстояние на какое-то время истощит его силы. Очевидно, голем больше не мог поддерживать даже простую связь.

- Надеюсь, ты не надорвался, - прошептал Рейдон на тот случай, если Путеводная Звезда всё ещё слышит его.

Конструкт немного рассказал ему о местности, но самое главное монаху предстояло выяснить самостоятельно. Рейдон направился на юг, в сторону ворот.

Между двумя покосившимися створками возник однорукий дварф. На нем была наполовину съеденная ржавчиной кольчуга. Своей единственной рукой он держал арбалет, целясь из него в Рейдона. Очевидно, дварф хорошо наловчился делать это одной рукой.

Дварф крикнул:

- Прошу прощения, странник! Прошу прощения, что побеспокоил тебя этим прекрасным весенним днём, но пожалуйста, остановись на секундочку, ладно?

Рейдон остановился. До ворот было примерно двадцать футов.

Дварф оскалился. Спутанные космы его бороды соперничали в размере и запутанности с её же косичками. Он сказал:

- Какой хороший парень, а! У нас не так много посетителей, а те, что приходят, не всегда ведут себя вежливо — если ты понимаешь, о чём я.

Рейдон ответил:

- Я не беззаконный негодяй. Ты дашь мне пройти? У меня дела в Ормпетарре.

- В том, что осталось от Ормпетарра, ты хочешь сказать, - хмыкнул дварф. - Я вижу, что ты не голодный зверь. Ещё важнее — ты можешь говорить, что подтверждает твои заявление. Ну что ж, полагаю, я должен спросить, что привело тебя сюда, и взять обычную пошлину.

Рейдон надеялся, что дварф не пытается таким образом его ограбить. Он сказал:

- Вскоре после Волшебной Чумы здесь проходила моя старая подруга. Я хочу отыскать её следы.

- Ммм-хмм, - хмыкнул стражник, скептически подняв свои густые брови. - Что она здесь забыла?

- Я надеюсь это узнать.

- Паломничество шрама, ясно как дважды два.

- Что ты имеешь в виду? - спросил Рейдон.

Дварф опустил арбалет и оружием указал Рейдону вперёд.

- Узнаешь внутри. И поскольку я сегодня добрый, хватит одной золотой короны, чтобы пройти в ворота Ормпеттарра, - dwarf кивнул на массивный деревянный сундук, прикованный цепью к гранитной плите. Рейдон решил, что широкая прорезь наверху служила щелью для монет.

Рейдон подошёл к воротам, бросил монету в щель и вошёл в город.

Дварф пожелал ему хорошего дня, но Рейдон не стал тратить на него лишних слов. Он уже миновал стражника, его взгляд изучал полуразрушенные и заброшенные здания вокруг. Потом он учуял запах подгоревшего мяса и остановился. Во рту набралась слюна.

Запах казался божественным. Пустой живот взял на себя командование ногами и направил его к ветхому зданию сразу за воротами. Как и другие уцелевшие строения, этот дом был укрыт трещинами и отчаянно нуждался в ремонте. Однако изнутри исходили свет, голоса и запах готовящейся еды. Вывески или знака с указанием имени или природы заведения не было.

Через открытую дверь Рейдон вошёл в просторное и низкое помещение. Оно напоминало общие комнаты постоялых дворов со всего Фаэруна, в том числе благодаря какому-то четырёхлапому зверю, который жарился на вертеле. Рейдон сделал глубокий вдох, наслаждаясь ароматом.

Внутри находилось около дюжины человек, собравшихся в три обособленные группы, не считая одинокого деда у двери, хранившего в разлитую кружку с элем, женщину в фартуке бармена, снующую по комнате, и мальчика, занимающегося вертелом.

Один из мужчин пробурчал в свою кружку:

- Посмотрите-ка, полуэльф.

Все взгляды устремились к Рейдону.

Монах поднял руку и сказал:

- Приветствую. Мне нужна пища и информация.

Барменша крикнула:

- Садись за стол, незнакомец, и я принесу тебе жаркое и эля. Кабан скоро будет готов, если пожелаешь.

- Конечно, - подтвердил Рейдон. Он прошёл мимо любопытных местных и уселся за стойкой. Он чувствовал внимательные взгляды у себя на спине и слышал зарождающийся гул предложений.

Хозяйка принесла ему напиток в деревянной кружке. Рейдон посмотрел на пенистую жидкость, но решил не спрашивать про чай. Он сомневался, что здесь найдутся подобные блага цивилизации.

Женщина закричала:

- Мерль, хватит там бездельничать, поднимайся и принеси этому парню миску жаркого!

Мальчик у вертела вздрогнул, пробуждаясь от дремоты, и шмыгнул в заднюю комнату.

- Благодарю, - сказал женщине Рейдон.

Она кивнула без намёка на теплоту. Она сказала:

- Если ты здесь, чтобы присоединиться к этим глупцам с их «Паломничеством шрама», тогда я сомневаюсь, что увижу тебя снова. Лучше потратить своё золото сейчас — когда ты погибнешь, от него всё равно не будет толка.

Не зная, о чём она, и не желая раскрывать своё неведение, Рейдон молча ответил на её взгляд своим.

Из задней комнаты появился мальчик с миской из обожённой глины с остывшим жарким. Мальчик поставил её перед монахом, потом вернулся на своё место у огня, чтобы повернуть вертел.

Рейдон принял за еду. Он так быстро очистил миску, что позже не смог вспомнить вкус.

Хозяйка наклонила голову и спросила:

- Нечего сказать? Но, вижу, ты проголодался. По твоей одежде видно, что ты не разбойник, пришедший потратить нажитое неправедным путём. Иначе был бы одет побогаче и заказал бы крепкой выпивки. Какой шрам ты найдёшь в Чумных Землях, как думаешь?

- Я не ищу новых шрамов, - сказал Рейдон, вытирая рот куском ткани.

Хозяйка рассмеялась, качая головой.

- Ты здесь не ради паломничества? - раздался голос позади Рейдона.

Дед проснулся. Его карие глаза сверкали, и вокруг них возникли смешливые морщины. Его борода была чёрной с полосами седины, как и длинные волосы, собранные в узел. Одежда у старика была мокрой из-за пролитого эля, в котором он дремал.

- Я не ищу шрамов в Чумной Земле. Зачем?

- Люди приходят сюда не ради старых развалин, - заметил стариk. - Они приходят, чтобы получить шрам в Чумных Землях.

- Получить шрам... - Рейдон замолчал, вспомнив, что сказал один из гулей в Звёздном Покрове, прежде чем попытался его сожрать. Он бормотал что-то о волшебных шрамах. О том, что некоторых Волшебная Чума не убивает, а изменяет. Иногда превращает в чудовищ.

Рейдон поинтересовался:

- И что, находятся безумцы, готовые подвергнуться воздействию Чумы?

На лицах нескольких человек проступило сомнение или стыд; другие лица упрямо застыли. Рейдон понял, что допустил ошибку.

- Приношу свои извинения, - сказал он. - Я никого не хотел оскорбить. Простите за незнание ваших обычаев. Достаточно будет сказать, что я здесь не ради паломничества, и у меня нет необходимого опыта, чтобы высказывать мнение о вашей цели.

Взгляды посетителей не отрывались от него. Некоторые смягчились, но не все. Однако лучшего шанса задать свои вопросы ему могло и не представиться.

Он продолжил:

- Нет, я здесь по другой причине. Я ищу старую подругу, проходившую здесь через несколько лет после Волшебной Чумы. Женщину, эм... звёздную эльфийку в одежде воина. Её звали Кирил Даскморн, и она носила меч по имени Ангул. Кто-нибудь из вас был здесь в то время? Кто-нибудь видел Кирил?

Хозяйка покачала головой.

- Здесь проходит много людей, и большинство из них никогда не возвращаются. Те, кто отправляются на паломничество шрама, обычно задерживаются на несколько десятидневок или месяцев, собираясь с духом, и больше я их не вижу. Некоторые возвращаются — в экстазе или в ужасе, по-разному. В любом случае, я не помню эту женщину.

- Я её помню, - заявил старик.

Рейдон обернулся, его пульс отреагировал, но лицо не выдало даже намёка на его жажду узнать.

- Что ты помнишь?

Старик прижал палец к губам и покачал головой.

- Это было вскоре после того, как Волшебная Чума вознесла Ормпетарр и швырнула его обратно вниз, как капризный ребёнок. В считанные секунды Ормпетарр стал таким, как сейчас. Многие погибли. Я помню крики и плач выживших, да, я помню.

Старик сделал глоток из кружки. Должно быть, хозяйка наполнила её заново, пока он дремал.

- Но некоторые уцелели. И несколько человек остались. Верно, я остался! - тон мужчины был почти воинственным. - Куда ещё нам было идти? Плюс, мы получили от Волшебной Чумы собственный особый сувенир: карман, который не угас, как большинство карманов Чумы в Фаэрунке. Он остался, сразу за городом. Ормпетаррская заявка на мировую известность, ха. Эти руины — не просто дом для безумцев, изгоев и разбойников. Нет. Мы получили их, а вместе с ними получили паломников.

Ещё один глоток, и он продолжил:

- Люди начали стекаться сюда, один-два человека каждый месяц. Одной из них была воительница, которую ты описал. Она хотела войти в Чумные Земли.

- Зачем? - спросил Рейдон.

- Скорее всего, услышала историю Мадруэна Морганоуга и захотела попробовать сама — как и большинство паломников, которые пришли за ней.

Имя вызвало улыбки и радостные кивки у многих присутствующих.

Рейдон наклонил голову к плечу, показывая, что незнаком с ним.

- Ты не так уж и много знаешь, да?

От вспышки гнева Рейдону захотелось схватить мужчину за голову и с силой ударить ею о стол. Потрясённый такой мыслью, монах открыто продемонстрировал своё раздражение, стиснув губы. Он попросил:

- Объясни.

Старик рассмеялся.

- Ну, Мадруэн вошел в Чумные Земли и в отличие от всех остальных — вернулся. Конечно, всё это было случайностью, и остальные решили, что он погиб. Но через

день он вернулся в город с кожей, сверкающей синим огнём, и улыбкой на лице. Его пометила Волшебная Чума. Он стал первым меченым, про которого кто-либо слышал.

Новые кивки посетителей и парочка одобрительных возгласов. Рейдон сказал:

- Почему Мадруэн улыбался? Почему его кожа сверкала?

- Он улыбался, потому что выжил. Его кожа сверкала, потому что он впитал диковинную магию Чумных Земель, и она изменила его. Его кожа стала как железо — её было практически невозможно пробить. Он выдерживал кинжалы, мечи, даже баллисту! Мадруэн был ходячей фортификацией!

Рейдон сделал глубокий вздох и снова нашёл свой фокус. Перед мысленным взором вспыхнул образ Символа Лазури, запечатлённого на груди монаха, и тот решил, что он действительно меченый, как Мадруэн — только с другим исходом.

- Когда история о нём разошлась по миру, сюда начали приходить другие, надеясь разделить везение безумца.

- Сколько из вошедших в Чумные Земли возвращаются?

- Среди тех, кто поначалу выживает — один из десяти, — объявил старик с такой торжественностью, как будто провозглашал нового короля Кормира.

- А сколько сначала выживает?

- По-разному. Иногда один из пяти, иногда — один из двадцати.

Ближайшие посетители побледнели.

- Значит, Кирил Даскморн вошла в Чумные Земли, — сказал Рейдон, — и не вернулась.

Последнее было утверждением, а не вопросом.

Старик кивнул.

- Да. Она была с дварфом; его имени я не помню. Дварф сказал, что он геомант, который хочет изучить Чумные Земли изнутри.

- Его звали Тормуд. Но геомант? Что это?

Старик пожал плечами.

- Кто знает? Он сказал, что разыскивает что-то... «Мелового коня», кажется. Дварф и Кирил отправились туда, и...

Старик снова пожал плечами, затем громко попросил ещё выпивки.

Хозяйка подчинилась. Проходя мимо Рейдона с очередной кружкой, она сказала:

- Я продаю безопасные маршруты в Чумные Земли. Сколько ты готов заплатить?

Рейдон изучал карту, набросанную на грубом пергаменте. Там была отмечена тропа под названием «Путь паломника». Она змеилась сквозь ворота Ормпеттарра в размытый край Чумных Земель. Несколько миль тропа шла относительно прямо, потом огибала веху под названием «Гранитный вихрь». Маршрут вилял между несколькими локациями с ещё более странными именами, медленно устремляясь к сердцу Земель. Последние участки карты содержали несколько альтернативных маршрутов, отмеченных символом, означавшим неизвестность.

Барменша уверила монаха, что если он будет держаться тропы, шансы выжить будут в его пользу. По крайней мере до того, как он приблизится к центру — там оставалось только гадать. Но лишь те, кто продолжали идти вперёд, получали в награду волшебный шрам. Точнее, горсточка тех, кого не словили и не сожрали. Рейдону это казалось безумным риском. Он надеялся, что его собственный предыдущий контакт с Волшебной Чумой обеспечит ему хоть какую-то защиту.

Вьючный ослик слева от Рейдона протестующе заблеял. Седовласая женщина добавила ещё один бурдюк к его и без того внушительной ноше. Женщину звали Финара, и она была магом — когда-то, до Волшебной Чумы. С тех пор она потеряла свои способности. Она не смогла приспособиться к новому устройству Пряжи, и больше не могла творить магию. После потери своих волшебных способностей, а затем — своей башни и средств к существованию, Финару настигли тяжёлые времена. Она объяснила, что стала паломником лишь потому, что другого выбора не было. Если она не сможет обрести в Чумных Землях новое понимание магии, то с радостью примет там смерть.

Справа от монаха стоял юный мужчина в простой кожаной одежде. У него на поясе висел старый длинный меч в потрёпанных ножнах. Мужчина представился Хэдином. Он преодолел долгий путь, чтобы стать паломником. Из самого Глубоководья, без устали повторял он. Он сказал, что путешествие заняло у него почти целый год. Он сказал, что его питала мечта. Мечта носить в себе кусочек Пряжи, подобно богам древности.

Когда Рейдон купил у барменши карту, она сообщила, что небольшой отряд пилигримов готовится войти в Чумные Земли уже завтрашим утром, и что он может к ним присоединиться. Барменша объяснила, что у отрядов шансы на выживание выше, чем у одиноких исследователей. Рейдон поблагодарил её и согласился присоединиться к безрассудной группе.

- Вы готовы? - поинтересовался монах у своих случайных спутников.

Хэдин улыбнулся и решительно кивнул.

Финара казалась взволнованной, но сказала «Конечно».

Позади них собралась небольшая толпа, по большей части — из будущих пилигримов, которые пока не собрались с храбростью для собственной попытки заполучить волшебный шрам. Когда Рейдон, Хэдин, Финара и ослик двинулись вперёд, раздались неровные одобрительные крики.

Перед ними простирался крутой обрыв, разделяющий выжившую половину Ормпетарра от облака бурлящих цветов, поглотившего южную часть города. Предприимчивый плотник перекинул деревянный мостик через наименее крутую часть склона, закрепив его канатом и железными крючьями. Мостик опускался в туман. Шаткая платформа была началом пути паломника.

Они спускались по деревянной рампе. Доски скрипели с каждым шагом. Ослик громко протестовал, но Финара тащила его за собой.

Они остановились у края облака. Издалека оно напоминало синеватый туман. Вглядываться в облако так близко было всё равно, что смотреть в охваченный рябью мутный пруд. Снаружи всё виделось резким и чётким, а внутри было размытым и дрожащим. Цвета и формы колыхались за границей облака, но с этой стороны различить, что они представляют, было невозможно.

Рейдон сосредоточился на выжженном на груди Символе Лазури. Несмотря на его страхи, Символ дремал. Он не засёк ничего откровенно аберрантного в Чумных Землях, по крайней мере — отсюда.

Сделав глубокий вдох, Рейдон ступил в облако.

Холодная волна защипала кожу, вцепилась в одежду, заставила волосы встать дыбом. Оттенки, которых он никогда не видел и даже не представлял, заплясали в его глазах. Он моргнул, пытаясь очистить зрение, и наконец добился успеха. Перед ними лежали Чумные Земли.

Искажённый дрожащий пейзаж простирался на юге. Земля скользила и перемешивалась, будто медленно кипящая грязь. Не только земля, но и языки синего пламени, руины, деревья и кустарник, и даже само небо тут и там касалось почвы. Всё это сливалось вместе, как будто внутри маслобойки, краями которой был сам горизонт. Земля, синий огонь, воздух и едва заметные предметы непостижимого назначениясливались, соединялись, а затем разделялись, возникая из трясины какой-то новой, ещё более невероятной чертой местности.

Слева от пандуса из содрогающейся земли внизу медленно поднялся какой-то предмет — наполовину камень, наполовину цвет и частично как будто живое существо. Он был размером с городское здание и пылал, как лазурный костёр. Он стонал и вопил, протянув похожий на руку отросток к паломнику. Не успев дотянуться до них, он рассосался какофонией криков, вспышек и текущей жидкости.

- Боги! - воскликнул Хэдин. Он подался назад, но ему помешал ослик.

Финара схватила Хэдина за плечо и закричала достаточно громко, чтобы быть услышанной в вое растворяющегося объекта:

- Подожди! Останься с нами!

Юноша забился в её хватке. Финара развернула Хэдина кругом и сказала:

- Мы знали, что встретим нечто подобное! Мы знали, что здесь по-прежнему осталась Волшебная Чума! Мы не можем повернуть назад!

Взгляд Финары искал глаза Рейдона. Несмотря на её слова, тон и взгляд женщины как будто спрашивали Рейдона: а может быть, мы всё-таки можем вернуться?

Рейдон посмотрел на деревянный мост, который тянулся вперёд через бурлящую местность. Каким-то образом деревянная конструкция оставалась устойчивой. По крайней мере, на видимом отрезке, хотя резкий поворот уводил мостик за сверкающий холм цвета индиго.

Монах сказал:

- Я намереваюсь идти дальше.

Финара отпустила юношу. Тот судорожно вздохнул, потом сказал:

- Простите. Я... я такого не ожидал. Я тоже хочу идти дальше. Я хочу волшебный шрам.

Они снова двинулись вперёд. Рейдон пытался не отрывать взгляда от деревянных досок перед собой, но вспышки света, рёв чудовищных звуков и неожиданные порывы ветра отвлекали его внимание. Всякий раз его фокус начинал дрожать.

Через сотню шагов Хэдин остановился, перегнулся через перила, и его шумно стонило.

Они молча ждали, отведя взгляды. Рейдон подозревал, что дрожащая перспектива сбивала с толку чувства юноши точно так же, как пыталась нарушить его собственные. Воинский фокус Рейдона обеспечивал ему защиту, и судя по запаху дыхания Финары, алкоголь предоставлял ей определённый заслон против безумной панорамы. Хэдину же приходилось полагаться только на силу воли, чтобы продолжать волочиться вперёд.

- Что охраняет этот мост от Волшебной Чумы? - выдохнул Хэдин, вытирая рот.

Финара прищурилась на деревянные опоры, потом покачала головой.

- Я потеряла свою чувствительность к магии. Может быть, мост зачарован? Не могу сказать.

Рейдону тоже было интересно. Он надеялся, что это неизвестное качество моста не является необходимым условием их выживания.

Хэдин возглавил их отряд, давая понять, что чувствует себя лучше. Рейдон ему позволил. Финара и её ослик замыкали шествие.

Они обогнули холм, и Хэдин резко остановился. Монах поднял взгляд и увидел предмет, вызвавший страх Хэдина. Деревянный мост без всякой заметной поддержки тянулся над огромной ямой. Перемалывающий, чудовищный звук исходил из дыры, и в воздух вздымались клубы каменной пыли. Мост дрожал от чудовищного шума. Рейдон двинулся вперёд, мимо неподвижного Хэдина, пока не остановился сам, когда дрожь досок под ногами стала слишком сильной, как будто они намеревались разлететься на части, отбросив своё прежнее единство в качестве моста.

Даже отсюда Рейдон мог разглядеть часть ямы. Огромные каменные плиты кружились вокруг центральной колонны сапфирового пламени. Каждая плита достигала сотни футов в длину, а то и больше. Когда плиты ударялись друг о друга, раздавался грохот. Наверху звук был таким громким, что барабанные перепонки монаха угрожали лопнуть.

Рука дотронулась до его плеча. Это была Финара. Она прокричала ему на ухо:

- Это Гранитный вихрь. Первая веха на пути паломника!

Рейдон достал карту и принял её изучать. Да, видимо всё так и было. К несчастью, вихрь похоже смеялся — путь не должен был проходить прямо над ним.

- Стоит подумать о том, чтобы оставить мост, - закричал в ответ Рейдон. - Кажется, ослик тоже сможет спуститься...

- Но тогда мы свернём с тропы! - запротестовал Хэдин. - Мы станем уязвимы!

Рейдон пожал плечами и ответил:

- Нам всё равно придётся свернуть, здесь или через пять миль. Мне не нравится эта воронка. Тебе придётся выбирать.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Год Тайны (1396 ЛД)

Тауниссик, море Павших Звёзд

Капитан Фостер изучал далёкое пятнышко на горизонте сквозь трубу из чёрного железа. Он стоял на носу «Зелёной сирены» вместе со жрицей кво-тоа, Ногах. На её коже блестели капли солёной воды.

Яфет наблюдал за этой парочкой, кутаясь в плащ, чтобы укрыться от прямого солнечного света. Он пытался понять, что задумал Берун, как и почему заключил союз с эладринской дамой из Фейвайльда, и зачем существу с такой силой, как у неё, потребовался смертный.

Ногах прокаркала, нарушив задумчивость колдуна:

- Видишь его? Видишь Тауниссик?

- Да, вижу, ваше рыбье величество, - отозвался Фостер. - Только в чешуе не запутайся.

Яфет прикрыл глаза ладонью и сощурился. Пятнышко висело сразу над горизонтом, и до него по-прежнему оставалось несколько миль. Но даже так далеко и без подзорной трубы он мог разглядеть правильные формы и углы, свидетельствующие о неком поселении.

Серена легонько толкнула Яфета в бок и прошептала:

- Как ты думаешь, какие у нас шансы на самом деле? Я не лишена определённой силы, и мои враги не назовут меня трусихой. Но великий кракен! Разве ты не беспокоишься?

Серена стояла по-дружески близко, хотя он дважды отодвигался. После этого она каждый раз придвигалась обратно. Похоже, волшебница специально прижималась к нему.

Яфет удостоил настойчивость женщины кивком. Он сказал:

- Нам выпала непростая задача. Но выбора у меня нет. Я должен довести дело до конца.

Серена неожиданно улыбнулась и заметила:

- А ты благороден, не так ли? Притворяешься суровым и злобным, но на самом деле у тебя есть слабое место размером в милю.

Колдун нахмурился. Он чувствовал себя неуютно из-за широкой улыбки женщины и её попытку встретиться с ним глазами.

Он отвёл взгляд, но тут же почувствовал руку волшебницы у себя на плече. Серена сказала:

- Знаешь, а это привлекательная черта. Фостер заботится только о себе. Но ты! Твоё сердце достаточно велико, чтобы беспокоиться о других. Я могла бы этим восхищаться.

Рука Серены, не покидавшая плечо Яфета, легонько сжалась. Даже через толстый плащ из кожи летучих мышей он чувствовал тепло её ладони.

Яфет отступил на шаг, позволив её руке упасть. Он сказал:

- Ты серьёзно ошибаешься, если думаешь, что я настолько глуп или благороден.

Серена подняла пустые ладони в примирительном жесте. У неё были тонкие и аккуратные запястья, красивые руки. Яфет посмотрел ей в лицо. Она спросила:

- Почему ты постоянно отстраняешься, Яфет? Ты мне нравишься. Неужели мрачные мысли настолько поглотили тебя, что ты даже этого не заметил?

- Да, я был занят, - подтвердил колдун. Он вспомнил спящее тело Ануши в своих руках, когда уносил её из замка фей.

- Что ж, теперь, когда я раскрыла все карты, у тебя больше нет поводов меня игнорировать, - ухмыльнулась с некоторой свирепостью Серена.

- Я... я польщён. Но сейчас не самое подходящее время. Мы направляемся в логово зверя. Нам лучше даже не начинать.

- Разве тебе не одиноко? - спросила она мягким голосом. - Мне очень одиноко долгими ночами в пустой каюте.

Образ Ануши на его койке, поедающей сухой паёк, мимолётно заслонил собой Серену перед взором Яфета. На Ануше была сорочка, оставляющая шею и плечи обнажёнными. У колдуна загорелись щёки, хотя он сомневался, что волшебница заметит его румянец в тени капюшона. Скорее всего, она неправильно расценит подобную реакцию. Между ними с Анушей что-то происходило, что-то большее, чем дружба. Сердце колдуна забилось быстрее.

Серена желала чего-то подобного, только без дружбы. Он сохранил суровое выражение.

- Ну? - спросила волшебница, лицо которой тоже начало краснеть — не от стыда, а от гнева, причиной которому был отказ.

- Хой! - возглас Фостера оборвал протянувшиеся между ними нити напряжения.

- Яфет! Серена! О чём вы там болтаете? Идите сюда! У нас есть немного времени, чтобы составить план!

Серена разглядывала его ещё какое-то время. Потом, вместо того, чтобы нахмуриться, она рассмеялась, подмигнула и сказала:

- Наше путешествие ещё не закончилось. Если мы одолеем великого кракена, может быть, у тебя будет более подходящее настроение.

Она присоединилась к Фостеру и Ногах у перил, оставив Яфета качать головой. Было очевидно, что волшебница в белом не привыкла к отказам.

Он подошёл к группе так, чтобы между ним и Сереной оказалась кво-тоа. Ногах отвечала на какой-то едкий вопрос волшебницы.

- Всё не так безнадёжно, как ты считаешь, человеческая женщина. Я могу безопасно провести нас через город вниз, туда, где находится кракен. Я чувствую Сердце Снов прямо сейчас. Я достаточно близко, чтобы скрыть наше приближение, и чем ближе я подхожу, тем сильнее становлюсь!

Яфет и Фостер быстро переглянулись. Капитан указал глазами на кво-тоа и едва заметно отрицательно покачал головой. Пытается сказать, что нельзя позволить Ногах сохранить Сердце Снов, если они успешно добудут артефакт? Возможно. А может быть, колдун прочитал в сигнале капитана то, что хотел прочитать. Так или иначе, Яфету придётся забрать артефакт для Беруна, невзирая на мысли Ногах и желания Фостера. Колдун решил, что не станет выдавать своих намерений.

Возможно, теперь, когда на кону оказался такой серьёзный приз, Фостер перестал считать его слугой Беруна.

- Можно? - спросил Яфет у Фостера, указав на подзорную трубу.

Фостер передал ему прибор. Яфет поднёс цилиндр к глазам и прищурился. Далёкое пятнышко увеличилось. Он увидел остров, на котором между сухой землёй и лагуной в форме полумесяца возвышались странные строения. Небо над островом было каким-то мутным, как будто солнечный свет не хотел освещать поселение квотоа.

- Не нравится мне это освещение, - заметил колдун. Он задумался, не принять ли зёрнышко пыльцы путешественников — просто чтобы убедиться, что ничто не ускользнёт от его внимания. Вместе с этой мыслью его настигло чувство, как будто по ладоням ползают крошечные муравьи. Он не стал смотреть — знал, что никаких муравьёв там не было.

Вмешалась Ногах:

- Отправляться нужно немедленно. Приготовьте лодку для тех, кто не умеет плавать.

- То есть для всех нас, - ответила Серена.

Ногах посмотрела на Фостера, но только кивнула.

- Если ты можешь укрыть нас, разве не стоит подвести ближе сам корабль? - настаивала волшебница.

- Лодку я спрятать могу, но такой большой корабль, как «Зелёная сирена» — нет.

Фостер отдал приказ готовить шлюпку. Когда её спустили, капитан, Серена, Яфет, шестеро членов команды, которым предстояло исполнять роль гребцов, и даже первый помощник Нирота спустились в раскаивающееся судёнышко. Яфет не видел Анушу, но подозревал, что девушка тоже их сопровождает. Его опять охватило желание принять немного пыльцы, на этот раз — ещё более острое. Горло как будто распухло. Казалось, что муравьи карабкаются ещё и по запястьям. Колдун схватился за планшир, чтобы занять чем-то руки.

Ногах просто нырнула в море. Почти без всплеска она стрелой вошла в воду. Через секунду чешуйчатая голова кво-тоа появилась рядом со шлюпкой, моргая сквозь синевато-серые волны.

Фостер развязал узлы, и матросы налегли на вёсла. Шлюпка медленно начала приближаться к острову. Ногах плыла рядом, булькая что-то полуразличимое. Сначала Яфет решил, что она молится, потом вспомнил, что Ногах отказалась от своей веры. Должно быть, она черпала энергию Сердца Снов с помощью какого-то ритуала. Предположительно заклинание должно было обеспечить защиту от наблюдателей на острове, хотя не обладало каким-либо заметным эффектом. То, что бывшая жрица смогла использовать силу камня на таком расстоянии, произвело на колдуна впечатление. Он надеялся, что Гефсимет этого не заметит.

Во мраке над островом стали заметны крохотные точки. Яфет указал на них капитану Фостеру. Тот нацелил подзорную трубу и выругался.

- Что там? - спросила Серена. Фостер молча передал трубу волшебнице. Серена взглянула, и её бледная кожа побелела ещё сильнее. - Как такое возможно?

Яфет взял подзорную трубу из почти обмякших рук женщины.

Он увидел пятерых парящих в воздухе часовых, описывающих ленивые петли по периметру острова. Часовыми были кво-тоа с хищными телами, подобные тем, с которыми они сражались в башне. Странные кво-тоа восседали на существах, похожих на огромные копны водорослей. Следом за каждой копной тянулось извивающееся гнездо боковых отростков, которые волнами колыхались, продолжая скользить по небу. Каждый наездник оставлял за собой полосы чернильного мрака. Чернила медленно таяли на ветру, но всё же вносили свою лепту в общие сумерки, укутавшие остров. Каждый кво-тоа сжимал под мышкой длинное копьё.

- Таково могущество Сердца Снов! - раздался из воды голос Ногах.

- Как? Почему? - спросил Фостер.

- Камень черпает силу из некоего изобильного источника, а тот даёт свободу приговорённым к подводной жизни существам. Для избранных граница между небом и морем стирается, и они могут дышать и двигаться в обеих средах одинаково. Видишь? Эти существа, парящие в воздухе — поработённые моркоты! Гефсимет переделал их в летающих носителей для всадников!

Речь кво-тоа была яростной и быстрой, и стала почти неразличимой, когда Ногах заколотила по воде.

- Полегче, - предупредил её Фостер. - Ты в порядке?

- Будем надеяться, - вмешалась Серена, - что Гефсимет не наделил себя способностью скользить по воздуху подобно птицам.

- На самом деле, - неожиданно произнёс Яфет, пока его взор оставался прикован к летающим часовым, затемняющим воздух, - для нас так было бы даже лучше. Мне не слишком хочется погружаться под воду для встречи с кракеном.

Ногах пыхтела и сопела, но понемногу начала успокаиваться. Наконец, она продолжила:

- Я предвижу, что Гефсимет встретит нас на полпути.

Яфет задумался, что это значит, но Ногах помешала ему задать вопрос, быстро покачав головой. Она сказала:

- Придержите языки. Я должна удвоить усилия. Я не ожидала таких сторожей.

Шлюпка продолжила своё путешествие. Остров приближался. Яфет не отрывал взгляда от парящих созданий и их наездников, выискивая хоть какой-то признак поднятой тревоги. Он вздрогнул, когда дно лодки неожиданно заскребло по скалистому берегу острова.

Из волн поднялась Ногах. С её тела стекала вода. Бывшая жрица продолжала напевать какую-то атональную мелодию, и поэтому просто указала рукой направление.

Все, кроме гребцов, покинули шлюпку. Высокая волна захлестнула сапоги Яфета неожиданно холодной водой, и колдун зашипел.

Лёгкий путь на берег оброс по бокам густыми зарослями мангрового дерева. Ногах разумно выбрала для высадки место, скрытое от остального острова. Мелкая рыбёшка, креветки, крабы и моллюски играли в чистой морской воде, омывающей длинные корни мангров.

Бывшая жрица возглавила отряд и направилась в густые заросли, следя тропинке — хотя на самом деле это был мелкий солёный эстуарий. Кво-тоа так и не

прекратила свой ритмичный напев. Яфет посмотрел вверх. Он не смог разглядеть часовых, но не сомневался, что те по-прежнему находятся в воздухе.

Он задумался, не рискнуть ли обратиться к собственному колдовству, но решил, что не стоит.

На самом деле ему было необходимо обострённое восприятие, которое даровала пыльца путешественников.

Колдун говорил себе, что это глупо — пренебрегать ресурсами в настолько отчаянном положении. Он может принять всего лишь половину зёрнышка. Этого хватит, чтобы обострить чувства, не притупив реакцию. И не увлечь его разум на багровую дорогу, что ещё хуже.

Жестянка уже была у него в руках. Яфет открыл её и достал крупицу пыли. Кристаллик был мелким. Гордясь своей сдержанностью, он бросил кроваво-красную крошку в левый глаз.

- Ох! Яфет, ну почему сейчас? - раздался из ниоткуда голос Ануши.

Капитан Фостер оглянулся.

- А это ещё что?

Он озадаченно прищурился.

- О чём ты? - спросил Яфет.

- Мне показалось, что кто-то произнёс твоё имя. Причём недовольным тоном.

Яфет пожал плечами.

- У тебя галлюцинации.

Фостер нахмурился, но продолжил хлюпать по тропе за Сереной.

Яфет чуть наклонил голову, изучая облачённое в доспехи тело Ануши. Девушка выглядела размытой. Он скрупо улыбнулся и подмигнул призраку.

- Со мной всё будет в порядке, - прошептал он. Голова в шлеме чуть качнулась, потом исчезла. Либо он принял слишком мало пыли, чтобы хорошо видеть её присутствие, либо девушка решила уйти. Из-за того, что разочаровалась в нём? Эта мысль обеспокоила колдуна. Но беспокойство было смутным, перечёркнутым эйфорией, сопровождающей первые мгновения после употребления пыльцы.

Яфет растворился в настоящем.

Впереди мангровые заросли редели, открывая первое из нескольких зеленовато-серых зданий. Здания были похожи на кораллы своей текстурой и гладкой твёрдостью, однако вместо беспорядочных наростов представляли собой грубую пародию на более привычные постройки. Виднелись стены, двери, окна, башни и шпили, разделённые дворами и площадями, а также многочисленными чистыми прудами. Углы зданий иногда казались чересчур резкими или расходились там, где должны были оставаться параллельны.

А может быть, на самом деле линии остаются прямыми, подумал Яфет. Может быть, на него действовала пыльца.

Поселение кво-тоа купалось в мутном сумраке под чернильной завесой часовых. Дымная пелена над головой создавала впечатление, будто деревня стоит в подземной пещере. Между зданиями целеустремлённо расхаживали хищные кво-тоа, но некоторые из них игрались в бассейнах, плескаясь, как человеческие дети. Эти кво-тоа не обладали выпученными глазами и липкой кожей, подобно Ногах и её сородичам, однако по земле передвигались с такой же неловкостью. Зато они

грациозно скользили по поверхности водоёмов. Пока Яфет наблюдал за их движениями, его посетило некое не поддающееся описанию предчувствие. Какой-то нарастающий страх, затаившийся под поверхностью подобно червям в яблоке.

Это чувство определённо вызвала пыльца, решил он. С другой стороны, может быть, оно было настоящим — может быть, его обострённое восприятие улавливало следы власти Гефсимета над этими несчастными и частично преобразованными созданиями.

Ногах подобралась к особенно крупному зданию. По всей поверхности здания были вырезаны глифы, изгибы которых вызывали смутное беспокойство. Бывшая жрица дала знак следовать за ней, а потом скользнула в небольшой боковой проход.

Ни один кво-то не заметил их маленький отряд. Их проводница оказалась верной своему слову. Она пообещала, что получит силы благодаря прежней связи с Сердцем Снов, и не солгала.

Ногах ждала их в низком зале. В стенах были вырезаны три фонтана — каждый напоминал устремлённую вверх рыбу с открытым ртом. Из рта рыб текла на пол чистая жидкость. За фонтанами шли два изгибающихся коридора, которые обеспечивали проход вглубь здания. Их освещал тусклый жёлтый свет.

- Зачем чешуйчатым это здание? - спросил Фостер.

Ногах просто указала на правый коридор и буркнула:

- Этот проход ведёт через множество поворотов и развилок к приёмной палате Гефсимета.

- Да неужели? - недоверчиво поинтересовался Яфет.

- Сердце Снов. Оно многое мне рассказывает. А теперь перестаньте отвлекать меня своей болтовней. Мы уже близко! Я должна полностью сосредоточиться на попытке скрыть от кракена свою связь с артефактом. Если Гефсимет слишком рано узнает о моём присутствии, до того, как я предстану перед ним во плоти, он легко разделается с нами — или поручит это своим слугам.

Яфет сощурился и посмотрел на неё. Он практически видел едва заметный намёк, нить энергии, исходящую из лба кво-тоа. Нить пересекала помещение и ныряла в указанный жрицей коридор. Но поверх этого усиленное пыльцой зрение Яфета различало мерцающую дымку, уже не похожую на нить. Вместо этого дымка походила на длинный, усеянный присосками нарост...

- Ты уверена, что кракен до сих пор про нас не знает? - спросил Яфет.

- Конечно, - фыркнула Ногах. - Я провела с артефактом куда больше времени, чем этот высокочка.

Фостер положил руку на плечо Яфета.

- Она наша единственная надежда, приятель. Если она права, у нас есть шанс. Если она ошибается, мы всё равно уже мертвые — просто пока не знаем об этом.

Колдун нахмурился, но не сумел найти в себе достаточной тревоги, чтобы возразить. По правде говоря, пыльца могла вызывать у него ложные видения, из которых он сделал ложные выводы. Таков уж изъян у наркотика, философски подумал он. Один из его изъянов.

Ногах пошла вперёд, следуя за нитью. Чем больше Яфет рассматривал свои видения, тем больше они походили на извивающееся щупальце. Он заморгал, пытаясь избавиться от этого сходства.

Проход быстро сменился узкой лестницей, ведущей вниз. На каждой стене через равные промежутки виднелись барельефы с изображением головы кво-тоа. Глаза у них светились жёлтым.

- Мы только что опустились ниже уровня моря, - сообщила Ногах. - Будь мы снаружи, пришлось бы плыть.

Её слова прозвучали с сожалением.

- А мне пришлось бы повернуть назад, - ответила Серена.

Лестница продолжала спускаться. Воды, к счастью, на ней не было.

После пролёта ступени привели их в очередной ровный проход. Тот был немного уже и света здесь было меньше.

Звук падающей воды медленно нарастал. Серена хмурилась всё сильнее.

Тоннель открылся в широкое пространство, освещённое трёмя скульптурными бюстами кво-тоа в тридцати-сорока футах наверху. Главенствующее место здесь занимал центральный бассейн, вокруг которого росли кустарники. Аромат черники и мёда намекал на цветы, но Яфет не смог разглядеть бутонов. В центре бассейна из воды поднималась сухая платформа. На ней валялись кости, куски одежды, рассыпанные монеты и другие вещи. По ту сторону бассейна Яфет различил арку, ведущую в абсолютно тёмный коридор.

По воде в бассейне прошла рябь. Фостер в одиночку приблизился и заглянул вглубь.

- В бассейне полно рыб-альбиносов, - доложил он, - а на дне — затопленная спиральная лестница, уходящая глубоко вниз.

- Это не бассейн, это наш путь, - заявила кво-тоа.

- Что? - воскликнула Серена. - Я же сказала: я не умею и не буду плавать!

- Разве у тебя нет заклинания, чтобы отрастить себе плавники? - спросил первый помощник, Нирота хриплым от долгого молчания голосом.

Волшебница отозвалась:

- После Волшебной Чумы, будь она проклята, нет! Я возвращаюсь на корабль. Хватит с меня этой идиотской экспедиции!

Бывшая жрица кво-тоа подошла к Фостеру и обернулась к остальным. Она сказала:

- Не бойся. Ты можешь спуститься по этой лестнице и не утонуть. Видишь всю эту бледную рыбу? Она заряжена рунами. В её присутствии ты можешь ходить по дну морскому, как по зелёным лугам.

- Правда? - интерес к волшебству Серены вступил в схватку с гневом при мысли о возможности утонуть. Гневом, за которым скрывался естественный страх, решил Яфет.

Серена и колдун подошли к краю бассейна. Яфет увидел снующих безглазых рыб — те испускали бледное сияние. Серена протянула руку и сосредоточенно нахмурилась. Потом улыбнулась.

- Как необычно! - заявила она. - Надо взять несколько штук с собой после того, как...

Внимание Яфета привлекла зелёная искра. Сквозь его наркотическую дымку наконец стала просачиваться тревога. Пожалуй, следует предупредить остальных. Когда они подошли к бассейну, колдун заметил несколько силузтов по краям сада.

Силуэты скрывались в тенях. Возможно, это были не просто статуи, как он сперва решил. Возможно...

Щёлкнули арбалеты. Из тела Ногах выросли два болта — один торчал в груди, другой из глазницы. Едкий запах ударили Яфету в ноздри, когда жрица начала кричать. Яд!

Нирота и Фостер упали, и снаряды просвистели у них над головами. Третий болт ударил Фостера в плечо, но тот даже не пикнул. От неожиданности Серена застыла на месте, но осталась невредима. Яфет почувствовал слабый толчок, когда два-три болта ударили в его плащ. Даже без приказа от колдуна чёрные складки увеличили снаряды прочь из этого мира, во тьму пещеры летучих мышей.

Его пульс ускорился, и апатичное настроение, вызванное пыльцой, пропало. Яфет крикнул: «Засада!»

Слишком поздно.

Кто-то схватил его и рванул в сторону. Струя сверкающей кислоты прошла мимо.

- Спасибо, - промямлил он, решив, что это Ануша.

Бывшая жрица Ногах завопила неровным от боли голосом:

- Гефсимет знает!

С потолка рухнула гранитная плита. Плита преградила проход, по которому они сюда спустились, и отсекла половину света.

По краям зала замельтешили новые фигуры. Это были кво-тоа, не считая одной — четвероногой, со множеством конечностей и тёмной, как уголь, шкурой. Что это — неужели она развернула крылья и скорпионий хвост? Сквозь странные растения, окружавшие бассейн, было не различить. Жуткая фигура испустила первобытный охотничий вопль, пытаясь заставить их застыть на месте от страха.

- Бассейн! В бассейн! - пробулькала Ногах.

Как будто по команде от воды отделился пузырь синевато-зелёной слизи. Аморфная масса потекла вперёд, выпустив длинные ложноножки с отростками в форме морских звёзд на конце.

- Ногах, - сказал Фостер, поднимаясь на ноги, - что...

Бывшая жрица упала на колени, тупо уставившись единственным здоровым глазом на окровавленный болт, торчавший из её груди.

- Мои сородичи... станут такими? Как я могла быть настолько слепа? Сердце Снов отравило мне разум! Прости меня, Морская Мать...

Она извергла изо рта поток густой жидкости, забилась, как одержимая дьяволом, и рухнула. Она лежала на покрытом слизью полу и не дышала.

Даже не моргнув, Фостер вырвал арбалетный болт из своего плеча. Воздух вокруг него как будто загорелся, и он достал свой меч — оружие, которое жужжало и щёлкало.

Нирота поднялся на ноги и начал рубить щупальцеобразные отростки слизняка. Он выпучил глаза, на губах проступила пена. Ложноножка рванулась вперёд. Пятиконечный отросток ткнулся мужчине в лицо и заткнул ему рот кляпом из зловонной слизи. Закипела плоть и кровь. За несколько мгновений на месте лица у Нироты остались только хрящи да кости.

Отвращение и ужас скрутили Яфету живот, развеяв последние останки наркотического дурмана. Он схватил Серену и Фостера за плечи и попытался направить их мимо бассейна к проходу, который заметил ранее.

- Сюда, иначе мы все погибнем! - закричал он. Серена вяло дёргалась в его хватке, но Фостер отряхнул руку Яфета.

Безумные кво-тоа с крохотными глазами окружили их со всех сторон. Яфет снова схватил капитана и зашептал про себя заклинание. Все трое рухнули внутрь его плаща.

И немедленно возникли с другой стороны бассейна, как будто сделав всего один шаг. Колдовская транспозиция — это заклинание могло переместить его и только его не больше, чем на десять шагов. Но кожа самого Владыки Летучих Мышей, укрывшая его тело, смогла телепортировать остальных.

- Теперь за мной!

Яфет бросился во тьму. Серена и Фостер наступали ему на пятки. Громкий рёв у них за спиной заглушил шипение растворяющей плоть слизи.

Каменный тоннель спускался во мрак.

Позади колдуна раздавался шорох сандалий волшебницы и звон железных сапог Фостера. За ними вопили и царапали камень монстры.

Яфет прошептал три жутких слова, и к нему вернулось зрение — хотя далёкие предметы по-прежнему оставались окутаны чёрной пеленой. Он сказал:

- Я могу найти...

Тоннель у них под ногами раскололся. Троица рухнула в ледяную воду.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Год Тайны (1396 ЛД)

Чумные Земли, Вилхонские дебри

Гранитные плиты размером с городской двор вращались внутри кратера, складываясь в вихрь, который засасывал воздух и всё, что попадалось в его дробящую хватку. Стук камня по камню ощущался кожей. Звук угрожал сбросить Рейдона Кейна с деревянного моста, каким-то образом без всяких видимых опор пересекавшего голодную пропасть.

Потоки синего пламени расчертили небо подобно стекающим по склону струйкам воды. Или, подумал Рейдон, как синие вены, бьющиеся под кожей на мясистой спине великаны.

Монах сморгнул неприятный образ и посмотрел на своих спутников.

- Ну? Что вы решили? Сойдём с моста здесь или пересечём воронку?

Финара, седовласая бывшая волшебница, с преувеличенной осторожностью покачала головой.

- Оба варианта могут оказаться фатальными. Я не могу решить.

- Я могу! - вмешался юноша. - Мост, будем держаться моста! Этот путь безопасен до самого конца — мы все знаем, что это правда!

- Гранитный вихрь сместился. Это не было предусмотрено. Могут быть и другие перемены, - пояснила Финара. - Здесь нет ничего постоянного.

- Мы остаёмся на мосту, - упрямо повторил Хэдин.

Рейдон задумался. Он не мог предсказать, какой маршрут будет безопаснее. Если мост пересекает чудовищную бездну, их отряд тоже должен пересечь её, оставаясь на мосту. Возможно, покидать мост раньше, чем будет необходимо — скверное решение. Он сказал:

- Крепко держитесь за перила. Дрожь может вас сбросить.

Они прошли через огромный разлом, окружённый воронкой камней, плавное движение и громкие удары которых пытались сбить их с ног физически и лишить веры в постижимость мира морально.

Хотя монах был ничем не обязан своим спутникам, он невольно начал оглядываться, проверяя их состояние. Они почти пересекли воронку, когда Рейдон увидел, как ломаются перила, в которые вцепился Хэдин.

Хэдин повис над пропастью. Его лицо исказилось от ужаса. Звенящие удары гранита заглушили его крик.

Рейдон бросился, чтобы схватить юношу за руку. Его пальцы нашли запястье Хэдина. Монах упал грудью на доски моста. Боль пронзила руку. Рейдон стиснул зубы и удержал хватку.

Хэдин мотался над зияющей бездной. Его умоляющий взгляд застыл на Рейдоне. «Спаси меня!» — читалось в глазах.

Монах начал вытаскивать юношу. Краем глаза Рейдон заметил единственную полоску синего пламени. Та тревожно близко подобралась к мосту. Полоска встрепенулась, закружила и рассыпалась каплями синего огня.

Вторая полоска ударила с неба и пронзила грудь юноши.

Несмотря на свой внешний вид, это не был огонь. Сияние, растекавшееся по бьющемуся телу Хэдина было неразбавленной, сильной, действующей Волшебной Чумой. Эта зараза поражал землю и камни, плоть и кровь, магию и даже само пространство.

Первым побуждением Рейдона было отпустить руку, но монах его поборол.

Конвульсии юноши усилились. Его кожа замерцала синим. Глаза Хэдина засияли, как будто охваченные божественным видением. Его волосы хлестали и колыхались, словно под водой. Непостижимым образом он стал тяжелее.

Мускулы на запястьях, плечах и груди Хэдина неожиданно надулись. Тело юноши удлинилось, как будто набирая ещё больше силы, и новые мускулы выпятились буграми. Хэдин сжал руку Рейдона вдвое сильнее, а затем — вдвое сильнее этого. Рейдон услышал, как скрежещут друг о друга его кости.

- Я чувствую... силу! - прокричал Хэдин.

Потом юноша завопил.

Сапоги Хэдина уже были охвачены огнём, и Рейдон видел обнажённые кости его ног. Попыхающие белые палки. Его бедра были прозрачным воском, плавящимся в каменной печи. Или Хэдин был свечёй, а Волшебная Чума — пламенем.

Всего за три секунды Хэдин растворился целиком. Его пылающий прах развеяло по ветру.

Рейдон встал и посмотрел в испуганные глаза Финары. Сейчас он не видел женщину.

Он продолжал думать о смерти Хэдина. Или, точнее, о причине его смерти. Монаха снова преследовал образ так давно погибшей начальницы каравана. И опять Рейдон не смог не задуматься — что, если Эйлин погибла таким же образом? Может быть, она кричала, как Хэдин? Звала Рейдона по имени? Или проклинала?

Стиснутые зубы монаха не смогли сдержать стон, вызванный настойчивым видением смерти дочери.

Если он хочет положить конец своему несчастью, сейчас самое подходящее время. Всего один шаг...

Нет. Неважно, в чём причина, но путь слабака — не для него, пускай даже дело в том, что он не смог сдержать обещание защищать Эйлин. Он позволил этим мыслям рекой потечь из него наружу, пока разум не опустел. Пускай его единственной эмоцией будет сосредоточенность.

Вернулись звуки Гранитного вихря. Пока что прошлое оставило его.

Впереди мост заканчивался на лугу с усыпанной камнями высокой алоей травой. На самом деле камни не лежали в траве; каждый парил в паре футов от земли. Некоторые камни оставались неподвижны, но несколько штук дрейфовали в разные стороны. Судя по отметинам на каждом булыжнике, периодически они врезались друг в друга.

Рейдон проверил карту. Кто-то из прошлых путешественников назвал этот луг Столом Цирика. Если верить пометкам, им требовалось покинуть мост и пересечь луг, пока не достигнут корней предмета, отмеченного на карте как Ясеневая Матушка. Подняв взгляд, монах заметил в далёком тумане невероятно высокое дерево. Верхние ветви дерева были увенчаны кроной из синих огней.

Он кивком указал туда, где заканчивался мост.

Финара застыла на месте, онемевшая и с пустым взглядом. В одной руке она сжимала собственную копию карты; другой хваталась за поводья ослика.

- Я не могу, Рейдон. Я не могу сойти с моста. Хэдин был... шансы против меня.

Он кивнул.

Взгляд женщины умолял его о словах поддержки. У Рейдона их не было. Он ответил:

- Может быть, сегодня не твой день.

Слёзы потекли из её левого глаза, но женщина кивнула. Облегчение боролось в ней с мукой и ужасом.

- Увидимся в Ормпетарре через три дня, если будет на то воля богов, - сказала она. - Если ты вернёшься с волшебным шрамом, я буду знать, что это не просто сказочка, чтобы обманывать простофиль.

Рейдон сжал плечо Финары, потом отвернулся, изучая свой путь. Он прогнал из головы тревогу о её безопасном возвращении.

Плыущий куб на мгновение заслонил далёкое дерево. Ломанный след синей молнии расколол небо и осветил равнину своей вспышкой. Сморгнув вспышку, Рейдон сошёл с моста и ступил на луг с красной травой. Он не оглядывался.

Длинная багровая трава хрустела под ногами. Булыжники парили в воздухе подобно крохотным версиям летающего острова, что видел монах к западу от Натлеха. В отличие от массивного острова, камни двигались и оставляли за собой синеватое сияние. Он задумался, не являются ли эти булыжники затвердевшей Волшебной Чумой, и со всем подобающим усердием принял избегать встречи с ними.

Оставив позади дрейфующие камни, он достиг границ обнажённой спутанной массы корней. Далёкое дерево окружало поле корней длиной около мили, может быть больше. Монах недооценил размер дерева. Оно было значительно крупнее. По крайней мере между огромными, похожими на пальцы камнями, яростно цепляющимися за землю, не росла трава. Некоторое время он просто разглядывал корни. Те как будто лениво переплетались и разрыхляли землю, только медленно, со скоростью земляных червей.

Он начал пересекать поле. Корни служили твёрдой опорой и не прогибались под его весом. Он быстро достиг ствола.

Ствол дерева больше походил на утёс. Первые несколько сот футов у земли на нём не было ветвей, но те, что росли выше, были толстыми, как дороги. Звук ветра в похожих на крышу листьях наверху казался рёвом водопада. Каждый лист блестел, как язык сапфирового пламени.

Рейдон почесал подбородок и достал карту. Путь паломника вёл к основанию Ясеневой Матушки. От дерева в сердце неизвестности шла пунктирная линия, как будто картограф на самом последнем отрезке потерял уверенность в маршруте.

Рейдон решил взобраться на дерево, если сможет, чтобы осмотреть землю с высоты.

Он положил руку на сероватую кору с глубокими бороздами. Кора была тёплой от солнца и приятной на ощупь. Рейдон подумал: «Кажется, ты хорошо освоился в Чумных Землях».

Горячая радость заполнила монаха. Радость нахлынула без предупреждения и разорвала его сосредоточенность, как рисовую бумагу.

Монах отдернул руку, и чувство пропало.

Несколько долгих мгновений он рассматривал дерево и размышлял.

- Ты разумное? - наконец спросил он.

Ни голоса, ни чужих чувств. Он снова положил ладонь на дерево.

Согласие заполнило монаха с головы до пят.

- Приветствуя тебя, Ясеневая Матушка. Я Рейдон Кейн. Прошу прощения, что потревожил тебя, но у меня есть вопрос, если позволишь.

Руку Рейдона защипало от любопытства.

- Спасибо. Я разыскиваю старую подругу, эльфийку, которая могла проходить здесь несколько лет назад. Она несла могущественный меч и путешествовала в сопровождении дварфа. Что-нибудь кажется знакомым?

Монаха охватило «зелёное» чувство подтверждения, а потом... страх.

- Что заставляет тебя бояться, о великая?

Дерево задрожало. Под рукой Рейдона зажёгся синий огонь. Монах отдернулся, и за ним остался след угасающего пламени. Какое-то время он испуганно рассматривал руку, потом облегчённо вздохнул.

Пылающая точка на коре превратилась в линию, которая быстро нарисовала очертания человеческой фигуры. Фигура увеличилась и шагнула из двух измерений в третье. Похоже, это была женщина, но состояла она из коры и листьев, ствола и сучьев, с руками из переплетённых корней. Толстые полосы мха были её волосам, а глаза — двумя дырами, охваченными синим огнём. Её голая кожа была сухой серой корой ясения.

- Кто сказал, что я боюсь? - спросила женщина, голос которой пульсировал жизнерадостной музыкой. Она была немногим выше Рейдона, хотя не выпрямлялась полностью

Он сдержался и не сделал шаг назад, вместо этого просто ответил, как будто ожидал, что из дерева выйдет женщина:

- Наверное, я оговорился, мадам.

Женщина осмотрела свои пальцы, сгибая и разгибая их, чтобы проверить, что суставы работают как надо. Удовлетворённая, она оглянулась на Рейдона. Она спросила:

- Почему ты разыскиваешь именно этих троих? С тех пор по Чумным Землям прошло немало паломников.

- Меч эльфийки, Ангул, должен выполнить свой долг по защите Фаэруна.

- Ты не похож на мечника, - с некоторым сомнением произнесла женщина.

- Меня обучали их использованию; я изучал кулак, ноги, прашу и многое другое.

Но несмотря на это, - Рейдон сменил тему, удивлённый собственным хвастовством, - необходим именно Ангул. Ты не видела его или его владелицу, эльфийку Кирил? А может, их спутника, дварфа Тормуда?

- Я видела тех, кого ты описал. Я приняла похожую форму, чтобы поговорить с ними. Я попыталась отговорить их. Они искали Мелового Скаакуна, изверга из белого камня, который обрёл силу примерно во времена моего пробуждения.

- В год Синего Пламени? Вы... дерево, отмеченное волшебным шрамом?

- Немногочисленные существа, уцелевшие в самой заразной волне Волшебной Чумы, не просто получили шрам — они полностью преобразились. Чума изменила их. Это жуткие создания, полные ярости и жажды разрушения. Миру повезло, что большинство из них приковано к одному месту. Я, конечно же, исключение. Я больше склонна к философии.

Рейдон подавил желание объяснить, что его самого коснулась и изменила первая волна Чумы. Значит ли это, что Символ Лазури у него на коже — не «просто» волшебный шрам? Он посмотрел на массивные корни вокруг ясения, потом в пылающие глаза женщины.

- Я привязана, да. Но в отличие от Мелового Скаакуна и других, мой разум не поддался порче. Может быть, потому, что до пробуждения под действием обезумевшей дикой магии у меня вовсе не было никакого разума.

- Но вы обладаете телом, похожим на моё, - указал Рейдон на женщину. Он игрался с идеей поинтересоваться, не дриада ли она. Какое-то предчувствие заставило монаха воздержаться от таких вопросов.

- Я лишь аватара, семечко, - ответила она. - В подобной форме я могу ходить по этой переменившейся земле, но не дальше. Пока что нет.

Рейдон нахмурился, но решил не обращать внимания на последнюю реплику.

- Не укажете ли путь к Меловому Скауну?

- Он станет твоей погибелью, как стал погибелью для твоих друзей.

- Значит, они погибли? Вы уверены?

- Со временем я чувствую всё, что произошло на поверхности Чумных Земель. Земля, даже такая беспокойная, как здесь, поглощает гниющие останки. Под поверхностью почвы мои корни простираются ещё дальше, чем над нею. Конечно, мои подземные щупальца не дотягиваются до логова этой твари. Может быть, они отделались ранениями. Но знакомство с Меловым Скауном заставляет меня думать иначе.

Рейдон кивнул.

- Согласен с вашими подозрениями, но мы считаем, что меч уцелел.

- Мы? - полюбопытствовала аватара Ясеневой Матушки.

- У меня есть советник, Путеводная Звезда. Он сейчас далеко, - Рейдон огляделся вокруг, ожидая, что раздастся голос из ниоткуда и опровергнет его утверждение. Но следующие несколько секунд развеяли его надежды.

- Вот оно что, - произнесла аватара, по-человечески склонив голову в знак неуверенности.

- Я должен вернуть меч. События за пределами вашей земли требуют его участия. Ангул — реликвия сгинувшего Сильдеюра. Он обладает силой для борьбы с Господством Аболетов.

Женщина откинула свои волосы затянутой в кору тонкой рукой. Она сказала:

- Я не слыхала про это Господство.

- Это группа существ, похожая на изменённых Чумой, которых вы описали. Твари из недр земли, которым необходимо помешать.

- И помешать им должен именно ты.

- Эта задача действительно легла на мои плечи.

Женщина хлопнула в ладоши. Звук был такой, будто ударились две досточки.

- Герой! Иногда паломники рассказывали о героях. Ты у меня первый.

Аватара улыбнулась.

Молчание стало затягиваться.

- Вы поможете мне? - неожиданно Рейдон ощущил усталость.

- Обычно паломники должны рассказать мне историю в обмен на помощь. Но у такого честного и доблестного героя я попрошу лишь позволения сопровождать тебя. Когда ты встретишь Мелового Скауна, моего давнего противника, я постараюсь отвлечь его внимание, чтобы ты нашёл свой потерянный меч.

Рейдон наклонил голову.

- Спасибо, Ясеневая Матушка.

- Сюда, герой, - аватара коснулась его локтя и повернула в новую сторону. На юг. Может быть, на юго-восток. Сила её пальцев-корней была невероятной, и сучковатая древесина ободрала монаху кожу.

Отпустив его, она указала рукой.

- Мы должны миновать сильнейший вихрь, чтобы достичь самого сердца.

И с этими словами все отдельные корни, из которых состояло её тело, исчезли в земле — как будто проросли в обратную сторону. Аватара исчезла.

В смущении Рейдон оглянулся на древо. Разве женщина не сказала, что будет его сопровождать? Огромный ствол не дал ответа.

Рейдон посмотрел туда, куда показала ему аватара. На горизонте висели грозовые тучи, казавшиеся почти знакомыми. В них плясала синяя молния.

В сотне шагов от него из земли пробился росток, и за ним сразу же последовала ещё дюжина таких же. Они тесно переплелись друг с другом. В следующий миг Рейдон узнал аватару.

- Пойдём, герой, - позвала та. - За мной!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Год Тайны (1396 ЛД)

Тауниссиk, море Павших Звёзд

Ануша извергала самые чудовищные ругательства, которые только могла вспомнить — однажды брат ругался ими на слугу. Тёмная каюта на борту «Зелёной сирены» проглотила её вспышку гнева, и снова воцарилась тишина.

Яфет отошёл слишком далеко, чтобы она могла последовать за ним во сне. И именно тогда, когда она нужна была ему сильнее всего. Теперь, когда Ногах погибла, как Яфет вообще отыщет их цель? Как выберется обратно? Он может сбежать в свой замок — но там рискует погибнуть от рук фейвайльдской ведьмы. Если сперва сам себя не убьёт проклятой пыльцой.

Думай, приказала себе девушка. Паника тебе не поможет.

Легко сказать, да сложно сделать. Но она постаралась выровнять дыхание. Она сосредоточилась на звуке слишком быстро колотящегося сердца и заставила его статьтише, пока стук не прекратил отдаваться в ушах.

Тело Ануши находилось слишком далеко от недр острова. Как ей подойти ближе, не рискуя выдать себя? Да и какая теперь разница? Ногах мертва, и великий кракен должен был узнать о корабле, вставшем на якорь у побережья. Слизкие пловцы кво-тоа и небесные часовые, оставлявшие след из чернил, могут обнаружить корабль прямо сейчас, пока она размышляет.

Ануша отбросила эти размышления. Из-за них сердце снова бешено заколотилось. Она опять не сможет заснуть.

Девушка знала — одна лишь эта мысль свидетельствует о том, что уже слишком поздно. Чем больше стремишься уснуть, тем дальше ускользает от тебя сон. Уставшая или бодрая, Ануша понимала, что пройдёт немало времени, прежде чем она сумеет расслабиться и хотя бы просто вздрогнуть. Хуже того, чем больше она использовала зелье Яфета, тем сложнее становилось уснуть естественным способом. При этой мысли она нахмурила брови от беспокойства.

Ануша становилась такой же зависимой от серебряного фиала, как Яфет от его проклятой жестянки. «Нет», - буркнула девушка.

Может быть, подумала она. Неважно. Либо она бросит Яфета, либо постараётся помочь ему. Вот и всё. Она откупорила серебряную ёмкость и сделала глоток.

Как только девушка улеглась и закрыла глаза, возник её сновидческий двойник. Облачившись в латный доспех сна, Ануша вышла из своего физического тела.

Она осторожно положила серебряный фиал в карман юбки своего спящего тела и пообещала, что больше не будет использовать это зелье. Как уже обещала в прошлый раз.

Прекрати! Сейчас у тебя есть дела поважнее.

Она сделала вдох, показавшийся почти настоящим.

- Я всего лишь сон, и мир вокруг тоже кажется мне сном, - попыталась убедить себя девушка.

Ануша закрыла крышку сундука, в котором осталось её тело. Она сунула руку внутрь и закрыла защёлку изнутри.

- А теперь сложная часть. Может быть.

Она наклонилась, широко развела руки и схватилась за медные ручки по бокам сундука. И потянула. Сундук подвинулся всего на волосок.

Ануша нахмурилась.

- Во сне я настолько сильна, насколько захочу, - заявила она.

Она снова потянула. Сундук сдвинулся ещё на дюйм.

Она отпустила ручки и снова выругалась, но на этот раз уже не так искренне. Она подняла со столика доску для нарезки, полную крошек. Доска поднялась так же легко, как и наяву. Почему же ограничения настоящего мира преследуют её во сне?

Потому что глубоко внутри она ожидает, что здесь работают такие же правила. Вопреки тому, что на самом деле правила явно отличаются — Ануша может проходить сквозь стены и оставаться невидимой. Почему же её способность влиять на мир остаётся неизменной, если отличается всё прочее?

Ануша снова схватилась за ручки. Сейчас она испытывала полную уверенность. На этот раз она не стала тащить. Она сосредоточилась. Затем просто подняла весь сундук. Какая-то часть девушки знала, насколько тот на самом деле тяжёлый, но в своей решимости она представила его лёгким, как доску для нарезки. По крайней мере — у неё во сне.

Из сундука раздался храп её спящего тела. Услышав его, девушка опять осознала, какой вес держит, и едва не уронила сундук. Один край с силой ударился о пол. Она опустила сундук — но осторожно, не роняя. Её усыпленное тело не отзывалось на встряску.

Девушка понимала, что достигла предела. Будет тяжело добиться концентрации, необходимой для поднятия большего веса. Но зачем поднимать, догадалась девушка, если можно просто тащить?

Ануша ногой открыла дверь каюты и вышла наружу, волоча за собой сундук. Счастливчик радостно засопел, увидев девушку.

- Хочешь мне помочь, мальчик? - спросила она дворнягу. Пёс навострил уши и замахал хвостом. Если Ануша сумеет доставить своё тело на остров, ей не помешает сторож, который будет охранять сундук со спящей девушкой.

Хлынувшая вода засосала Яфета в свои всепоглощающие объятия. Он попытался сделать последний вдох и вместо этого глотнул солёной воды. Поток закрутил его и ударил головой о камень.

Тогда он перестал понимать, что происходит. Наверное, кто-то схватил его за лодыжку и потащил. Вокруг колдуна в воде вздымался облаком плащ. Из складок выскользнул какой-то предмет. Яфет увидел свою жестянку с пыльцой, уносимую бурным потоком. Он потянулся к ней, но жестянка скользила вниз и вниз, пока тьма не поглотила её. Он закричал, как от удара, и наконец исторг воду из своих лёгких. Его скрутил кашель.

Колдун обнаружил себя на мокром камне, торчащем посреди бурного потока. Рядом лежала Серена, с виду — такая же побитая и едва не утонувшая, как и он сам. А вот капитан Фостер как будто не пострадал, хотя и лишился шляпы. Его длинные волосы были закинуты за спину, а кожа блестела от капель. Скупая улыбка исказила лицо капитана, когда он повернулся к Яфету.

- Ну что, братец, жить будешь?

Яфет кивнул, попытался ответить, но вместо этого опять закашлялся, содрогаясь всем телом.

Серена сказала:

- Ты плаваешь как тюлень, Фостер.

Скупая улыбка переросла в настоящую ухмылку.

- Похоже на то, волшебница.

- Чего ты веселишься? - огрывнулась Серена. - Мы потеряли нашего проводника и главную защитницу. А теперь ещё и заблудились. Великий кракен в любую секунду может прийти за нами!

- Зато мы ещё живы, - ответил капитан.

- Я не умею плавать, - заявила Серена голосом, лишённым её привычной мстительности. Она покосилась на воду. Всего в нескольких футах под их убежищем поднималась взбитая быстрым течением пена, а дальше поток низвергался с крутого склона, превращаясь в водопад неизвестной высоты.

- Забудь об этом, подруга. Посмотри туда, - Фостер указал налево. По другую сторону потока Яфет еле-еле различил края лестницы, ведущей вверх. - Пока что обойдёмся без плаванья.

Поток был достаточно узким, и даже волшебница легко его перепрыгнула. Они стали подниматься по ступеням. Лестница вилась вверх. Через пятьдесят шагов она вывела их в новый проход.

- Как интересно! - воскликнула Серена.

Над куполами и обелисками из коралла порхали крохотные точки золотисто-зелёного света. Они освещали подземную пещеру, размеры которой, по крайней мере в призрачном свете дрейфующих огоньков, не уступали по ширине острову наверху.

Троица стояла молча, высматривая кво-тоа или другую угрозу. Тишина глухим одеялом окутывала зал.

- Для чего это место предназначено?
- Ногах должна была знать, - ответил Фостер.

Волшебница фыркнула.

- Она мертва, Фостер. Я спрашиваю тебя.

Тот пожал плечами.

- Будем надеяться, что для нас оно станет выходом.

Серена неожиданно улыбнулась.

- Вот это дело. Давайте убираться отсюда. Оставим Сердце Снов его новому владельцу.

Фостер остановился.

- Нет, подруга. Несмотря на эту неудачу, мы должны попытаться. Я не уйду без артефакта, когда мы так близко. Яфет, как думаешь, в какую сторону нужно идти, чтобы найти здоровенного кальмара?

- Не знаю, - колдун был настолько измучен, что задумался над правотой Серены. Для Ануши их злоключения явно оказались слишком.

Фостер хмыкнул.

- Что ж, надо найти путь. Капитану Фостеру не пристало сидеть в тупике! Думаю, скоро кракен нас отыщет. Это будет наш шанс отбить безделушку. Как думаешь, с этой проклятой тварью будет полегче, чем с её слугами?

- Вряд ли... - отозвался Яфет.

- Просто мы показали себя не с лучшей стороны.

На языке у Яфета вертелись возражения: его застали врасплох, он не использовал весь свой арсенал проклятий, ему пришлось беспокоиться об остальных. Но он промолчал. Их проводник погибла, а остальные едва сумели сбежать, спасая свои шкуры. И, может быть, то была его вина.

Как он мог такое допустить? От правды не убежишь. Он находился под властью пыльцы путешественников. Будь Яфет трезв...

Колдун вспомнил, как жестяная банка унеслась вниз с тёмным потоком. У него перехватило дыхание. Он похлопал свой плащ там, где хранилась жестянка. Успокаивающей выпуклости не было. Зрачки Яфета расширились, и он принял лихорадочно рыться в складках плаща. Пусто.

Колдун потерял свой запас наркотика.

Капитан следил за Яфетом с озадаченным выражением.

- Мне нужно вернуться, - объяснил колдун. - Я потерял кое-что в воде.

- Можешь возвращаться, - заявила волшебница. - Мы идём вперёд.

Яфет посмотрел на неё. Серена выжимала волосы. Она подняла взгляд, увидела его отчаянное выражение и сказала:

- Ты симпатичный, но я туда не вернусь.

Перед его внутренним взором вспыхнуло, а потом угасло видение дороги из костей на багровой равнине. Яфет сделал ещё несколько глотков воздуха, пока безумные мысли плясали в мозгу. Мысли о погружении в водопад в полном одиночестве...

Слишком безумно, чтобы всерьёз над этим раздумывать. Ему придётся обойтись без пыльцы, несмотря на угрозу рассудку.

- Забудьте.

Фостер пронзил Яфета взглядом.

- Ты уверен, что останешься в игре? - спросил капитан.

- Похоже, у меня просто нет другого выбора, - выдохнул колдун. - Давайте осмотримся.

Яфет двинулся вперёд и шагнул в просторный зал, освещённый мерцающими ведьмиными огоньками.

Сферические купола и торчащие обелиски подражали зданиям на поверхности. Их построили, а может — вырастили из чего-то похожего на коралл. Однако в получьме строения казались более древними, пережившими не один век. Ни одно не обладало каким-либо заметным входом или окнами. На некоторых виднелись надписи, но язык был исследователям незнаком.

Яфет начал замечать закономерность в движении огоньков. Иногда они собирались вокруг одного купола или обелиска лишь затем, чтобы потом лениво разойтись среди других зданий. Огоньки никогда не замирали в пустом воздухе между похожими на монументы сооружениями. Закономерность небольшая, но, может быть, важная.

Колдун задумался над скучностью собственных сил в области поиска информации. Хотя он знал проклятья, способные обрушить на врагов дикие и голодные силы, в его репертуаре не было способов заставить немой камень говорить.

Он задумчиво оглянулся на Серену. Она была волшебницей — нет ли у нее заклинания или ритуала, способного обеспечить более глубокий взгляд?

- Серена, - окликнул Яфет.

Волшебница замерла.

- Что?

- У тебя не...

- Послушай. Если ты просишь меня полистать книгу заклинаний в поисках лёгкого выхода из этого бедлама, можешь не пытаться. Чистая удача, что за последние одиннадцать лет я успела заново выучить столько заклятий и ритуалов. Намного больше, чем многие другие. Со временем вернутся и прочие, я уверена. А до тех пор перестань беспокоить меня своими навязчивыми просьбами!

Фостер ухмыльнулся и покачал головой.

Шпиль впереди был окружён особенно большим количеством огоньков. Яфет направился туда по сырой и неровной земле. Его беспокоили мелкие лужи морской воды, тут и там усеивающие камень. Сколько времени прошло с тех пор, как вся эта область затонула? Что ещё важнее, вернётся ли вода? Они находились намного ниже уровня моря, но это не значило, что прилив и отлив не имеют значения внутри Таунисика.

Он достиг основания пьедестала. Яфет понял, что этот камень отличается от других. Это был не простой обелиск; это была какая-то статуя, двенадцатифутовое изображение, смутно похожее на кво-тоа, из фиолетового камня, хотя похожие на клешни руки были черны, как смола. Статую покрывали руны, подобные тем, что

виднелись на других зданиях. Однако в отличие от других надписей, руны статуи как будто чертили древние линии силы вдоль её конечностей. Что ещё хуже, на месте головы был написан единственный символ, из которого сочилась тонкая струйка солёной воды.

Фостер сказал:

- Яфет, остановись. Это священное место кво-тоа. Мы рискуем головами, ступая по святой земле.

Запах морской воды усилился, и ещё дюжина огоньков слетелась к статуе. Их общее свечение колебалось между фиолетовым и зелёным.

- Это облик божества кво-тоа? - спросил Яфет.

- Богини, - ответил Фостер, голос которого, всегда уверенный, сейчас немного подрагивал. - Отойди!

С треском ломающегося камня статуя пришла в движение. За два шага она сошла со своего низкого пьедестала. К Яфету потянулся тяжёлый коготь.

Колдун отпрянул, и коготь ударили в землю. Ожившее чудовище испустило визг, как будто от боли.

- Это ещё что такое? - воскликнула Серена, в руке которой неожиданно возник жезл.

- Эйдолон моря! - отозвался пятящийся Фостер. - Нечто вроде конструкта. Кво-тоа использовали их, как полуживые алтари! Их питает искра силы самой Морской Матери!

Тварь снова бросилась на Яфета. И снова колдун увернулся от медленной туши.

- Почему оно напало на нас? Не мы поработили его последователей, а кракен!

- Оно не получало жертв с тех пор, как Гефсимет захватил эту колонию, - ответил Фостер. - Эйдолон просто обезумел от гнева!

- Морская Мать! - крикнул Яфет. - Мы враги твоего врага — великий кракен, Гефсимет, поработил твой народ! Мы хотим уничтожить Гефсимета. Помоги нам, и может быть, твой народ вернётся к тебе!

Создание застыло, как будто задумавшись.

Серена пробормотала:

- Быстро соображаешь, Яфет. Будем надеяться, что это сработает!

Фостер покачал головой.

- Это не Морская Мать. Это просто точка концентрации для пред назначенной ей веры. На самом деле, я даже не помню такой статуи. Что-то в ней неправильное. В любом случае, этот эйдолон так давно заброшен, что мог сойти с ума!

- Сойти с ума? - переспросил Яфет. Затем он получил свой ответ.

Руна, которая служила статуе лицом, неожиданно брызнула во все стороны кроваво-красной водой.

Плащ Яфета взметнулся, смахнув поток жидкости в сторону, но несколько капель всё равно упали колдуну на лицо и руки. Там, где вода касалась кожи, расцветала боль. Колдун застонал:

- Вода едкая!

Серена нацелила свой жезл. Полоса сверкающей молнии на краткий миг соединила его кончик с ожившей статуей. Та вспыхнула и покачнулась, и резкая

вспышка озона затуманила Яфету зрение. Он заморгал и чудом удержался от того, чтобы пропасть глаза обожённой рукой.

Из тумана, заполнившего его зрение, неожиданно возник силуэт.

- Берегись! - крикнул Фостер. Яфет попытался броситься в сторону, но был слишком ошеломлён. Вместо того, чтобы ускользнуть с пути, он попал прямиком в хватку клешней каменного лобстера.

Спину и грудь сдавило с огромной силой, ноги оторвались от земли и принялись болтаться в воздухе. Его правая рука была прижата к боку и онемела от давления.

Эйдолон поймал его. Яфет сморгнул слёзы и увидел, что статуя подняла его высоко над головой. Скорее всего, готовилась швырнуть вниз. Он попытался разомкнуть хватку каменной клешни и добился лишь того, что его стиснули ещё сильнее. Колдун не мог даже вздохнуть.

Яфет приказал плащу перенести его обратно на землю. Плащ хлестал и бился, но потерпел неудачу. Его держали не только на физическом уровне.

Внизу, под его болтающимися ногами, к статуе скользнул Фостер со своим механическим клинком. Лязг металла по камню отдался дрожью по всему телу эйдолона. Яфет увидел, что чуть дальше Серена готовит свой жезл к новому выстрелу. Но волшебница с нерешительным видом замерла. Колдун подумал, не собирается ли Серена ударить статую новой молнией, даже несмотря на то, что он по-прежнему остаётся в её хватке. Его удивило даже то, что она замешкалась.

Яфет наконец-то сумел схватиться свободной рукой за ожившую статую. Выпустив из сдавленных лёгких последний воздух, он прошептал проклятие корчащейся тени.

Стai огоньков потускнели, и тонкие ниточки чёрного тумана поднялись из земли. Лентами зловещей энергии ноги эйдолона окутала тьма.

Создание попыталось вырваться из цепкого сумрака, но оказалось поймано скользкой, холодной тьмой. Задрожав, статуя удвоила свои усилия. Вместе с тем крепость её хватки заметно уменьшилась. Яфет втянул воздух в свои ноющие лёгкие. Ещё бы чуть-чуть — и он потерял сознание.

Фостер закричал:

- Сможешь высколизнуть, колдун? Я не хочу сражаться с созданием, что может быть идолом божества, которому я молюсь о спокойных морях!

При звуке его голоса эйдолон перестал бороться с тенями. Его пустое лицо с руной как будто обратило на Фостера внимание, несмотря на отсутствие глаз, ушей или носа. Яфет почувствовал резкую вонь гниющей рыбы и чего-то намного хуже, похожего на запах разлагающихся теней.

Фостер побледнел, но покачал головой. Он сказал:

- Клянусь небом! Это не Морская Мать!

Из руны на лице идола брызнула красная вода. Жидкость прочертила дугу в воздухе, пролетев над головой пригнувшегося капитана. За миг до того, как передний край волны должен был коснуться земли, он затвердел. Капитан пропал. На его месте возвышался небольшой коралловый купол с написанными на его поверхности рунами. Яфет прочёл эту надпись — она была на всеобщем. Надпись гласила: «Капитан Ольриук Фостер. Законсервирован для жертвоприношения 1396 г.»

Неожиданное захоронение капитана вызвало у колдуна приступ ярости. Он забился, не обращая внимания, что может пораниться о твёрдый камень...

Не успев осознать, что свободен, Яфет ударился о землю и подвернул лодыжку. Он не остановился, чтобы осмотреть травму; едва коснувшись земли, он приказал плащу перенести его как можно дальше...

Яфета выплюнуло из разрыва его плаща примерно в пятнадцати шагах за спиной живой статуи. Пока что та его не заметила.

Взгляд отсутствующих глаз конструкта двинулся влево и остановился на Серене. Женщина закричала:

- Ты меня не получишь, каменюка! - и выпустила поток электричества. Ломанная белая струя оставила огромные дымящиеся кратеры на каменном панцире идола.

Свет от электрической атаки волшебницы был ярче парящих огоньков. Таким ярким, что Яфет разглядел какое-то движение наверху и позади них. Что-то большое. В тенях огромной пещеры трепетали и извивались многочисленные выющиеся отростки, каждый из которых превосходил длиной палубу «Зелёной сирены». Один из отростков держал каменный шар размером с голову. Эти длинные щупальца росли из кожистого цилиндрического покрова, на котором пылала ненавистью пара глаз. Статуя-эйдолон реагировала на каждое движение щупалец.

Яфета затошило, перехватило дыхание. Гефсимет.

- Серена! Эйдолон — не настоящая угроза! Здесь великий кракен! Статуя — его марионетка!

Волшебница оглянулась и в гаснущем свете своего последней молнии увидела то, о чём говорил Яфет.

От изумления у неё отвисла челюсть, и в этот миг эйдолон снова пустил поток воды. Серена попыталась увернуться, но не смогла. Там, где стояла волшебница, появился небольшой обелиск с пометкой «Серена Юрамот, законсервирована для жертвоприношения 1396 г.»

Яфет мысленно оценил свои варианты, продолжая отступать от идола и от мрака, который скрывал собой Гефсимета.

Он мог направлять волшебную мощь, полученную от древних существ. Он мог общаться с адскими разумами и духами фей, испепелять врагов могучими взрывами жуткой энергии и проклинать их жуткими бедами. Пока он носил плащ Владыки Летучих Мышей, все его силы по меньшей мере удваивались. Однако колдун знал, что несмотря на все свои преимущества, не сможет в одиночку победить огромного кракена и его союзника-эйдолона. Особенно кракена, собственные силы которого каким-то нечистым образом умножил загадочный артефакт, названный бывшей жрицей кво-тоа Сердцем Снов.

С другой стороны, Яфет наверняка погибнет, если повернётся спиной к угрозе. Колдун замер. Затем расправил плечи и повернулся к идолу, и да, в сторону быстрых движений, едва заметных позади и наверху подвижной статуи. Яфет поднял руки, и с его губ сорвались слова, превратившиеся в золотой туман. Огромное облако сверкающей жёлтой дымки полетело вперёд, миновав бездумного эйдолона. Облако набирало размеры, и его внутренний свет полностью осветил огромного кракена. Впервые Яфет осознал, как странно то, что кракен как будто вполне естественно

чувствует себя на открытом воздухе. Была ли эта способность обходиться без воды эффектом Сердца Снов, как предполагала Ногах?

Дымка окутала массивного кальмара. Яфет продолжал шептать питавшие заклинание слова, придавая чарам сил, чтобы погрузить Гефсимета в сон наяву, полный зловещей красоты и видений.

Кракен начал поддаваться! Или нет? Погодите...

Руна идола вспыхнула, как звезда. В колдуна полетела вода. Капли изменяющей жидкости коснулись поднятого лица и открытых рук Яфета.

Заклинание вырвалось из-под его власти. Холодная волна захлестнула его, и тело Яфета оказалось в плenу каменного склепа.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Год Тайны (1396 ЛД)

Чумные Земли, Вилхонские дебри

Под ногами Рейдона струились синие, зелёные и золотые цвета, как будто какой-то бог перевернул мольберт создания, расплескав перемены по всему миру. Краска продолжала течь, загустевая и смешиваясь, и создавала ещё более необычные цвета и текстуры.

Воздух представлял собой дрожащую дымку оранжевого и сапфирового цвета, был пропитан запахами жасмина и лакрицы. Рейдон практически не видел рук. Как будто он шёл сквозь основание не излучающего жара и приятно пахнущего пламени. Ему было интересно, представляют ли пляшущие цвета саму Волшебную Чуму или это просто побочный продукт затаившейся под землёй инфекции. К счастью, его тело не подавало признаков болезни или распада... в отличие от Хэдина. Аватара Ясеневой Матушки своей песней вела монаха сквозь яркую муть. Её голос был ветром в сосновом лесу и направлял его. Каждый шаг встречал твёрдую землю по ногой. А вот женоподобное существо из коры, корней и листьев презирало ходьбу. Вместо этого она вырастала в каждой новой точке местности, которую желала посетить.

Из пылающей дымки показалось последнее её воплощение. С каждой новой манифестацией точное сочетание цветов, шипов, корней и коры, формирующих человекоподобную фигуру, немного различалось.

Когда их взгляды встретились, песня прекратилась. На этот раз её глаза были двумя цветущими ирисами.

Рейдон спросил:

- Ты каждый раз посылаешь вперёд корни, прежде чем подняться из земли?

Аватара склонила голову набок. Она сказала:

- Зачем посыпать новые корни, если моя корневая система уже простирается под всеми Чумными Землями?

- А! - Рейдон задумался, правду ли говорит Ясеневая Матушка по поводу размеров её корней. Если так, её настоящий размер, включая подземные корни, был просто невообразим.

Аватара продолжала смотреть на него.

- Это странно, - сказала она.

- Что? - может быть, он заразился и не заметил? Монах быстро проверил свои руки и ноги.

- Я чувствую две сущности в твоей плотской форме, хотя раньше ощущала лишь одну. Я беспокоюсь.

- Приветствую, - раздался голос. Голос Путеводной Звезды. Рейдону стало легче дышать.

- Не беспокойся, аватара, - пояснил монах. - Ты чувствуешь присутствие моего друга, Путеводной Звезды. Я рассказывал о нём, когда мы встретились. Путеводная Звезда, где ты пропадал?

Голос раздался снова.

- Восстанавливается после усилий, которые потребовались, чтобы доставить тебя к воротам Ормпетарра.

- С тобой всё хорошо?

- Да, Рейдон. Пока что. Потребовалось больше силы, чем я ожидал, но у меня ещё остался последний заряд. И это очень удачно, поскольку после нахождения Ангула я могу отправить тебя прямиком к Сердцу Снов.

Покрытая листьями фигура аватары зашуршила, как будто привлекая к себе внимание. Она сказала:

- Путеводная Звезда... Я уже слышала это имя. Эстрапланарное место встречи богов.

- Совпадение, не больше, - раздался голос разумного голема, в котором отчётливо слышалось удивление. - Но что ты такое? Я чувствую, что ты — намного больше, чем человекоподобная фигура, которую видит Рейдон.

- Я аватара Ясеневой Матушки, - сказала женщина, как будто это всё объясняло.

- А! - ответил голем.

Рейдон сказал, нарушая затянувшееся молчание.

- Она ведёт меня к Меловому Скауну — созданию, которое искали Кирил и её спутник, когда вошли в эти изменчивые земли. Аватарап считает, что Кирил и дварф были убиты.

- Печальные новости, - заметил Путеводная Звезда. Затем: - Веди. Теперь, когда я восстановил контакт с Рейдоном, я больше не буду вас отвлекать, пока не потребуются мои услуги.

Тело Ясеневой Матушки распалось. Несколько мгновений спустя её голос раздался впереди, снова затянув свою песню.

Монах продолжил путь сквозь пылающие миазмы, следя за одноразовыми живыми вехами в виде аватары.

Таким образом прошла значительная часть дня. Однородность синеватого тумана вокруг затрудняла оценку времени. Наконец, Рейдон пробился сквозь дымку в новый регион.

Он стоял у начала могучего каньона, длинного и с крутыми склонами. Слоны каньона состояли из огромных слоёв различных оттенков, как будто отмечавших какие-то невообразимо долгие отрезки времени. Осадочные слои состояли из дюжины оттенков коричневого. Некоторые слои сильнее походили на хрусталь, чем на камень. Один слой казался подозрительно похожим на плоть. Стены каньона поднимались на сотни футов по обе стороны.

Аватара стояла на самом краю тумана, не желая выходить. Она указала вниз, в ущелье.

-Иди по этой расселине, не отклоняясь влево или вправо, и в конце ты найдёшь Мелового Скаакуна.

- Ты дальше не пойдёшь? - спросил Рейдон. Он удивился, когда понял, что не желает расставаться с единственным спутником, представляющим собой что-то кроме бесплотного голоса.

- Я сказала, что мои корни простираются подо всеми Чумными Землями. Это правда, за исключением этого скопления в самом сердце Чумных Земель. Я чувствую, что это фрагмент иного мира, хотя его природа пострадала от Волшебной Чумы не меньше, чем Торил. Я не могу послать свои корни за его край.

Рейдон задумался, не напомнить ли аватаре про её обещание отвлечь скакуна, чтобы он смог найти меч. Он решил, что не стоит. Если она передумала, слова монаха ничего не изменят.

- Спасибо, что проводила, Ясеневая Матушка.

Женщина неплохо изобразила поклон.

- Как я уже говорила, ты мой первый герой. Может быть, если Меловый Скаакун тебя не убьёт, ты вернёшься и расскажешь мне о своих подвигах и о том, что наполняет тебя подобной решимостью.

- Жду с нетерпением, - ответил Рейдон, ответив на её поклон.

Многочисленные ветви, лозы и ростки аватары расплелись и с шорохом втянулись в почву.

- Путеводная Звезда?

- Я здесь, Рейдон.

Монах нахмурился, кивнул и шагнул в расщелину. По обеим сторонам поднимались крутые склоны, но путь расширялся, и вскоре он уже шёл по плоской поверхности в сотне футов от каждой стены. Тропа петляла из стороны в сторону по дну каньона. По ней лениво текла мутная жидкость. Это могла быть вода, хотя Рейдон почти ожидал, что жидкость в любой момент может загореться синим огнём. Каньон казался слишком обычным, чтобы лежать в середине Чумных Земель.

Чем дальше он шёл, тем выше становились стены. Вскоре он уже оказался в глубокой тени, и пришлось тщательно выбирать место для каждого шага по грязной тропе. Монаху стало интересно, насколько высоки стены. Они возвышались во мраке — каждый утёс как могучая плотина, построенная великанами.

Тут и там от основного каньона отходили высохшие притоки, но Рейдон следовал совету аватары и двигался прямо.

На одной из таких развилок паслось трое зверей — они были огромны, с дракона величиной, но с виду не настолько свирепые. Они стояли на четырёх лапах и обладали длинными гибкими шеями, но их глаза были пустыми, как у скота. Крыльев не было. Рейдон проскользнул мимо великанских животных, не привлекая к себе внимания. Монах молча поблагодарил провидение, что Путеводная Звезда не высказал вслух одно из своих наблюдений, хотя возможно он был несправедлив к разумному голему.

Впереди каньон заканчивался. Огромный белый утёс заполнял разлом от стенки до стенки. Неужели это снег? Он не сверкал в лучах заходящего солнца, как снег или лёд. Известняк? Нет, конечно нет.

Видимо, это был мел.

Рейдон шёл вперёд.

Он прошёл ещё несколько миль к белой стене, и за это время наступила темнота. Над головой засияли звёзды, ярче и намного пестрее, чем когда-либо видел Рейдон. Он не был знатоком небес, и не мог утверждать, видит ли знакомые созвездия здесь, в сердце Чумной Земли. Путеводную Звезду он спрашивать не стал.

Рядом со звёздами сверкал ещё один источник света. Когда сумерки сгостились, белый утёс впереди засиял, источая мерцание, похожее на лунный свет. Когда мерцание стало ярче, утёс действительно стал походить на саму Селун в фазе полнолуния, спустившуюся на землю и пойманную меж двух стен каньона. А может быть, не пойманную, а просто отдыхающую, готовясь снова взлететь в небеса.

Наконец, Рейдон спросил в никуда:

- Это и есть Меловый Скакун? Луна, упавшая на землю?
- Если луна, то не луна Торила.
- Как близко мне следует подойти?
- Эта местность притягивает мои чувства. Я едва могу поддерживать с тобой связь. Что-то мешает.

Монах кивнул. Он был сам по себе, несмотря на голос конструкта и его страсть поучать Рейдона. Оказалось, что монах рад узнать об ограничениях голема. Рейдон смертельно устал от всезнающих сущностей, намного превосходивших его самого. С другой стороны, именно ему предстояло сразиться с врагом, намного превосходящем Путеводную Звезду даже в лучшем его состоянии.

Рейдон шёл, пока не оказался примерно в сотне шагов от изрытого утёса, сверкавшего собственным небесным светом. Он приставил руки ко рту и прокричал:

- Приветствую! Я ищу Мелового Скакуна! Давайте поговорим и найдём общую выгоду!

Звёзды как будто поблекли над головой, а белый утёс налился светом, начал сиять всё ярче и ярче, пока Рейдону не пришлось сощуриться.

По каньону пронёсся звук, похожий на рёв широкой реки — такой громкий, что земля затряслась. Рейдон услышал повторяющиеся нотки в этом ошеломительном звуке. Слова. Он пропустил несколько первых слов, но наконец разобрал:

- ...пришел задать вопрос, я требую подарка. Какой дар ты предлагаешь, паломник?

Рейдон наклонил голову, не зная, что ответить. Он спросил:

- Ты Меловой Скакун?

- Кто же ещё? - ответил оглушительный голос. - Если ты пришёл задать вопрос, сначала тебе придётся предложить свой дар. Ты предлагаешь свою или чужую жизнь в качестве платы? Артефакт? Секрет?

Рейдон был здесь не затем, чтобы обращаться к силе оракула, на которую претендовало это существо, но у монаха действительно был вопрос о Кирил и её мече. Он сказал:

- Я не ищу тайного знания, совета мудреца или видений будущего. Я хочу лишь узнать о местонахождении одного из твоих бывших гостей, мечница по имени Кирил, и её спутника-дварфа.

- Какой дар ты предлагаешь в обмен на мою помощь? - повторил голос, от которого дрожала земля.

Монах хотел сказать, что у него нет дара, но вовремя остановился. Вместо этого он обратился к своим познаниям, пытаясь придумать что-то интересное, чтобы удовлетворить желание неподвижного утёса.

Путеводная Звезда неожиданно признонёс:

- Я знаю несколько секретов. Вот один из них: эльфийское королевство Сильдеюр, скрытое в Юирском лесу, не вымерло, как считают многие. Некоторые его части попали в царство фей, именуемое Фейвайльдом. Многие звёздные эльфы воссоединились со своими родичами, эладрин.

Монах вздрогнул, вспомнив прежний разговор с големом о Сильдеюре. Тогда Путеводная Звезда предположил, что королевство «погибло», а не перенеслось в иной мир. Если это правда, что некоторые части эльфийской страны уцелели, зачем же конструкт заставил Рейдона считать иначе?

Он покачал головой, понимая, что сейчас не время для таких размышлений. Вместо этого монах стал ждать ответа Мелового Скауна.

Свет утёса поблек на долгое время, затем засиял снова. Раздался голос:

- Ты вручил мне дар неизвестного прежде знания. Отвечу тем же: когда мечница Кирил, геомант Тормуд и драгонет Зет пришли ко мне, они попросили о проходе в новый мир, который лежит за западными морями. Я создал такой портал. Они покинули этот континент много лет назад и отправились на Вернувшийся Абейр.

У монаха скрутило живот. Он понятия не имел, что такое Вернувшийся Абейр и где он находится — по ту сторону океана или на другом плане бытия. Однакоказалось очевидным, что цель, которую он уже готов был настичь, ускользнула. Кирил и её клинок сейчас могут быть где угодно. Мрачное чувство поражения и гнева угрожало разорвать его спокойную сосредоточенность в клочья.

Путеводная Звезда сказал:

- Должно быть, тебе вручили поистине великий подарок в обмен на такой далёкий портал.

- Поистине. Осколок души, заточённый в полосу острой стали.

- Ангул? - воскликнул Рейдон. - Они оставили меч у тебя?

- Да. Великий дар, который я по-прежнему храню.

- Можем ли мы увидеть его? - попросил Путеводная Звезда, оборвав Рейдона, прежде чем тот смог потребовать клинок. - Мы много слышали про этот меч и хотели бы взглянуть на твоё величайшее сокровище.

- Сокровища, подобные Ангулу, следует открывать восхищённым взорам, - согласился Меловый Скаун.

Сильная дрожь попыталась сбить монаха с ног, когда утёс просто развернулся передней стороной вверх. Взметнулись клубы белой пыли. Скрежет камня кинжалом вонзился Рейдону в уши. Когда утёс остановился, открылась впадина, ведущая вглубь утёса. Внутри белый тоннель мерцал тем же светом, что и снаружи.

Рейдон бросился в проём и дальше по гладкому коридору, чтобы спастись от пыли. К счастью, внутри воздух был чист. Проход немного изгибался, так что всего через двадцать шагов он потерял вход из виду.

Проход вывел монаха в большой сводчатый зал, похожий на сокровищницу безумного короля. Огромные щиты, светящиеся мечи, усыпанные самоцветами посохи, скульптуры из разных материалов и волшебная одежда были выставлены вдоль стен и свисали с потолка. В центре зала находилось свободное пространство шириной футов в тридцать. Рейдон направился туда.

Он заметил, что множество фигур, которые монах сначала посчитал скульптурами, на самом деле были охотничими трофеями, из которых изготовили чучела или иным способом сохранили. Он увидел тигра, мумию с амулетом, эттина и других чудовищ. Он также увидел мужчину в мантии волшебника, женщину в облегающей кожаной одежде со сверкающим тычковым кинжалом и других разумных существ.

Монах вышел на широкое пространство, окружённое несколькими колоннами из алебастра. В центре стояло существо. Оно источало такое же сияние, что и утёс. Его тело походило на тело кентавра, только стройнее. Рейдон решил, что существо из камня, не из плоти... хотя его поверхность обладала жутким молочным оттенком и казалась текучей. Может быть, это был какой-то волшебный мел.

- Добро пожаловать в мою крепость, - сказало кентавроподобное создание. - Желаешь взглянуть на осколок души?

- Да, - ответил Рейдон. - Это ты — Меловый Скаун? Сначала я подумал, что на это имя отзывается утёс, с которым мы говорили.

Кентавр сказал:

- Будь это правдой, я отличался бы огромным размером, но нет. Я тот, кого ты видишь.

Он подался вперёд и сообщил:

- Я сообщил тебе это, не ожидая подарка.

- Ты очень любезен, - ответил монах, хотя не мог не задуматься, что за существо этот Меловый Скаун, раз ожидает плату за любой разговор.

- Теперь взгляни на Клинок Лазури, Ангул, что хранит в себе осколок человеческой души. После этого я заберу последний твой подарок.

- Что ты имеешь в виду? - спросил Рейдон, оглядываясь на чучела.

Меловый Скаун не ответил, вместо этого взмахнув одной молочной ладонью. Как восходящее солнце, вспыхнул свет и ослепил Рейдона.

Рейдон заморгал. По щекам покатились слёзы. Он вытер их и на полу между собой и жемчужного цвета кентавром увидел булыжник почти пяти футов диаметром. Из булыжника рукоятью вверх торчал длинный меч. Глубины камня озарялись слабой искрой.

- Душа уже угасла? - спросил Рейдон. В последний раз, когда он видел клинок в руках его хозяйки, двадцать лет тому назад, тот сверкал лазурным светом и пульсировал от праведной силы.

- Она просто спит, - ответил Меловой Скаакун. Он продолжил: - Ты взглянул на моё сокровище. Взамен я заберу свой дар.

Вместе со словами кентавра задрожал пол. В помещении эхом раздался тот же самый звук, что сопровождало открытие тоннеля.

- Ты закрыл вход? - спросил Рейдон. Монах сомневался, что вход открылся шире.

- Дар — это ты, - объявил Меловый Скаакун, двинувшись вперёд. - Я не хочу, чтобы ты убежал.

Существо подняло одну из своих рук. Пальцы расплывались и потекли, превратившись в длинный и тонкий клинок, лезвие для снятия кожи.

- Пожалуйста, оставайся неподвижен; я не люблю чинить свои трофеи.

Монах отбросил свои тревоги и сосредоточился, позволяя телу и разуму слиться воедино. Он перескочил через булыжник с Ангулом, развернувшись в воздухе, чтобы коснуться камня ладонями. Его восприятие времени замедлилось. Оказавшись над камнем, он оттолкнулся изо всех сил, ударив ногами вперёд. Его удар пришёлся высоко в человеческую грудь Мелового Скаакуна.

Отдача пронзила ступни, икры и колени Рейдона. Сеточка трещин разбежалась от места столкновения. Монах оттолкнулся от врага под дождём каменных осколков, сделав обратное сальто. Он приземлился за границей досягаемости длинных рук противника — даже той, что превратилась в клинок.

Молочный оттенок существа принял теплеть, пока Меловый Скаакун не приобрёл цвет свежей крови. Он прыгнул.

Рейдон пригнулся, избежав сверкнувших рубиновых копыт и одновременно поднырнув под взмах клинка. Он обрушил собственный удар на правый бок противника. От столкновения заболели костяшки, и, что ещё хуже — его обожгло. Красный цвет существа был не просто видимостью — кентавр раскалился!

- Рейдон, возьми меч, - посоветовал голос Путеводной Звезды.

- Ангул не поможет мне против Мелового Скаакуна, - выдохнул Рейдон, избежав новой атаки. - Каким бы странным и аморальным неказалось бы это существо, я не чувствую в нём порчи. Мой собственный Символ остаётся спящим.

- Ты должен взять меч, иначе я не смогу тебя вытащить. Сооружение, внутри которого вы сражаетесь, удаляется, хотя я не могу понять — в пространстве или во времени. Моя связь с тобой слабеет. Через несколько секунд она оборвётся. Ты окажешься пойман с Меловым Скаакуном, возможно — навсегда, в качестве одного из его трофеев.

Кентавр встал на дыбы и рухнул вперёд, ударив передними копытами. Монах уклонился, но рука-клинон задела его запястье. Существо было невообразимо быстрым, прочным, как камень, и горячим, как кузнецкий горн. Монах прыгнул назад, встав на руки, как будто чтобы сбежать, но это был трюк; продолжая стоять на руках, он ударил ногой, угодив в пылающий красный глаз существа, когда оно подалось вперёд и вниз. Хруст, похожий на звук треснувшего кристалла, музыкой прозвучал в ушах Рейдона.

Но кентавр отреагировал не так, как живое существо. Он обрушил вниз свою руку и свой клинок, и едва не проткнул монаха. Тот снова прыгнул на ноги и бросился мимо кентавра, пытаясь зайти ему за спину. Снова на ногах и в пяти футах за Скаакуном...

Кентавр лягнул его. Только годы тренировок спасли монаха, и вместо того, чтобы расколоть ему голову, удар просто зажёг искры в глазах и колоколом ударили в уши.

Рейдон рухнул на землю, едва избежав второго удара. Пол был холодным и жирным.

- Меч! - снова поторопил Путеводная Звезда заметно более слабым голосом, словно кричал с большого расстояния.

Рейдон не стал тратить воздух, пытаясь объяснить, что и так следует совету конструкта.

- Сейчас или никогда, - уже наполовину тише раздалось предупреждение Путеводной Звезды.

Рейдон бросился в сторону, сделав кувырок к булыжнику, зная, что открывается для атаки. Меловый Скаакун не стал сдерживаться. Один раз кентавр ударил его копытами, прежде чем монах встал, вытащив себя на камень.

Когда холодная рукоять Ангула оказалась в руках Рейдона, кентавр снова встал на дыбы, лягнув его передними копытами в живот и плечо. Рейдон перекатился назад. Вес его падающего тела вырвал Ангул из камня.

- Есть! - услышал он восклицание Путеводной Звезды. Из ниоткуда возник шар синего цвета и поглотил монаха.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

*Год Тайны (1396 ЛД)
Таунисик, море Павших Звёзд*

Ануша не знала, что происходит на острове. Её сновидческое тело охватила тревога.

Она вытащила сундук из коридора на главную палубу. Главной шлюпки не было, оставались лишь две лодки поменьше. Счастливчик шёл за ней. Цепь собаки обрубил единственный взмах её сновидческого меча. Для глаз любого пирата всё выглядело так, как будто сундук сам по себе скользит по промасленным доскам палубы.

- Призрак!

Темноволосая женщина со шрамами стояла между ней и ближайшей лодкой, широко раскрыв глаза. Это была та же самая пиратка, что едва не раскрыла Анушу

несколько дней назад. Женщина смотрела не на неё, а на отражение Ануши в тёмном стекле сигнального зеркала, что стояло в трёх футах от сундука.

На краткий миг раздражение заставило девушку забыть о своей тревоге. Да сколько на этом проклятом корабле отражающих поверхностей?

Ануша отпустила сундук и призвала свой меч. Оружием она разбила сигнальное зеркало. С этого момента, решила девушка, каждое встреченное зеркало она будет разбивать.

Пиратка закричала: «Нападение призрака!» и убежала, нырнув в открытый трюм. По кораблю пронеслись вопросительные возгласы, а в ответ им — крики.

- Великолепно, - прокомментировала Ануша, убиная свой меч. Меч угас, как сон. Она схватила свой сундук и потащила изо всех сил, быстро дотолкав его к перилам. Укрытый полосами мрака Тауниссик был почти невидим в начавшихся сумерках.

Ануша осмотрела механизм, удерживающий лодку. Какая-то лебёдка с кучей толстых канатов и узлов. Она подумала, не рубануть ли всё это мечом. Нет, лодку сначала надо опустить...

В ответ на раздающиеся в трюме вопли о «Призраке!» пираты на судне подняли тревогу. Ануша нашла защёлку, удерживающую лебёдку неподвижной. Она крепко ухватилась за сундук и рывком поставила его в лодку. Повторить такое во плоти она бы не смогла, и всё равно чуть не потеряла концентрацию и не рухнула через перила.

Ануша прыгнула в раскаивающуюся лодку и подозвала к себе Счастливчика. Собака взволновано гавкнула и присоединилась к ней. Ануша открыла защёлку. Ручка лебёдки завертелась, и лодка упала на волны рядом со скользким бортом «Зелёной сирены». Оказавшись в воде, Ануша рассекла канаты несколькими взмахами мерцающего клинка снов, потом взялась за вёсла.

И тут её план чуть не провалился. Тянуть, толкать, рубить и тащить вещи в сновидческой форме было гораздо проще, чем держать и манипулировать отдельным предметом на протяжении долгого времени, не говоря уже про два предмета одновременно. Вёсла продолжали выскользывать из её рук, пока она пыталась вставить их в уключины.

У неё над головой из-за перил высунулись несколько голов — все кричали, некоторые тыкали пальцами. Один из мужчин вопил: «Призрак похитил собаку капитана!»

Кто-то другой воскликнул: «Клянусь ржавым трезубцем Амберли, вы несёте какую-то чушь! Это не призрак — это вор с заклинанием невидимости!»

В ответ раздались крики несогласия, прозрения и изумления. Начался спор о том, смогли ли волшебники заново освоить искусство обманывать взгляд с помощью магии.

Ануша продолжала сражаться с вёслами. Отчаяние не помогало ей сосредоточиться. Неожиданно она вспомнила, каких стараний потребовало от неё обучение плавному письму под суровым присмотром наставника. Прибегнув к похожим усилиям, она перестала обращать внимание на пиратскую болтовню и медленно, методично поставила в уключину одно весло, потом другое. Теперь грести стало намного проще.

Быстрыми взмахами вёсел она направила шлюпку к Тауниссику, оставляя позади пиратские споры. Счастливчик уселся на носу лодки и какое-то время служил носовой.figурой.

На полпути к острову мелкие точки, за которыми оставались туманные полосы мрака, приобрели очертания кво-тоа верхом на кальмараах. Ануша неожиданно вспомнила, какую роль играла Ногах в первой высадке. Бывшая жрица постоянно читала заклинания, чтобы отвести от их отряда внимание часовых и Гефсимета. Ануша перестала грести и присмотрелась к далёким летунам. Их маршруты как будто не изменились. Пока что часовые не заметили её шлюпку посреди темнеющего моря. Неужели Ногах ошиблась? Учитывая, в какую засаду попали остальные, казалось возможным, что бывшая жрица добилась полной противоположности своей цели. Ануша продолжила грести.

Её темп всё возрастал, и наконец девушка стала махать вёслами, как сумасшедшая. Почему нет? Ей была не нужна передышка. Работа была не трудной, всего лишь однообразной. Она неслась по воде. Вскоре она достигла шлюпки, оставленной первым отрядом в густых зарослях мангров. Насколько можно было судить, никто не нашёл и не потревожил это место.

Девушка задалась вопросом, что стало с гребцами первой высадки. Наверняка ничего хорошего.

Ануша задумалась, нужно ли ей целиком вытащить сундук на берег или оставить его в лодке для быстрого бегства. Она решила оставить его в лодке.

- Счастливчик! - обратилась она к псу. - Хороший мальчик! Хороший мальчик! Жди здесь, Счастливчик. Сидеть! Жди, пока я не вернусь, ладно?

Счастливчик попытался лизнуть её протянутую руку и уселся прямо на крышке сундука. Чем она заслужила доверие такого преданного и невинного создания? Девушка погладила пса по голове и повернулась к острову.

Рейдон падал сквозь разлом между «всё» и «ничего», сквозь пространство, не предназначено для людей. Свет колол глаза и обжигал лицо. Стучали зубы. Все кости в его теле пытались вырваться из мясной оболочки. Грудь болела, он снова и снова пытался втянуть немного воздуха. Но воздуха не было. Серая дымка всё сильнее и сильнее заволакивала взгляд...

Раздирающая синяя парабола выхватила его из этого антипространства. Рейдон и Ангул пролетели десяток футов и рухнули на выстланный плиткой пол.

Монах не смог подавить долгий, хриплый кашель, хотя с каждым новым приступом рёбра пронзала боль. Он лежал на боку, почти в позе зародыша, пытаясь обуздить бунтующее тело. Когда кашель превратился, он стал отдыхать.

Куда Путеводная Звезда выбросил его на сей раз?

Помещение представляло собой большой каменный зал, наполненный большими, тускло мерцающими прямоугольными предметами. Большинство торчали из пола, но некоторые выходили из стен. Несколько штук свисали с потолка.

Древние магические письмена сияли на блоках; источником мерцания каждого предмета было это сияние. Две стены рухнули, и многие блоки были расколоты, а их руны — потемнели.

Из каждого каменного блока выступали одна-две тонких трубы пульсирующего света. Свет собирался в тугие пучки, и пучки эти держали свешивающиеся с высокого потолка каменные гаргульи. Многие световые трубы были оборваны, их свет угас, а другие змеились в беспорядке по усыпанному обломками полу.

Здесь было холодно. Дыхание Рейдона паром вырывалось изо рта, его лицо и руки уже замёрзли.

Кроме холода, ему пока что больше ничего не угрожало, не считая нанесённых Меловым Скаакуном ранений.

Он закрыл глаза, чтобы сосредоточиться. Он представил свою грудь и кости, которые в виде энергетических линий соединялись в его туловище. Они были потрескавшимися и спутанными, некоторые сломались. Импульсы боли из таких линий шипами расходились по всему остальному телу. Он представил, что эти шипы — настоящие, а потом вообразил, как их острые концы стираются. Подобные трюки помогали ему сосредоточиться. Когда острая боль достаточно ослабела и монах смог продолжить, он мысленно ухватился за каждую повреждённую и сломанную кость, и расправил их одну за другой. Новые шипы боли пронзили его тело — этих он притупить не мог. Но монах не останавливался до тех пор, пока не срастил все кости до единой.

Рейдон наконец отпустил свой фокус. Резкую боль сменила тупая и ноющая. Он ещё немного полежал в холодном зале, полном каменных обломков и странных предметов. Монаха терзали случайные мысли о его прежней жизни. Он видел Эйлин, игравшую во дворе их дома в Натлехе. На девочке было жёлтое платье, и она где-то испачкала лицо. Она держала в руках целую кучу диких нарциссов из их сада. Рейдон чувствовал их запах.

Монах улыбнулся. Эйлин ответила бесовской улыбкой, которую он так хорошо знал. Сдавило сердце.

- Эй, девочка, - прошептал он призраку. Горло перехватило. Эйлин засмеялась и исчезла.

Новая боль вырвала его из снов наяву. Его тело лежало на чём-то твёрдом и болезненном. Он подвинулся и увидел, что этим предметом был Ангул. Какое-то время монах смотрел на его тусклое лезвие. Его зрение расплывалось от невыплаканных слёз, рождённых воспоминаниями.

Монах тёр глаза, пока они не прояснились.

Он схватил холодную рукоять Ангула и встал. Отсюда он смог лучше разглядеть зал. Полосы света, которые ещё не выгорели, вели к единой точке в сердце палаты. Он подошёл туда, немного оберегая одну ногу.

Посередине лежала смятая, полузасыпанная фигура, похожая на оболочку от последней трапезы какого-то фантастически огромного паука. Фигура была человекоподобной, вырезанной из хрусталя, камня, железа и более экзотических компонентов, но она испортилась. Её поверхность заржавела и растрескалась.

Фигура была наполовину погребена под частично обвалившимся потолком. На её смятой железной груди виднелся знакомый узор — Символ Лазури.

- Путеводная Звезда?

Фигура не отвечала. Несмотря на это Рейдон был уверен, что находится в присутствии искусственного существа, которое когда-то служило сторожем Звёздной Бездны.

- Ты здесь?

Он наклонился и постучал по лбу голема. Ему показалось, что в каменных глазах идола мелькнула искорка света. Монах не был уверен.

- Ты исчерпал свои силы, когда вытащил меня из владений Мелового Скакуна? - спросил он. - Если так, то спасибо тебе. Надеюсь, это не станет последним твоим деянием. Я недостоин подобной жертвы.

Он нахмурился.

- Ты принёс себя в жертву, чтобы спасти меня — хотя мы были едва знакомы.

Его мысли обратились вспять. Он прошептал:

- А вот я оставил умирать в одиночестве самое дорогое, что было в моей жизни, пока сам спал в безопасности.

Сказав это вслух, Рейдон понял, что подсознательно спроецировал благородный поступок голема на себя. Жалкое самоуничижение, и для кого?

Он был человеком со всеми полагающимися слабостями в куда большей степени, чем когда-либо это признавал. Он был просто глупцом с раздутым эго, подобным любому другому глупцу, которые проживали жизни, убежденные, что они обучены и подготовлены лучше других — пока не узнавали правду.

Монах с отвращением отвернулся. Его колено задело каменный блок, который лежал ближе к голему, чем все остальные. Знаки на плите вспыхнули. Их формы затрепетали и потекли, пока на глазах у монаха не сложились в слова на всеобщем. Он прочитал:

Рейдон,

Если ты это читаешь, значит у меня закончился последний запас оживляющего элана. Не бойся, ты не заперт здесь. С помощью своего Символа ты можешь получить доступ к управлению Звёздной Бездной и в последний раз телепортировать себя в Фаэрун. Ты должен отправиться к виденной нами морской горе, где расположился Гефсимет. У тебя есть Символ. Не волнуйся об отсутствии у тебя опыта. Сосредоточься на волшебной мантии Звёздной Бездны, и ты сможешь использовать её, как я когда-то. Отправляйся к Гефсимету. Одолей великого кракена. Уничтожь артефакт Кессифу, которым он владеет. От тебя многое зависит, Рейдон. Хотя у меня нет души или существования, которое продолжилось бы после моей физической смерти, я всеми фибрками своего угасающего бытия желаю тебе удачи.

Твой друг, Путеводная Звезда.

- Я вдвойне недостоин твоего доверия, - прошептал Рейдон.

Он долго смотрел на каменную плиту. Прочитанные им руны изменились, сложились в большое кольцо. Кольцо оторвалось от камня и повисло вертикально перед Рейдоном. Внутри появилось изображение.

Рейдон увидел остров с кво-тоа наверху и огромным чудовищем в затопленных пещерах внизу.

Изображение в прорицательном круге показало ему поверхность острова. Была ночь, но огни и свечение выхватывали силуэты часовых, продолжавших кружить над островом.

- Ангул, ты готов? - монах поднял меч. Лазурный свет на рукояти клинка продолжал мерцать — не слабее, но в то же время не ярче.

Он вспомнил, когда видел клинок в последний раз. Это было более десяти, наверное, даже более двадцати лет назад.

Кирил стояла перед Ангулом, взвешивая, не отказать ли от клинка, ставшего для эльфийки проклятием из-за своего необычайного фанатизма. В мыслях Рейдона снова прозвучали слова Путеводной Звезды: «Жизнь Ангула — жизнь всего лишь наполовину. Без живого носителя клинок из осколка души разрушится, и тогда его душа сможет упокоиться с миром. Останется лишь мёртвая полоса стали в форме меча».

Воспоминание угасло, но Рейдон тревожно прищурился.

Если он не ошибся, значит, когда Кирил отдала клинок Меловому Скаакуну, Ангул потерял живого носителя. У меча не было живого носителя годами...

- Именем спокойного учения Сянь, надеюсь, что ты не сломан! - воскликнул Рейдон.

Меч продолжал дремать, как тогда, когда монах вырвал его из камня.

Щёки Рейдона полыхнули жаром. Он сдержал желание разбить меч на каменном обелиске, хотя именно этого ему сейчас больше всего хотелось.

Нет, сказал он себе. Я наследник Сянь. Сосредоточься. Успокойся, иначе не сумеешь сдержать своё обещание победить Гефсимета во имя Эйлин.

Рейдон расслабил грудь и плечи, выпрямился.

- Ангул, - сказал он спокойным, но властным голосом. - Заклинаю тебя, пробудись! Враг, ради уничтожения которого тебя выковали, готов уничтожить Фаэрун с помощью древнего артефакта. Ты был создан зря, если не сможешь ему помешать.

Тусклое мерцание рукояти как будто стало чуточку ярче от его слов.

Хотя нет. Оно совсем не изменилось.

Рейдон ещё несколько раз попытался возвратить к мечу, а потом решил, что осколок души внутри клинка слишком ослаб, чтобы слышать подобные обращения.

Монах посмотрел на Клинок Лазури. Это был инструмент Хранителей Символа Лазури. Символа, живым воплощением которого стал он сам.

Он расстегнул куртку, открывая знак на своей груди. Он положил рукоять меча прямо на знак и пожелал, чтобы тот пробудился.

Что-то зудело в уголке его разума. Вопрос, такой слабый, что монах решил, будто ему показалось.

Рейдон снова обратился к своему Символу. На этот раз он ясно услышал немой вопрос, вопрос, заданный без единого слова.

Кирил, это ты? Неужели моя Звёздочка вернулась?

Монах спросил:

- Ангул?

Ответа не было. Рейдон нахмурился и в третий раз озарил клинок своим Символом.

Голос, не громче прежнего, снова заговорил в голове у монаха.

Я так устал. Так устал. Почему ты молчишь, Кирил? Я думал, что ты избавилась от меня, наконец отказалась от этой расколотой души, которой никогда не дано будет познать мир. Я тебя не виню. У меня нет, совсем нет никакой выдержки, как ты слишком хорошо знаешь...

Рейдон опять обратился к клинку.

- Кирил ушла.

Моя Звезда... Она была для меня всем, а я был её проклятием.

- Ангул, послушай меня.

Ангул? Так меня зовут? Нет, как-то иначе...

- Тебя зовут Ангул. Я говорю правду.

...Я помню. Я Ангул. Я был спутником и праведным орудием Кирил. Но я выполнил свой обет. Моя задача исполнена, и покой зовёт меня. Зачем ты меня потревожил?

- Новому носителю нужна твоя сила. Порча грозит этому миру, угроза, ради искоренения которой ты был создан. Ты нужен!

Так устал..

- Ангул,abolеты из древних эпох готовы отравить мир поверхности, - умолял Рейдон. Казалось, что клинок активно ему сопротивляется, активно пытается снова раствориться в полном неведении и забвении.

Оставь меня. Может быть, на этот раз я смогу воссоединиться с Кирил целиком и полностью...

Рейдон в четвёртый раз ударил клинок вспышкой Символа Лазури.

Как свеча начинает лесной пожар, так и его знак наконец воспламенил Ангул. Тонкая, как пергамент, личность, с которой он взаимодействовал, подобная призраку по своей чувствительной, мимолётной натуре, обуглилась и сгорела до тла. Под ней был истинный Ангул, свирепый, яркий и беспощадный.

Порчу необходимо искоренить, провозгласил голос, абсолютно лишённый боли и утраты предыдущей персоны. Голос с нетерпением ждал предстоящего, жаждал избавить мир от любых существ, неприспособленных, чтобы ходить по его поверхности.

Рука Рейдона исчезла в нимбе горячего, обжигающего пламени, пламени, которое выжгло его собственную жалость к себе, его сомнения, его фокус, и его полуосознанное желание отказаться от всей этой эскапады. Нечто большее, чем вдохновение, охватило монаха — это была убеждённость в собственной правоте, полная и абсолютная. Некоторые вещи нельзя, невозможно терпеть. Ангул был главным, лучшим и единственным средством в этом убедиться. Гефсимет и его камень порчи будут стёрты с лица земли. Рейдон знал это — они с Ангулом станут инструментом, который совершил это праведное деяние.

А после, решил Рейдон, он обратит свою длань против многочисленных меньших духовных зол, по-прежнему отравляющих Торил.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

*Год Тайны (1396 ЛД)
Тауниссик, море Павших Звёзд*

Ануша повторяла путь, которым шла несколько часов назад. Ей не приходилось протискиваться между скрюченными корнями и длинными ветками; она шла, как призрак, не обращая на деревья внимания. Однако на сей раз её спящее физическое тело находилось на несколько миль ближе. Девушке не приходилось напрягаться изо всех сил, чтобы удержать себя на месте.

С другой стороны, Ануша не хотелось отходить слишком далеко, когда её тело было так близко и оставалось уязвимым. Дважды она останавливалась, чтобы прислушаться к какому-то воображаемому шуму, затем бросалась назад к лодке — проверить сохранность дорожного сундука. Оба раза Счастливчик радовался её возвращению. Оба раза тревога была ложной.

Наступила глубокая ночь, а она даже не приблизилась к тому, чтобы отыскать Яфета.

- Я не боюсь, - сказала девушка. Правда ли, тут же задумалась она? Почему она по-прежнему медлит здесь, за границами поселения, хотя знает, куда нужно идти?

- Я не боюсь! - повторила девушка.

Несмотря на решимость, она всё равно взвизгнула от неожиданности, когда вспышка лазурной синевы упала с небес и приземлилась где-то в зарослях. Ануша ожидала взрыва, который должен был сопровождать удар падающей звезды, но ничего не услышала.

Следует ли ей проигнорировать это? Что, если огнепад — на самом деле какой-то колдовской сигнал Яфета? Ануша повернулась и направилась прямо к точке удара.

Вместо куска обгорелого небесного камня она нашла человека. Точнее полуэльфа, хотя его человеческий родитель явно происходил из Теска или дальше с востока.

Мужчина был одет в сандалии, свободные штаны и затейливую шёлковую куртку, открытую до пояса. Пылающий меч в его руке и татуировка на груди горели одинаковым небесно-синим огнём. Ануша показалось, что цвет пламени не похож на Волшебную Чуму. Оттенок каким-то образом был чище, чем тот, что ассоциировался у неё с кошмарами.

Человек стоял в обожжённом кратере, но телесного урона от своей жёсткой посадки не получил. А вот разум мужчины, судя по выражению его лица, мог и не выдержать; открытый рот и пустые глаза были красноречивыми признаками безумия.

Наверху раздались охотничьи кличи. Часовые тоже заметили драматичное прибытие.

Один из часовых рухнул с неба. Его извивающаяся фигура была подсвечена зеленоватым сиянием. Наездник кво-тоа держал длинное, тонкое копьё из коралла, нацелив его прямо в сердце мужчины. За пикирующей тварью оставался чёрный след.

Полуэльф резко поднял пустой взгляд и прищурился. Когда чудовище налетело на него, мужчина поднял меч. Казалось, его сейчас проткнёт жестокое копьё наездника, но он грациозно ускользнул в сторону. Одной рукой он проткнул своим пылающим мечом пронёшееся мимо тело моркота. Лезвие меча рассекло чудовище, как простую бумагу. Свободной рукой он выхватил наездника из седла. Неподвижное тело моркота, истекая кровью, рухнуло в заросли деревьев на другой стороне поляны.

У следившей за мужчиной Ануши от изумления отвисла челюсть. Его мастерство превосходило всё, что когда-либо видела девушка — даже ту ледяную эладрин в замке Яфета. Полуэльф, наверное, был героем древности. Но в тех историях, что рассказывал её наставник, подобный воин не упоминался.

Мужчина держал трепыхающегося кво-тоа за горло. Он потребовал:

- Скажи мне, где искать чудовище Гефсимета.

Кво-тоа удвоил свои усилия в попытке освободиться из похожей на тиски хватки незнакомца.

Намёк на движение в небе привлёк внимание Ануши.

- Осторожно! - крикнула она. Двое часовых верхом на моркотах рухнули бок-обок, как ястреб на кролика, собираясь поймать мужчину между двумя молниеносными копьями.

Меченосец отпустил пойманного кво-тоа и прыгнул вверх. Полуэльф легко взмыл футов на десять. Часовые пронеслись под ним. Один случайно проткнул кво-тоа, отпущенное мужчиной. Другой попытался в последний момент поднять своё копьё, но меченосец, закрутив сальто в воздухе, разбил древко единственным взмахом своего меча.

Часовые поднялись назад в небо. Мужчина легко приземлился на ноги, двигаясь с грациозностью и экономностью действий, которые у Ануши обычно не ассоциировались с мечниками.

Он окинул взглядом место, откуда Ануша выкрикнула своё предупреждение, не смог увидеть её, потом подобрал кво-тоа, которого выхватил из седла. Тот уже обмяк из-за раны, нанесённой его собратом. Мужчина сказал: «В мире нет места aberrациям». Он рассёк неподвижное тело мечом на две части. Ануша охнула.

Голова мужчины взметнулась. Его глаза пылали. Неужели он увидел девушку?

Очевидно, нет. Он продолжил осматривать местность, потом сказал:

- Я должен найти Гефсимета. Я должен...

Его лицо исказилось, как будто мечник пытался вспомнить нечто жизненно важное.

Затем он напрягся и отбросил своё оружие прочь, словно меч обжёг ему руку. Меч вонзился остриём в землю.

Оружие продолжало пылать, но татуировка полуэльфа немедленно потемнела. Его лицу вернулось человеческое выражение, и он вытер лоб тыльной стороной ладони.

Тревожный крик раздался слева от Ануши, где был расположен город.

- Ангул, - сказал мужчина, очевидно обращаясь к мечу, - если хочешь уничтожить Гефсимета, ты должен поклясться Символом Лазури, которому служим мы оба, что больше никогда не станешь подчинять мой разум.

Меч продолжал пульсировать небесно-синим огнём.

- Он может говорить? - воскликнула Ануша, не успев остановить себя.

Мужчина поднял взгляд. Его лицо было необычайно спокойным. Он сказал:

- Нет, невидимка. По крайней мере, только с тем, кто его держит. Кто ты?

- Ануша, - ответила девушка. - Я, эм, я тоже хочу уничтожить Гефсимета. Я с друзьями. Нас разделили, но я пытаюсь их найти.

Мужчина наклонил голову, покосившись на кружившихся в небе часовых. Похоже, сейчас они соблюдали расстояние. Увидев полуэльфа в действии, Ануша не могла их винить.

- Ты поможешь нам? - спросила она. - На моих друзей напали, и мы разделились. Я не знаю, что случилось потом. Но знаю, что им нужна помощь!

- Кто твои друзья? Такие же незримые духи?

- Нет! И я не дух. Я просто, эм, присутствую здесь не полностью — поэтому меня сложно заметить. Мои друзья — Яфет, он выучил заклинания и проклятия у какого-то существа, заточённого в Фейвайльде, и Серена — она говорит, что волшебница, и тоже читает заклинания. И капитан Фостер. Он пират. На самом деле, Серена и капитан мне не друзья, только Яфет.

Мужчина потёр подбородок, потом спросил:

- Сколько тебе лет, Ануша?

У неё покраснели щёки. Девушка была рада, что мужчина её не видит. Она была вынуждена признать, что лопочет, как ребёнок. Девушка ответила:

- А как тебя зовут, человек, который упал с неба?

Он неожиданно и резко поклонился.

- Рейдон Кейн, ученик храма Сянь.

- Ты монах?

Мужчина кивнул и добавил:

- А также хранитель Символа Лазури и невольный носитель Ангула, чьё чувство морали следует подвергнуть сомнению, несмотря на рвение меча убивать зло. Я многое пережил и проделал долгий путь, чтобы попасть сюда и уничтожить Гефсимета с его артефактом.

- О! Что ж, тогда ты поможешь мне?

- Я не чувствую в тебе скверны, и пока ты не докажешь, что недостойна доверия, я буду тебе доверять. Я уже знаю, что этому клинку доверять нельзя.

С этими словами полуэльф схватил меч. Его лицо посуворело. Его рука задрожала. Но самообладание вернулось его чертам. Он сказал:

- У нас нет времени на более подробные инструкции, Ануша. Пожалуйста, покажи мне путь. Я могу следовать твоим устным указаниям.

Ануша подобрала с земли камень и объяснила:

- Просто иди за ним.

Она устремилась к городу. Тревога и страх немного отпустили девушку. Теперь, когда ей задышалось легче, девушка задумалась — а если бы не появление полуэльфа, смогла бы она найти в себе достаточно храбрости?

Ануша отбросила эти мысли — не было смысла гадать. С появлением Рейдона Кейна она позволила себе надеяться, что увидит Яфета снова.

Ануша провела Рейдона в Тауниссик. Даже ночью неправильные, похожие на коралл строения и чистые пруды сияли бледным, водорослевым светом. Кво-тоа, раньше нежившиеся в прудах, отсутствовали, но зловещие фигуры виднелись за каждым окном в городе. Тусклый свет в помещениях позади бросал тень на их пустые лица. Часовые продолжали кружить в небесах и держали Рейдона в центре круга.

- По крайней мере, они сохраняют расстояние, - сказала Ануша, пытаясь разрядить обстановку чем-то более полезным, чем крики или нытьё.

- Они позволяют нам войти, потом закроют выход — чего ещё, кроме такой трусливой тактики, можно ожидать от затронутых скверной созданий? - голос полуэльфа звенел праведным гневом. Меч опять взял власть над его разумом?

Она подбежала к крупному зданию. Рейдон легко держался с ней вровень.

Вырезанные на стенах извилистые глифы мерцали зелёным и слабым красным светом. Она нырнула внутрь, ученик храма Сянь — следом. Они прошли через парадный зал с низким потолком, где жидкость из фонтанов в форме рыб стекала в три бассейна. Из двух арочных коридоров Ануша выбрала правый и бросилась вниз по узкой лестнице. Барельефы с изображением голов кво-тоа торчали из стен через равные промежутки. Их глаза источали жёлтое сияние.

После первой развилки лестница вышла в прямой тоннель, который Ануша пролетела, не задерживаясь — в одной руке камень, которым она указывала путь Рейдону, в другой — сновидческий клинок.

Они вошли в палату, освещённую троицей больших, диаметром футов в десять, бюстов кво-тоа на высоких стенах. В помещении стояла гранитная плита — Ануша вспомнила, что та обрушилась и запечатала выход. Кто-то отодвинул её в сторону.

Воду из центрального бассейна спустили, и теперь там осталась укрытая слизью полость в полу. Внутри, как увядшие листья, лежали мёртвые бледные рыбы. Дыра в бассейне вела к спускающейся вниз винтовой лестнице, теперь открытой воздуху.

- Рейдон, здесь мы и разделились, - воскликнула девушка. - Я не знаю, что случилось, когда меня утащило прочь, но в последний раз бассейн в полу был наполнен водой.

- Как долго... - вопрос Рейдона затих, когда монах поднял глаза.

Ануша проследила за его взглядом. На одном из бюстов кво-тоа у них над головами сидел дракон, похожий на ленивого степного кота. Между его вытянутых лап лежали останки гуманоидов, но отсюда Ануша не могла разглядеть их получше. У неё скрутило живот, хотя сновидческое тело и было нематериальным.

Дракон, заметив, что привлёк внимание монаха, потянулся. Его крылья распахнулись, как перепончатая рука с длинными пальцами, раскрывшаяся, чтобы царапнуть по потолку. Он зевнул, обнажив окровавленные когти длинной с предплечье Анушки. Глубоко посаженные глаза дракона и пустые носовые впадины

были похожи на череп. Из его челюсти торчали большие шипы, а вдоль надбровных дуг шли два ряда мелких рогов.

- Ты несёшь скверну, которой я не потерплю, - обвинил Рейдон дракона холодным, как железо, голосом.

- Вы вошли сюда и нашли свою смерть, - раздался в ответ шершавый рокот дракона. Чудовище напряглось, готовясь к прыжку.

Ануша крикнула:

- Где другие нарушители, которые вошли сюда несколько часов назад?

Дракон застыл при звуках её голоса. Его глаза обшарили помещение, ноздри раздулись. Крылья сложились назад и улеглись вдоль спины.

- Они сошли вниз, чтобы высказать своё почтение Гефсимету, - прошипел дракон, глаза которого блестели от интенсивности его поиска.

- Лжец! - воскликнула Ануша.

Брови дракона сошлись, как будто в озадаченности от того, что он не смог отыскать жертву. Язык его тела сейчас кричал об осторожности — чудовище больше не собиралось обрушиться на Рейдона.

- Ты назвала меня лжецом? Ты ошибаешься, невидимка. Меня зовут Скатрис, - сказал дракон. - Я позволю тебе и твоему другу-шу узнать, кто в этом зале лжец. Быть может, это ты? Гефсимет и твои друзья находятся внизу.

Дракон вытянул массивный коготь и указал на лестницу на дне покрытого слизью бассейна.

Ярость охватила Анушу. Она отвела руку и бросила свой сновидческий меч, как копьё. В её глазах оружие действительно удлинилось в полёте, став настоящим копьём. В последний момент Скатрис каким-то образом почувствовал этот осколок сна и увернулся. Копьё пронзило одно из крыльев дракона.

Тот взревел от гнева и растерянности, испустив поток зелёной жижи, опалившей стены. Копьё на миг удержало чудовище на месте, хотя дракон бешено забился, пытаясь избавиться от пригвоздившего его предмета.

Боль пронзила голову Анушки, сразу за глазами. Девушка охнула, и в тот же миг копьё исчезло. Боль ослабела, но осталось тупое ноющее чувство, напоминая ей, что уловки сна не могут изменять реальность бесконечно.

Дракон, освободившийся от незримого шипа, не сбежал. Вместо этого он припал к своему настену, полагаясь на камень в качестве защиты от незримых атак. Он прошипел:

- Даже сейчас твои друзья отдают свои бессмертные души пустоте, что лежит между звёздами. А ты возишься здесь.

Он расхохотался, насмешливо и хрипло.

Рейдон изучал Скатриса. Клинок Лазури был обнажён в его руке. Язычки синего пламени бежали по клинку.

- Рейдон, пойдём! Мы нужны Яфету!

Монах нахмурился. Капля пота застыла у него на губе. Он свирепо посмотрел на дракона, но сказал:

- Внизу ждёт ещё большая мерзость, Ангул.

Полуэльф заставил себя отвернуться и шагнул в раскрытую дыру. С необычайной грацией он скользнул по скользкой, почти вертикальной стене в бассейн, легко избежав шахты с лестницей.

Ануша прыгнула следом — совсем не так изящно. Впрочем, её никто не видел, и простое падение не могло повредить девушке. Она подумала, не призвать ли сновидческий клинок снова, но решила подождать. Голова по-прежнему ныла. Было ясно, что бросив копьё в дракона, она надорвала свою способность влиять на реальный мир.

Монах бросился вниз по узкой винтовой лестнице. Ступени были скользкими от недавно стёкшей воды. Он ни разу не споткнулся. Ануша незримой тенью летела следом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Год Тайны (1396 ЛД)

Тауниссиk, море Павших Звёзд

Во рту стоял медный привкус. Кровь? Он изогнулся, глаза чуть не закатились в глазницы в поисках чего-то знакомого. Где он?

Тусклый красный свет тянулся наверху и по бокам. Огонь? Точки света пылали крошечными угольками, всё ярче и ярче, пока не слились в единую красную дымку.

Он вышел на дорогу из костей посреди багровой равнины под кровоточающим небом.

Он продолжал идти, потому что знал, что должен сделать нечто очень важное. Где-то в той стороне, куда он идёт, наверное. Нечто очень серьёзное, он был уверен. Чувство срочности пылало сразу за границей сознания, готовое вот-вот разбить стекло между раздражением от незнания и страхом от понимания. Но он никак не мог точно вспомнить, что должен сделать...

Он остановился. Дорога почему-то казалась знакомой, как будто он уже видел её во сне. Или, по правде говоря, в кошмаре.

Возможно, он видит сон прямо сейчас. Это могло бы объяснить пробелы в сознании. И то, почему на нём нет одежды. Да он даже собственное имя не может вспомнить! Разве во сне такоe нормально?

Он снова зашагал вперёд. Может быть, в конце дороги сон закончится, и он проснётся. Было бы неплохо. Может быть, это даже правда. Он ускорил шаг.

Спустя какое-то время он осознал, что далёкий рёв, который он слышит, может быть водопадом. Звук раздавался где-то впереди. Решение было правильным! По крайней мере, он направляется к чему-то интересному. Он удвоил скорость.

Дорога опускалась ниже уровня окружающей равнины. Сумрачные стены пронизанного жилками камня вставали по бокам. Рёв странно звучал в похожем на ущелье проходе, почти как... крики?

Звук, и так достаточно нервирующий, вызвал иное воспоминание. Он уже слышал такой звук раньше. Он опять задумался, не кошмар ли это. Тот факт, что он не мог вспомнить собственную личность, в совокупности с криками приобрёл зловещее значение.

Он резко остановился на краю уступа. Он смотрел в бездонную пропасть, простиравшуюся за пределы способности его взгляда различать детали, как будто бесконечную в своей глубине. Ему казалось, что бездна пронизывала мир и выходила на другой стороне, оставаясь пустотой, длящейся вечно...

Следующий удар сердца принёс с собой воспоминание о его личности.

- Я Яфет! Клянусь проклятыми договорами фей, я — Яфет!

С именем пришло осознание, что он потерял плащ. Затем колдун понял, где находится.

Он стоял на краю багровой дороги, где демоны охотились за теми, кто отдал свои души пыльце путешественников. Сюда рано или поздно попадал любой, принимавший волшебный яд. Благодаря своему договору Яфет избегал этой судьбы намного дольше всех остальных.

Раз он снова находится здесь, значит, его удача истекла.

На этот раз не было никакого Владыки Летучих Мышей, которой спустился бы с кровоточащего неба и спас его от полного разложения. Да Владыка и не сумел бы. Благодаря коварству Яфета, он был заточён в собственном замке. А может, Владыка сумел освободиться самостоятельно, и из-за этого Яфет потерял свою защиту. Так или иначе, колдуна пришёл конец.

С пересохшим ртом и выпущенными глазами Яфет таращился в бездну. Он попробовал отодвинуться от края. Боль опалила ноги, как будто кости приковали его к месту, неожиданно выпустив крючья в мускулы. Он покачнулся. Носки ног нависли над бесконечной пропастью. Его внутренняя борьба заставила осыпаться участок земляного выступа. Посыпались вперёд и вниз галька и пыль. Пропали из виду.

Раздавались вопли хриплых, испуганных глоток. Он резко повернул голову и увидел, что это не единственная дорога, ведущая в великую пропасть. Сотни других проходов виднелись в стенах бездны, некоторые выше того, на котором стоял он, другие ниже — последние остановки на дорогах из костей. И по ним шли другие жертвы. Шли с криками, протестами и мольбами, а потом, продолжая кричать, бросались в пустоту.

Он хотел отвести глаза. Но ужас заставил его следить за каждой новой жертвой, проносящейся мимо. Некоторых зияющий разлом бесконечной тьмы поглощал. Но многие другие не достигали этой границы — по крайней мере, не достигали её одним куском. Поскольку в этом промежутке между бесконечным падением и ложной надеждой на спасение охотились демонические создания. Они носились по воздуху на чешуйчатых крыльях, хватая в воздухе пролетающие тела своими когтями, шипастыми хвостами, длинными языками и другими отростками, слишком жуткими, чтобы рассматривать их подробнее.

Когда демон налетал на падающего крикуну, голос его жертвы становился вдвое громче в своём забытом богом отчаянии, затем резко обрывался. Остатки каждой трапезы наконец освобождались, мокрые и беззвучные, и падали во тьму.

Яфет сам не смог сдержать вопль, когда против собственной воли шагнул в пустоту. Он упал. Он махал руками, как и все остальные, но это лишь усиливало его ужас. Он приказал себе прекратить трепыхаться, но было невозможно делать что-то другое.

С пылающего неба опустился силуэт. Он приблизился с беспощадной уверенностью и выхватил колдуна из воздуха.

Почему демон не рвёт его? И тогда колдун понял — это не демон.

Это была Ануша. Ануша в золотых доспехах сна, хотя и без шлема. Золотые крылья выдумки росли из её спины. Крылья бились в сильном и спокойном ритме, поднимая их обоих.

Она держала его, а он — её. Она поднимала его всё выше и выше. Он посмотрел в её тёмные глаза и потерялся. Он был так же дезориентирован, как при взгляде в бездну, но страх покинул его.

Яфет сказал:

-Ты спасла меня, Ануша. Я обязан тебе жизнью. Я...

Она только улыбнулась. Яфет крепче прижался к ней.

Вздрогнув, Яфет открыл глаза. Его окружало огромное тёмное пятно, тут и там усыпанное крохотными, подвижными огоньками света. Он лежал на чём-то сырому и болезненно твёрдом.

- Где... - начал он, потом закашлялся. Горло болело, как будто от криков. Или от слоя каменной пыли. В глазах был песок, а тело ныло от ушибов. И с каждым вздохом левую сторону груди пронзала боль.

Он потёр глаза, чтобы слёзы смыли пыль. Когда зрение прояснилось, он увидел, что неприятный предмет, на котором он лежит — небольшой коралловый купол. Написанные там слова гласили: «Яфет Донард. Законсервирован для воскрешения 1396 г.»

Мужской голос, гладкий и мягкий, но со странным акцентом, произнёс:

- Ты свободен от камня. Ануша тебя вытащила. Ты был погребён в этом коралловом гробу.

Яфет снова закашлялся и разглядел темноволосого мужчину, который к нему обращался. На том была распахнутая на груди шёлковая куртка, обнажавшая огромную татуировку, сиявшую лазурным блеском. Стойная фигура мужчины указывала на толику эльфийской крови. Меч, пылающий таким же небесно-голубым огнём, торчал из булыжника перед мужчиной, как будто за неимением ножен тот сунул клинок в камень.

- Где Ануша? - спросил Яфет.

-Может быть, стоит незримая рядом. Хотя судя по её молчанию, Ануша пытается достать из ближайших гробниц остальных.

Яфет встал. Измученные, покрытые ушибами конечности запротестовали, но он вздохнул с облечением, когда почувствовал, как шевелятся вокруг складки плаща. Потеря плаща ему просто приснилась! И то, что он едва не погиб от последней стадии употребления пыльцы, должно быть, тоже был сон.

Или нет? Мужчина сказал, что Ануша вытащила его из кораллового купола. Может быть, сновидческое тело девушки вытащило его не только из каменной оболочки?

Синяя вспышка на ближайшем к Яфету куполе осветила две фигуры — женщину в доспехе и другую женщину, обмякшую в руках первой.

- Ануша! - имя слетело с губ Яфета вопреки его собственной воле.

Ануша вытащила вторую женщину, Серену, из камня, и уложила её на грубую поверхность, как Яфета. Она махнула рукой, хотя синий огонь, выхвативший её силуэт, уже начал гаснуть. Прозвенел её голос.

- Ещё один?

Она указала на купол с именем Фостера.

- Да, - ответил колдун, улыбаясь до ушей. Как и во сне, на девушке не было шлема.

- Один момент, - она повернулась и пропала.

Серена закашлялась. Судя по звукам, её горло так же пересохло, как и у Яфета. Волшебница была покрыта белой пылью, которая придавала ей нездоровую бледность. Очевидно, на нём был такой же слой.

Ануша появилась из последнего купола в новой вспышке лазурного пламени с капитаном Фостером на руках. Яфет заметил, что она тащит довольно массивного мужчину без особых усилий. Её способности росли.

Фостер едва приоткрыл веки и прошептал:

- Воды.

Колдун сложил ладони чашечкой и опустил их в лужу. Он пронёс воду три шага и вылил на белое, покрытое золой лицо и в открытый рот мужчины. Рот содрогнулся, открылся и закрылся странным рыбьим движением. Фостер охнул, когда вода коснулась его. Коже капитана вернулся цвет. Серена уже стояла самостоятельно и что-то бормотала себе под нос.

Яфет повернулся к Ануше, пламя которой уже почти пропало. Неожиданно путаясь в словах, он сказал:

- Я рад тебя видеть.

- Яфет! Мне так жаль, что я тебя бросила! Было слишком далеко...

- Здесь небезопасно, - оборвал её хриплый голос Фостера. - Где чудовище?

Яфет виновато оторвал взгляд от блекнувших очертаний Анушки и оглядел раскинувшийся вокруг простор. Он искал намёки на извилистые щупальца в тенях. Огоньки золотисто-зелёного цвета порхали над куполами, обелисками из коралла и лужами морской воды, усеявшими огромный подземный зал. Больше ничего.

Тогда заговорил незнакомец.

- Мы не видели великого кракена, хотя встретили несколько слуг Гефсимета.

Он указал на груду обломков рядом с собой. Яфет узнал символы на разбитых камнях — это был заточивший его в камне эйдолон, которым управлял Гефсимет!

- Ты уничтожил шагающую статую? - спросил Фостер.

Мужчина кивнул и поморщился, глядя на меч, торчащий из камня.

- Да, с помощью Ангула.

Он поднял взгляд и объявил:

- Я Рейдон Кейн, монах храма Сянь. Я здесь, чтобы уничтожить Гефсимета и его омерзительный артефакт.

- Твоя помощь будет весьма кстати! - пришёл в восторг Фостер. - Кажется, мы доказали, что наших собственных сил недостаточно.

Серена нахмурилась. Яфет тоже нахмурился, но не потому, что Фостер умалил их способности, а из-за заявленного желания Рейдона уничтожить Сердце Снов. Эта вторая цель не устраивала колдуна.

Яфет решился заговорить:

- Если мы уничтожим Гефсимета, его артефакт наверняка будет бессилен.

Может быть, монах позволит обвести себя вокруг пальца. Фостер с поблескивающими глазами подмигнул колдуну. Капитан хотел уничтожения Сердца Снов не больше самого Яфета.

Брови монаха немного сдвинулись, как будто от удивления; затем он резко встряхнул головой. Он сказал:

- Артефакт — это источник проблемы. Его уничтожение необходимо, иначе какое-нибудь другое существо присвоит его ради собственных зловещих целей, или, что ещё хуже, ради вызова из недр земли тех, кому в действительности принадлежит камень.

Меч испустил внезапную лазурную вспышку, слово подчеркнув слова монаха.

Яфет кивнул, с виду соглашаясь, но на самом деле раздумывая, как ему поступить.

Легкомысленным тоном, как будто пересказывая анекдот, Фостер сказал:

- Что ж, не будем пересчитывать монеты, не открыв сундук, ладно? Чудовище по-прежнему где-то рядом, и сначала нам придётся с ним разделаться. После этого можно будет поговорить об уничтожении.

Яфет снова кивнул. Может быть, он сумеет убедить полуэльфа-шу отказаться от желания разрушить артефакт. Рейдон спокойно встретился взглядом с капитаном, ничего не отвечая.

- Вы с ума все посходили? - воскликнула Серена. - Гефсимет вчистую нас одолел. Я не собираюсь драться с ним снова! Нам нужно выбираться отсюда. Я ухожу.

Она бросила отчаянный взгляд в сторону Яфета, как будто умоляя его о поддержке.

Колдун сказал:

- Серена, мы не можем сбежать, не встретившись с Гефсиметом. Если мы разделим силы, он просто убьёт нас по одиночке. Вместе, на сей раз с помощью Рейдона и Ануши, у нас может получиться победить кракена.

- Что за Ануша? - спросила Серена. - Дай угадаю — призрак, верно? В любом случае, ты должен понимать, что лжёшь самому себе.

Голос женщины стал громче, эхом расходясь по залу.

- Мы пришли сюда впятером, помнишь? Сомневаюсь, что Ногах и первый помощник согласились бы с тобой по поводу наших талантов в области командной игры. Я бы у них спросила, но вот беда — они уже мертвы!

Последние слова Серена прокричала.

- Серена, тихо, - раздался встревоженный голос Ануши откуда-то слева.

Волшебница резко обернулась, высматривая девушку.

- И ты! - воскликнула она. - Следовало разделаться с тобой при первой же встрече, девочка-призрак. Сомневаюсь, что твоё умение прятаться поможет против кракена!

Фостер хмыкнул.

- Серена, она спасла тебе жизнь, - запротестовал Яфет, несмотря на нежелание участвовать в детских капризах волшебницы. В его висках гневно застучала кровь.

- Нет времени на ссоры, - вмешался Рейдон Кейн. - Что-то приближается.

Далёкий рокот стал громче. Яфет уже какое-то время слышал этот шум, но не обращал на него внимания. Теперь он понял. Это был звук текущей воды. Большого количества воды.

Поток воды сорвал верхушку с кораллового купола меньше чем в десяти шагах от Яфета. Верхняя часть коралла взлетела вверх с такой силой, что ударились в потолок зала и разбилась на осколки. Соединивший пол и потолок гейзер продолжал бить столбом хлещущего моря, холодный и грозный, готовый заполнить всё помещение, если ему не помешать.

Вниз посыпалась вода и осколки камня.

Один из осколков прочертил кровавую линию на левой щеке Фостера. Тот выругался на незнакомом Яфету языке.

Серена прошептала волшебное слово, и возник обычный с виду деревянный щит. Он начал кружиться вокруг хозяйки — но не успел защитить её от камня, задевшего голову.

Напитавшись бьющей водой, лужи на полу начали сливаться друг с другом. Пелена водной взвеси размыла снующие в воздухе огоньки. Далёкие купола и обелиски потеряли резкость. Но внимание Яфета привлекли движущиеся на периферии тени.

Всего в трёх-четырёх десятках футов из дымки возникла фаланга примерно из двадцати волочащихся кво-тоа с копьями. Их кожа блестела от влаги. Похоже, тварей не тревожила прибывающая вода, которая уже захлёстывала ноги.

Серена выпустила тугую струю пламени, мгновенно поджарив переднего рыболова. Яфет вторил ей собственным шипящим взрывом колдовства, выпустив другому кво-тоа кишку. Жертва остановилась и ничком рухнула в воду. Их товарищи не дрогнули — они затоптали пострадавших, даже не взглянув на них.

- Твой меч! - крикнула Серена, указывая на пылающий клинок.

- В Ангуле пока нет необходимости, - ответил монах.

Продвижение кво-тоа на мгновение остановилось — рыболовы метнули копья. Плащ Яфета обернулся вокруг копья, которое пыталось проникнуть сквозь глазницу в его череп, отбросив оружие прочь. Ещё одно копьё ударилось в вертящийся щит Серены, расколол его.

- Если твой клинок действительно так силён, как выглядит, он нужен нам сейчас! - надрывно крикнула волшебница.

Рейдон подобрал копьё, которое раскололо Серене щит. Он швырнул его обратно в наступающую толпу, пронзив горло одному кво-тоа. Он ответил:

- Это меча подавляет личность носителя. Я предпочитаю не поддаваться ему без абсолютной необходимости.

Капитан пиратов прищурился, неожиданно охваченный алчностью.

- Ему? - переспросил Фостер. Рейдон не ответил и как будто бы не обратил внимания на жадность Фостера. Вместо этого он бросился на фалангу, с каждым шагом оставляя мелкие кратеры в воде. Меч монаха запылал ярче, как будто злясь, что его игнорируют. Несмотря на всю свою яркость, пылал он напрасно, оставаясь торчать в камне.

Капитан Фостер оглянулся разок на Ангул, потом бросился за Рейдоном, достав свой механический меч. Капли воды собирались струйками, стекая с клинка Фостеру, как будто оружие было выковано из перьев утки вместо металла.

Фаланга кво-тоа, лишившись троих из первоначальной дюжины, сплотилась перед монахом и сняла со спин новые копья. Кво-тоа выдвинули их перед собой, намереваясь проткнуть мужчину.

Рейдон прыгнул, и его траектория превратилась в дугу. Он легко пролетел над самым высоким остриём. Он приземлился в гуще фаланги. Построение рассыпалось, когда все кво-тоа сразу попытались развернуться вовнутрь. Руки монаха замелькали, как лопасти водяного колеса, вспышкой ударов, которые Яфет едва различал. Казалось, что лазурная татуировка на груди Рейдона светится всё ярче с каждым убитым созданием.

Фостер врезался во внешний круг отвлёкшихся рыболовов. Он мгновенно сразил двоих своим ядовитым механическим клинком, открыв дыру в и без того дрогнувшем построении.

- Слишком просто, - прошептал Яфет. Он осмотрел края зала и заметил движение.

- Вон там! - крикнул он, показывая рукой. По меньшей мере три других отряда копьеносцев кво-тоа показались в тумане. Вместе с ними были новые существа, похожие на кальмаров размером с гончую, и другие — настолько деформированные, что колдун не мог их распознать.

Яфет прошептал серию волшебных слов и направил губительный луч в один из отрядов, опалив их глаза и замедлив продвижение.

- Яфет, наверху! - крикнул ему на ухо голос Ануши. Он поднял взгляд.

Кракен вернулся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

*Год Тайны (1396 ЛД)
Тауниссик, море Павших Звёзд*

Символ Лазури на груди Рейдона вспыхнул ледяным предупреждением, пульсируя с каждым новым ударом сердца. Как будто монах не знал, что все эти рыболюди затронуты порчей.

Оставаясь в оборонительной стойке, Рейдон схватил ударившее в него древко копья. Он дёрнул, потащив кво-тоа вперёд, прямо на поднятое колено. Голова кво-тоа хрустнула, и существо упало. Монах перехватил копьё и принялся вращать им, как посохом. Он крутанул копьё одной рукой, обрушив звучный удар на голову другого кво-тоа. Он подался в обратную сторону, чтобы задеть второго врага, затем положил на древко вторую руку, чтобы вонзить тупой конец копья в горло третьему. Кво-тоа попытался закричать, но вместо этого задохнулся. Древко увеличило область досягаемости Рейдона, но удары оружия были не так сильны, как усиленные Символом кулаки монаха.

Задыхающийся кво-тоа вскрикнул, попытался обернуться, но вместо этого осел кровавой грудой. За телом стоял капитан, его странный щёлкающий меч был усеян каплями воды и крови, маниакальное выражение превратило его лицо в жуткую маску. Нечто в этом выражении и форме головы мужчины напомнило Рейдону самих кво-тоа.

- Новые враги на подходе, дружище шу, - выдохнул капитан. Он указал мечом на рыболюдей, марширующих сквозь искусственный дождь. Ухмылка капитана стала ещё шире. - Новые трупы.

Символ Рейдона неожиданно похолодел, как снежная буря. Монах поднял взгляд. Сквозь текущую с потолка воду он заметил... огромную стаю летучих мышей? Нет. Единственное существо с длинными конечностями уродливых чёрных мускулов. Это было то самое чудовище, которое показывал ему Путеводная Звезда. Гефсимет.

Огромный кракен сжимал в одном из щупалец шар размером с голову, а в другом — человекоподобную статуэтку из камня, казавшуюся детской куклой рядом с Гефсиметом. Он нависал над разворачивающейся сценой, щупальца мелькали и переплетались над головой, как будто читая заклинание, которому требовалось жесты всех его многочисленных конечностей.

Ещё полдюжины отрядов кво-тоа, как по приказу, бросились через заполняющийся водой зал. Прежде чем они достигли Рейдона, Гефсимет потянулся вниз и поставил свою куклу рядом с монахом. Рейдон увидел, что на самом деле статуя вдвое выше его. Ещё один каменный исполин, подобный тому, которого он разрушил по прибытии в это помещение.

Статуя шагнула вперёд, вздымая руки.

Рейдон бросился на неё. Из фокуса своей концентрации он направил силу, раскалывающую камень, в основание правой ладони. Нити прохлады протянулись из груди вниз по руке, переплетаясь с его фокусом. Волшебный шрам Рейдона, Символ Лазури, помогал ему по собственной воле.

Статуя с клешнями краба окатила его багровой жидкостью.

- Рейдон, нет! - услышал он чей-то крик, наверное, невидимой девушки, а может — паникующей волшебницы. Потом его поглотила тишина.

Когда коралловый купол запечатал монаха, к Ануше вернулся страх, плотным кляпом угрожая задушить девушку. Ей казалось, что Рейдон Кейн способен справиться с любым вызовом, как с теми угрозами, что они встречали на поверхности. Вместо этого кракен первым же действием нейтрализовал его.

Волшебница Серена рядом с ней, похоже, плакала, даже обрушив волну молний на ближайшую фалангу кво-тоа. Треск грома отшвырнул вверх тормашками шестерых или семерых рыболовов. Они рухнули оглушёнными и покалеченными грудами. Но в пещеру продолжали прибывать новые. Плач Серены стал громче, пока она готовила новый удар. Она всхлипнула: «Мы все умрём!»

Ануша стояла рядом с Яфетом. Его взгляд был прикован к кракену, а может быть — к шару, который держал кракен. Страх девушки приобрёл конкретные очертания.

- Подожди! - посоветовала Ануша, решив, что колдун готов в одиночку бросить вызов Гефсимету. - Подожди помохи Рейдона! Я могу освободить полуэльфа, как освободила вас!

Не оглядываясь, она бросилась сквозь толпу чешуйчатых тел. Она призывала свой клинок сновидений и по пути размахивала им вокруг. Она представила клинок таким же настоящим и острым, как лезвие Ангула.

Проход Ануши оставил кровавую брозду в надвигающихся рядах кво-тоа. Её доспехи и оружие состояли из материи снов, и кровь их не запятнала. Девушка решила, что так должно быть, и так было. Существа могли заметить призрак девушки лишь по кровавым следам, которые оставались за ней. Кво-тоа визжали и гибли.

Ануша достигла места, где статуя законсервировала Рейдона. Капитану Фостеру пока что удалось избежать этой судьбы, но чем он сейчас занимался? Фостер стоял на коленях в воде лицом к эйдолону, вложив меч в ножны и протянув руки, как будто в мольбе. Мужчина напевал что-то мелодичное — возможно, молитву.

Странные жидкые звуки его песни возымели определённый эффект. Статуя покачнулась, попыталась сделать шаг, замерла, задрожала, потом отступила вбок.

- Что бы ты ни делал, продолжай, - прошептала она и нырнула в камень, поглотивший Рейдона. Она только что справилась с тремя такими же каменными гробницами и знала, что искать. Почти сразу же она заметила тело Рейдона. Ануша схватила неподвижного монаха под мышки и потянула, но руки девушки соскользнули. Она попыталась снова, вспомнив, что нужно приказать его плоти

стать такой же, как её сновидческое тело — похожей на дым в воздухе. Она потянула опять, и через секунду мужчина освободился из каменных объятий.

Рейдон как ни в чём не бывало тут же возобновил свою атаку. Пока Фостер отвлекал внимание эйдолона, монах прыгнул и ударил статую в грудь основанием ладони.

В помещении эхом разошёлся треск ломающегося камня. Статую неожиданно усеяла сеточка синих огненных линий. Толще всего линии были в месте удара.

Ануша вышла из-за спины Рейдона и обрушила на каменного исполина свой сновидческий меч. Сила отдачи удивила её.

- Нет! - неожиданно воскликнул Фостер. - Не бейте её!

Её? Анушу удивило, что пират неожиданно назвал так статую и хотел её защитить. Неужели его разум поработил Гефсимет?

В ответ на безумную просьбу капитана Рейдон бросил в его сторону озадаченный взгляд, но не прекратил атаковать каменную фигуру. К монаху устремились каменные кleşни, но он увернулся, скользнув вбок и за спину статуе. Оттуда он обрушил вихрь жалящих ударов. Натиск Рейдона сопровождался звуком хрустящего камня, показавшимся Ануше похожим на звуки работы в шахте. Руки и ноги полуэльфа каким-то образом стали твёрже камня.

Кво-тоа, заполняющие пещеру, остановились, вылупив свои глазки на Рейдона. В следующий миг разрушение статуи завершилось. Монах стоял на груде скользкого мокрого камня над призывающей водой. Его волосы прилипли к голове под постоянным дождём, одежда промокла, но в это мгновение он казался непобедимым. Монах поднял взгляд и уставился на кракена, как будто бросая вызов.

Огромное, скользкое от слизи чудовище не обрушило на мужчину свои толстые, как деревья, конечности, как ожидала Ануша. Вместо этого Гефсимет свернул свои щупальца подобно жутким облакам. Словно в ответ закричали все до единого кво-тоа. Это был звук непреодолимого безумия. Безумия, угрожавшего заразить Анушу своей жуткой атональной громкостью.

Вопящие кво-тоа хлынули в атаку, забыв о построениях, дисциплине и страхе смерти.

Волшебница закричала с таким отчаянием, что Ануша расслышала её даже в рёве рыболовей. У Серены дрожали плечи, но она сумела возвести периметр жгучего пламени, как будто отмечая место для своего последнего боя.

Рейдон прыгнул с груды камня, схватил Фостера за полы его плаща и бросился назад к Яфету, Серене и Ангулу. Пират позволил утащить себя, но его взгляд не отрывался от кучи камней. Ануша решила, что Фостер уже сошёл с ума. А может и нет. Несмотря на поникший вид, капитан не выпустил из рук меч.

Монах воспользовался свободной рукой, чтобы отбрасывать кишащих между ним и его целью кво-тоа. Даже после того, как сильный удар сбивал рыболовей с ног, их крики почти не меняли тональность.

Ануша шла вместе с ним, помогая Рейдону отражать когти, удары копий и укусы.

На пути Рейдона неожиданно возник кво-тоа крупнее прочих своих собратьев. Рыболовек держал гарпун с привязанной верёвкой. У него был широкий, скользкий от слизи щит. На спине висело несколько дополнительных гарпунов.

Монах немедленно перенёс всю инерцию своего движения в руки. Встав, как вкопанный, он бросил Фостера по высокой дуге, достать до которой гарпунёру не хватило нескольких футов. Пиратский капитан с громким всплеском рухнул внутри защитного кольца пламени, пылающего, несмотря на то, что с потолка продолжала хлестать холодная вода.

Полёт капитана отвлёк Анушу, и Рейдона, возможно, тоже. Когда Фостер приземлился, гарпунёр бросил своё копьё с широким наконечником. Оно попало Рейдону в левую ногу. Из раны хлынула кровь — в свете летающих огоньков она казалась чёрной.

Рейдон запоздало отдёрнулся. Древко сломалось, но наконечник с прикреплённой верёвкой остался в ране. Гарпунёр с жуткой силой дёрнул. Скользкая, залитая водой поверхность подвела монаха, и он упал. Кишащие, вояющие кво-тоа налетели на него в мгновение ока.

Яфет был загипнотизирован движением щупалец огромного кракена, который по необъяснимой причине не помог своим рабам справиться с ними. Единственный удар одного из его щупалец в десять футов толщиной раздавил бы двух-трёх человек сразу. Почему кракен сдерживается?

Колдун решил, что чудовище играет с ними, как кот с мышью. Вряд ли кракену часто удавалось так поразвлечься.

Впрочем, его толпящимся и вояющим слугам помочь не требовалась. Краем глаза Яфет увидел, как рухнул шу под напором извивающихся чешуйчатых тел.

Я буду следующим, решил он.

Три кво-тоа у огненного кольца зашипели — Яфет даже не знал, что рыбы способны так хорошо подражать змеям — и прыгнули через стену пламени. Огонь вспыхнул, моментально поджарив всех троих.

Серена прошептала:

- Я смогу удержать ещё четырёх, может пятерых — если на нас накинется больше, периметр не выдержит.

Её глаза были красными от скорби, и она смотрела на Яфета, как будто ожидая от него ответов.

Он чувствовал себя таким же уставшим и измученным. Он не мог дать надежду волшебнице. Одной лишь близости кракена хватало, чтобы убить героизм и задушить порывы даже самых храбрых людей.

Яфет огляделся, надеясь заметить Анушу. Конечно же, её нигде не было видно. Может быть, девушка даже вернулась в своё физическое тело. Колдун не стал бы её винить. На самом деле, Яфет даже надеялся, что она сбежала.

Не хотел, чтобы Ануша видела, как он умирает.

Орда корчащихся кво-тоа там, где упал Рейдон, продолжала дрожать и извиваться. Монах по-прежнему сражался под слоем чешуйчатых тел. Поразительно.

Яфет заставил себя снова взглянуть на нависший над ними кошмар.

Сердце Снов было так близко! Он видел артефакт, обвитый кончиком одного из многочисленных щупалец Гефсимета. Камень как будто сиял собственным антисветом. Артефакт был слишком близко, чтобы Яфет мог продолжать его игнорировать.

Он посмотрел на Ангул. Брать ли оружие, которое, по словам Рейдона, было выковано ради убийства аберраций? Он хмыкнул. Нет, он никогда раньше не держал меча — даже игрушечного, в детстве.

Придётся полагаться на дары Владыки Летучих Мышей.

Когти рвали Рейдона спину, лицо и обнажённые предплечья. Зубы впивались в его лодыжки, открытую грудь и даже в уши. Сотни ртов кричали свою бесконечную, безумную песнь, пытаясь раздавить Рейдона весом своих туш и утопить его, удерживая голову монаха под прибывающей водой.

Огромное число борющихся тел было единственной причиной, по которой Рейдон до сих пор не пал под их натиском. На других кво-тоа приходилось куда больше царапин и зияющих ран от когтей и укусов, чем на самого монаха.

Но он не выдерживал. Из оставленной гарпуном раны сочилась кровь, и с каждым мгновением мысли становились всё более расплывчатыми из-за бесконечного крика. Он сумел удерживать голову над водой достаточно долго, чтобы ещё раз отчаянно втянуть в себя воздух. Один из его врагов вырвал наконечник гарпуна из ноги монаха. Кровь хлынула сильнее.

Его зрение сузилось, а крики вокруг углубились, как будто он вошёл в тоннель. Он знал, что его подводит восприятие.

Милозвучный любопытный голос из ниоткуда спросил: «Папа? Ты ранен?»

- Нет, Эйлин, - автоматически ответил он. - Просто немного устал.
- Давай поиграем!
- Нет, сначала папа должен закончить одно дело...

Рейдон сморгнул своё видение. Он не хотел быть уличенным во лжи, даже если эта ложь была адресована воспоминаниям о его дочери.

Пламя волшебного шрама на его груди замерцало, как будто готовясь угаснуть. Монах забыл об этом. Он постепенно терял контроль. Он выбросил Эйлин из головы и сосредоточился на Символе, и татуировка снова запылала ярким и холодным светом, освещая полости тёмной, живой горы, которая погребла монаха под собой.

От боли кво-тоа зажмурили свои широкие глаза, когда неожиданное очищающее сияние опалило их. Рейдон воспользовался этой возможностью и начал пробиваться наверх, как человек, плывущий против течения. Течение состояло из холодных, чешуйчатых, мокрых рыболовей. Он больше не мог извлечь из Символа ту же энергию, которой воспользовался ранее, чтобы превратить статую в груду камней. Он чувствовал, что не дал шраму срока на восстановление. Тот устал, как и сам монах. Вспышка энергии, которую он сумел извлечь из Символа, уже угасала, и его конечности пылали от перенапряжения.

Когтистая лапа впилась в его левый бицепс. Из-за неудобного положения Рейдон не мог её оторвать. Лапа начала сжиматься.

Затем кво-тоа ниже монаха укусил его за стопу — ту самую, которую чуть не откусил изменённый чумой гуль в Звёздном Покрове.

Его вопль вырвался наружу потоком пузьрей. Этот старый укус гуля так до конца и не зажил, и вся боль от него вернулась троекратно.

В отчаянном жесте монах протолкнул свободную руку прямо вверх, мимо корчащихся тел, судорожно пытаясь за что-то ухватиться.

Кто-то схватил его за руку и потянул. Рука была маленькой, но сильной. Достаточно сильной, чтобы поднять его и вытащить из-под барахтающихся кво-тоа. Она потащила монаха ещё выше, пока Рейдон не оказался в десяти футах над водой. Должно быть, его спасла Ануша. Снова. С помощью спасительницы он выбрался из-под живой горы, не считая двоих кво-тоа, которые удержали свою хватку.

Один висел на его бицепсе, второй не отпускал ногу.

Рейдон задышал свободно, делая большие глубокие вдохи. Когда его тело наконец освободилось от дюжины царапающихся врагов, он смог занести свободную ногу, чтобы обрушить свирепый удар коленом в голову кво-тоа, хватающегося за его руку. Раздался хвост костей, враг перестал вонзить и обмяк, а затем рухнул вниз.

Тот, что кусал его вторую ногу, пытался ухватиться покрепче, но держал челюсть плотно сомкнутой на ступне Рейдона.

Большой кво-тоа с гарпунами выбрал именно этот момент, чтобы бросить новое копьё. На этот раз Рейдон заметил атаку. Он поднял обе ноги и вывернулся, чтобы жующий его кво-тоа прикрыл монаха от гарпунёра. Копьё вонзилось твари в спину. Тот забулькал и упал.

Вытянувшая монаха рука задрожала. Девушка устает, понял Рейдон. Он представить не мог, как она вообще может его удерживать. Прежде чем девушка его выпустила, он взмахнул ногами назад, потом резко вперёд, и отпустил руку Анушки.

Рейдон закрутил сальто в воздухе и приземлился точно в середине огненного периметра волшебницы, не пропускавшего воду.

Его раненая нога с истерзанной ступней подвернулись, как Рейдон и ожидал. Он сумел удержаться от падения ничком в холодную воду, рухнув на колени. Боль от удара через копчик передалась по спине и заставила застучать зубы.

Поток воды, до сих пор бивший ровным столбом, неожиданно прекратился, как будто по приказу Гефсимета. Скорее всего, так и было.

Хриплые вопли кво-тоа полностью стихли, как и фоновый рёв хлеставшей воды. Ливень холодных капель с потолка прекратился в тонкие струйки. Туман, окутавший помещение, стал рассеиваться. Тысячи кругов на поверхности воды, затопившей помещение примерно на фут, исчезли.

Без постоянного дождя поверхность воды успокоилась, превратившись в идеальное зеркало. Рейдон увидел отражение монолитов, куполов, кво-тоа и окутанную тенями, страшную фигуру огромного кракена, нависшую над всем происходящим.

Он увидел в воде собственное усталое отражение и отражения товарищей, включая женщину в золотых доспехах посередине между ним и Яфетом. Она стояла на поверхности воды, как на твёрдой почве.

Яфет проследил за взглядом Рейдона и его глаза раскрылись шире.

- Ануша, беги!

- Бежать? - недоверчиво переспросила девушка. - Я не стану снова убегать! Я...

Из хитинового клюва, что торчал из отверстия под огромной тушей Гефсимета, полился голос.

- Я вижу тебя, призрак. Хватит твоего вмешательства.

Серена зажала ладошами уши и закрыла глаза.

Колдун прокричал отчаянную паутину волшебных формул и указал пальцем на исполина. Сверкающий изумрудный узел губительной силы ударили из пальца Яфета, поднимаясь выше и выше. Достигнув мягкой плоти огромного кракена, он принялся закручиваться вокруг чудовища, петля за петлёй, как будто пытаясь его обездвижить. Там, где зелёная энергия касалась чудовища, его шкура покрывалась ожогами. Запах, похожий за запах жарёного мяса и собачьих экскрементов, пронёсся по залу.

Колоссальные щупальца Гефсимета вздрогнули. Зелёные петли в мгновение ока распались отдельными звенями и угасли.

Одинокое щупальце вытянулось из туши Гефсимета, сжимая круглый камень. Камень опустился рядом с отражением Ануши.

У Рейдона замерло сердце. Он бросился к рукояти Ангула и почувствовал, как с треском рвётся нога.

Его пальцы сжали холодный, гладкий металл рукояти. Даже этого краткого касания было достаточно, чтобы изгнать боль от гарпуна в ноге и пылающий огонь на месте ступни. Он протащил себя ещё несколько дюймов и схватился за рукоять обеими руками.

Какая-то часть его беспокойства пропала. Обещание новой силы пронзило мускулы, начинаясь с рук и быстро расходясь по всему телу. Когда энергия достигла груди, его Символ ответил пульсацией света, почти такой же яркой, как чистый огонь меча. При помощи Символа монах сумел защитить свои мысли от подавляющей личности Ангула.

Рейдон вырвал клинок из камня и обернулся, поднимая оружие над головой.

Сердце Снов в хватке слишком крупного щупальца Гефисмета парило всего в десяти футах над отражением Ануши в воде. Рейдон услышал, как девушка кричит самой себе: «Просыпайся! Просыпайся!»

Но она не проснулась. Она посмотрела на Яфета и сказала:

- Я... выпила зелье сна!

Облик Ануши исказился, растянулся и удлинился. Её слова превратились в крик испуганной агонии. Как вода, воронкой стекающая в дыру, её растянутый образ обвился вокруг чёрного камня, прежде чем его жестоко засосало внутрь.

В отражении на воде не осталось ни малейшего намёка на девушку.

Мучительный крик Яфета утонул, когда взрывом возобновились сумасшедшие вопли кво-тоа. Толпа начала приближаться к кольцу защитного огня Серены.

Призрак скорби по Ануше вцепился в Рейдона. Но сейчас монах был согласен с Ангулом; самое главное — погрузить пылающий клинок в нечистую тушу Гефсимета.

Очевидно, кракен решил точно так же. Чудовище — сотни футов извивающегося ужаса — хлестнуло вперёд сразу всеми своими отростками, кроме того, в котором было зажато Сердце Снов.

Одно из щупалец пронзило влажный воздух, как снаряд из баллисты. Оно целиком ударило в тело Фостера, в мгновение ока придав капитану такую же скорость. Тело мужчины пронеслось по воздуху, пропав из виду в дальнем конце пещеры.

Другое щупальце десяти футов в обхвате, как падающий дуб ударило в то место, где стоял колдун Яфет. За мгновение до удара Рейдон увидел, как Яфет шагнул внутрь своего плаща и пропал.

Орда кво-тоа выбрала этот миг, чтобы пробить периметр, принеся в жертву пламени несколько особей. Сумасшедшим тварям было уже всё равно. Чешуйчатые лапы выживших схватили Серену.

Волшебница выкрикнула заклятье, пропустившее ток через двух коснувшихся её существ. Им на смену пришли другие четверо и вытащили волшебницу за периметр угасшего круга. Испуганные крики Серены нельзя было расслышать за бесконечным победным воем кво-тоа.

Тroe из щупалец Гефсимета устремились к Рейдону. Его умение позволило уклониться от двух. Третье задело монаха — так сильно, что выбило его из оборонительной стойки, и даже настолько сильно, что он едва не выронил Ангул.

Используй меня, пока тебя не убили, прозвучала безмолвная мольба Ангула в сознании Рейдона.

- Использую, - пообещал Рейдон. Он сумел снова сомкнуть обе руки на рукояти.

Монах снял свою мысленную блокаду, полностью открываясь воздействию меча. Боль, даже в ступне, пропала, и беспокойство за судьбу Ануши и остальных было забыто. Единственная мысль пылала в его мозгу: смерть Гефсимету. Клинок Лазури триумфально полыхнул в его неожиданно радостной хватке, его звёздносиний огонь воспламенил и вскипятил стоячий, сырой воздух пещеры.

Потом щупальце обвилось вокруг груди Рейдона. Монаха подняли в воздух и затрясли, как терьер трясёт крысу, чтобы сломать ей шею. Но Ангул был словно якорь, и Рейдон черпал равновесие из меча, хотя его кровь металась взад-вперёд между ногами и головой. Он обрушил меч на щупальце.

Импульс презрительной силы из щупальца с Сердцем Снова опередил его удар на долю секунды, едва высветив силуэт Гефсимета зеленовато-чёрным сиянием.

Вместо того, чтобы погрузиться в щупальце, Ангул отскочил от скользкой плоти, как от адамантина. Монах опять едва не выронил меч.

Ангул пришёл в ярость. Рейдон почувствовал, как клинок потянулся внутрь себя, а возможно — и к Символу монаха в поисках дополнительной силы. Рейдон позволил ему получить всю энергию, которую требовал клинок.

Он поднял Ангул, и бело-голубое сияние клинка стало вдвое ярче. Лазурный рассвет в первый и последний раз просиял над пещерой. Вместе с Ангулом они сказали:

- Любая порча будет уничтожена.

Монах ударили и рассёк схватившее его щупальце. Он начал падать вместе с отрубленным куском.

Рейдон пролетел пятьдесят футов, сгруппировался и перекатился. Помощь Символа Лазури ему не потребовалась. Монах отпрянул с пути отрубленного щупальца, иначе оно раздавило бы Рейдона. В мгновение ока он уже двигался снова, перепрыгнув обрубок, разбрызгивающий фиолетово-чёрную кровь, и бросившись в атаку на внезапно взбесившуюся гору плоти.

Он сделал сальто над одним щупальцем и отрубил другое. Он был полон решимости вонзить Ангул по самую рукоять в мозг Гефсимета.

Существо прокашляло три волшебных слога. Зрение Рейдона дрогнуло — нет, не его зрение; это очертания кракена стали размытыми и дрожащими. Монах телепортировался достаточно часто, чтобы мгновенно узнать эффект. Гефсимет сейчас сбежит!

Единственное, что было важнее убийства огромного кракена — уничтожение его артефакта. Только ради этого он перенёс столько бед, чтобы вернуть Ангул.

Рейдон припал к земле, напрягая мускулы, напитывая их лазурным огнём из Ангула и своего знака. Он прыгнул.

Монах полетел вперёд, будто на незримых крыльях, оставляя за собой небесно-голубой след. Щупальце, сжимавшее артефакт, растворялось в пустоте вместе со всем остальным трусливым кракеном.

Рейдон взлетел ему навстречу. За миг до полного исчезновения конечности Ангул отсёк её. Отрубленное щупальце и Сердце Снов снова приобрели резкость.

Гефсимет исчез. Воздух с грохотом грома хлынул в освободившееся от великанской туши пространство.

Волна звука ударила по ровной дуге, которую чертил монах в воздухе, и отбросила его. Оглушительная волна прошлась по пещере, сбивая в воду всех до последнего кво-тоа и обрывая их припадочные крики.

Рейдон перевернулся в воздухе, чтобы вернуть себе контроль над падением. Рядом падало отрубленное щупальце. В отличие от предыдущего обрубка, этот хлестал и содрогался, как разъярённый питон. И действительно — Сердце Снов на конце щупальцаказалось маленькой головой. Не в силах уклониться, монах получил болезненный удар по всему телу, смахнувший его на затопленный пол.

Когда из рук Рейдона выпал Ангул, монаха охватила боль. Чувство было такое, как будто в его ступню, ту самую проклятую ступню, на всю длину вбили гвоздь. Он открыл рот и захлебнулся.

Тело предало монаха неожиданным отчаянным кашлем. Он сумел поднять голову над водой, но ничего не видел из-за судорожных попыток избавиться от воды в лёгких.

Цзай цзы, возьми себя в руки, подумал Рейдон. В храме Сянь тебя хорошо обучили — тебе не нужен волшебный меч, чтобы исцелить свои раны!

Вернув свой фокус, он перестал кашлять и осмотрелся.

Толпы кво-тоа, заполнившие пещеру вместе с водой, валялись практически неподвижно, как марионетки с обрезанными ниточками. Примерно в десяти футах он увидел под водой мерцающий свет Ангула. Даже с такого расстояния Рейдон чувствовал ярость клинка из-за того, что его выронили.

Ни капитана пиратов, ни волшебницы нигде не было видно, по крайней мере — отсюда. Однако он увидел Яфета, стоящего над щупальцем с Сердцем Снов.

Рейдон встал, сделав хромающий шаг к колдуна.

- Будь осторожен, - посоветовал он. - Не трогай...

Монах замолчал, когда колдун медленно обернулся. Обеими руками Яфет держал тёмный круглый предмет.

- Брось его, немедленно! - приказал Рейдон потрясённым голосом. - Мы должны его уничтожить!

- Нет, - раздался охваченный печалью голос Яфета. - Пока что нет. Внутри камня спит Ануша. Я должен её разбудить. Это моя вина, что она не может проснуться!

- Если ты не отпустишь камень, он заберёт и тебя, - предупредил Рейдон. Он скользнул к мерцающей полосе Ангула.

Яфет проигнорировал монаха. Он целиком сосредоточился на камне. Он смотрел в камень, как в хрустальный шар. Он начал читать скользкие от магии слова.

- Что ты делаешь? Остановись, иначе потревожишь его! - крикнул Рейдон.

Яфет проигнорировал его. Колдун закричал в камень голосом, усиленным волшебным тремоло:

- Проснись! Проснись! Ануша, если ты там, просыпайся! Забудь про трижды проклятый эликсир!

Символ на груди Рейдона так стремительно похолодел, что дыхание монаха превратилось в пар.

- Проснись! - снова крикнул Яфет изо всех сил своего заклинания.

Сердце Снов вздрогнуло в руках колдуна. Оно проснулось.

В камне проступила щель — открывающийся глаз. Рейдон встретился с древнейшим взглядом этого ока.

Это было всё равно, что смотреть на облака какого-то далёкого, исхлёстанного бурями мира. Облака окружали пустой, как смерть, зрачок.

Яфет охнул.

Рейдон сделал ещё два шага, опустил руку в воду и достал Клинок Лазури. Только это оружие могло уничтожить артефакт. Он резко развернулся и бросился к колдуну с криком:

- Отпусти его!

- Нет, - ответил Яфет. - Так легко я Анушу не оставлю.

Великое око моргнуло. Тьма в центре зрачка потекла наружу, опутав плащ колдуна собственным губительным воздействием.

Яфет шагнул назад во тьму и исчез.

Так заканчивается первая книга «Господстваabolетов». История продолжится во второй книге — «Город мучений».

